

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ИНСТИТУТ
ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

**Материалы Четвертой
научно-практической конференции
Москва, 14 апреля 2016 г.**

Сборник докладов и выступлений

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Институт права и национальной безопасности

Факультет национальной безопасности

**Стратегическое управление в сфере
национальной безопасности России:
обеспечение национальных интересов
и реализация стратегических приоритетов**

**Материалы Четвертой
научно-практической конференции
Москва, 14 апреля 2016 г.**

Сборник докладов и выступлений

Москва – 2017

УДК 351.746(063)
ББК 66.4(2Рос)
С83

С83 Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов:
Материалы Четвертой научно-практической конференции. Москва, 14 апреля 2016 г. /
Под ред. д-ра полит. наук А.В. Шевченко. – М.: «Издательство «Проспект», 2017. – 200 с.

ISBN 978-5-98597-334-1

В апреле 2016 г. Факультет национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации провел Четвертую научно-практическую конференцию «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов». В работе участвовали представители органов государственного управления, научно-исследовательских институтов и аналитических центров, ведущие российские ученые. Обсуждались проблемы реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

В сборник включены выступления и статьи участников научного форума.

Strategic management in the sphere of national security of Russia: ensuring national interests and implementing strategic priorities: Materials of the Fourth Scientific and Practical Conference. Moscow, April, 14. 2016. Edited by Alevtina Shevchenko, Grand PhD in Political Sciences, professor. "Prospect" Publishing House, Moscow. 200 p.

In April 2016, the Faculty of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration held the Fourth Scientific and Practical Conference "Strategic Management in the Sphere of National Security of Russia: Ensuring National Interests and Implementing Strategic Priorities." The conference was attended by representatives of government bodies, research institutes and think-tanks, leading Russian scientists. The problems of implementation of strategic national priorities of the Russian Federation were discussed.

The collection includes speeches and articles by the participants of the scientific forum.

УДК 351.746(063)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-98597-334-1

© Институт права и национальной безопасности
© Авторы

СОДЕРЖАНИЕ

Выработка новых методов реализации стратегических приоритетов и национальных интересов: корректировка по практике (Предисловие) <i>Шевченко А.В.</i>	5
<i>Назаров В.П.</i> Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: преемственность государственной политики, системы национальных интересов и стратегических национальных приоритетов.....	12
<i>Долгов К.К.</i> Приоритетные направления деятельности института Уполномоченного МИД России на современном этапе	18
<i>Смирнов А.И.</i> Национальная безопасность России и кибер-НАТО: угрозы и прогнозы	28
<i>Ахунзянов Р.С.</i> Перспективы развития сил обеспечения психологических операций: организационная модель	35
<i>Гулина Е.В.</i> Гомеостатический подход к реализации китайского проекта «Один пояс – один путь» на пространстве Центрально-Азиатского региона	44
<i>Емцова А.А.</i> Неформальное политическое влияние на СМИ: вызов или угроза общественной безопасности?	51
<i>Иванова К.М.</i> Проблемы совершенствования механизмов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации	60
<i>Кононов Л.А., Леденева В.Ю.</i> Модернизация патентной системы для трудовых мигрантов как фактор стабилизации региональных рынков труда	64
<i>Лутовинов В.И.</i> Создание эффективной системы патриотического воспитания – основа стратегии развития России и укрепления национальной безопасности	72
<i>Лыжнин Д.Н.</i> Перспективы реализации согласованной агропромышленной политики ЕАЭС	83

<i>Медведев Д.А.</i> Стратегические перспективы Арктического региона в системе международных отношений	88
<i>Покровский Б.Б.</i> Развитие технологий «двойного назначения» в военно-экономической политике современной России	96
<i>Пушкина О.В.</i> Демографическая политика в России: современные тренды и перспективы совершенствования	101
<i>Румянцев С.О.</i> Модель системы контроля противодействия финансированию терроризма при операциях с недвижимостью	108
<i>Тамарчина Н.А.</i> Европейский союз и Россия: что дальше?	112
<i>Титов Р.В.</i> Международные военно-гражданские отношения: информационно-коммуникативный аспект	120
<i>Токарев И.А.</i> Военно-патриотические клубы и центры: опыт субъектов Российской Федерации	127
<i>Харитонов Н.И.</i> Американская «биоПРО» как угроза региональной безопасности в Евразии	132
<i>Чугуевская Э.Ю.</i> Ресурсный и технологический подходы к определению понятия «мягкая сила»	139
<i>Шарко М.В.</i> Стратегическое управление процессами безопасности в АТР: поддержание стабильности и партнерских отношений России и Японии.....	147
<i>Шашкин П.А.</i> Перспективы государственно-частного партнерства в сфере безопасности в целях реализации стратегических национальных приоритетов	158
Приложение 1	163
Приложение 2	172
Аннотации / Abstracts	181

ВЫРАБОТКА НОВЫХ МЕТОДОВ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ: КОРРЕКТИРОВКА ПО ПРАКТИКЕ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Четвертая научно-практическая конференция «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов» продолжает цикл научных мероприятий по проблемам стратегического управления в сфере национальной безопасности, начатый факультетом национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2012 году.

Открывая конференцию, советник ректора Президентской Академии, научный руководитель Института права и национальной безопасности, генерал-полковник *В.М. Зорин* отметил особый статус форума, по своей сути ставшего уникальной диалоговой площадкой для обмена научными результатами в осмыслении стратегического управления в сфере национальной безопасности Российского государства. «Четвертая научно-практическая конференция имеет свою специфику. В канун 2016 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина была принята новая Стратегия национальной безопасности России. В ней нашли отражение особенности складывающейся ситуации, новые вызовы и угрозы, обуславливающие бессрочность действия данного документа.

Важно, что принятая стратегия указывает на кардинальные изменения на международной арене, закрепляет за Российской Федерацией статус одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Естественно, что Стратегия предполагает коррекцию старых и выработку новых методов реализации стратегических приоритетов и обеспечения национальных интересов. Исходя из этого, одним из важных аспектов нынешней конференции является высокая актуальность тематики и практическая направленность. Государство заинтересовано в участии научной общественности в достижении

эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности, в реализации стратегических национальных приоритетов», – подчеркнул В.М. Зорин.

О важности конференции свидетельствует участие в ее работе руководителей и сотрудников Совета Безопасности РФ, представителей Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел, ряда гражданских и военных высших учебных заведений, научно-исследовательских центров, общественных научных организаций: заместителя Секретаря Совета безопасности Российской Федерации *В.П. Назарова*; уполномоченного Министерства иностранных дел Российской Федерации по вопросам прав человека, демократии и верховенства права *К.К. Долгова*; президента Национального института исследования глобальной безопасности (НИИГлоб) доктора исторических наук, профессора *А.И. Смирнова*; генерального директора Центра стратегических оценок и прогнозов, доктора технических наук, старшего научного сотрудника *С.Н. Гриняева*; советника ректора РАНХиГС, члена-корреспондента РАН *В.П. Чичканова*; президента фонда «Миграция XXI век» *В.А. Поставнина* и других известных ученых, руководителей административных и общественных организаций.

В обсуждении актуальных вопросов, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации с целью достижения эффективности функционирования системы обеспечения национальной безопасности посредством реализации стратегических национальных приоритетов, участвовали более 50 человек.

В пленарной части конференции были рассмотрены различные аспекты реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности: роль государства в качестве гаранта безопасности личности и общества; совершенствование структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти в области защиты конституционного строя России, прав и свобод человека и гражданина, государственной и частной собственности; противодействие угрозам качеству жизни российских граждан; совершенствование методов поддержания стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира; взаимодействие с партнерами России в рамках СНГ, БРИКС, ШОС и другими международными институтами и др.

Заседание секции №1 прошло в формате экспертного семинара

на тему **«Стратегия национальной безопасности в новых международных реалиях»** (модератор – заведующая кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России кандидат исторических наук, доцент *Н.И. Харитонов* (РАНХиГС)). Обсуждая проблемы реализации национальных интересов в области международных отношений эксперты констатировали необходимость выстраивания новой стратегии взаимоотношений с ЕС через уточнение механизмов взаимодействия в новой Концепции внешней политики. При этом необходимо учитывать, что партнерство с ЕС базировалось на экономической основе – этот опыт был существенно скорректирован политикой санкций. Назрела необходимость выработки нового Договора о стратегическом партнерстве России и ЕС на более широкой основе – взаимных интересах социально-экономического и культурного характера (развитие туризма, безвизовый въезд и т.д.).

Предусмотренная Стратегией национальной безопасности смена подхода «многоплярности» в пользу «полицентричности» позволяет России активизировать двусторонние отношения с европейскими государствами, выстраивать союзнические отношения с группами европейских государств в соответствии с российскими интересами.

Одним из камней преткновения в отношениях России и ЕС, по мнению *Н.И. Харитоновой*, является приднестровский вопрос. Европейская модель разрешения приднестровского конфликта предусматривает, в частности, заменить российский миротворческий контингент на группу гражданских наблюдателей под эгидой одной из международных организаций. Если эта возможность будет реализована, Россия навсегда утратит плацдарм своего влияния в Северном Причерноморье. Отсутствие в ключевых стратегических документах России констатации того, что политический режим в Молдове является этнократическим, русскоязычное население не защищено, а также о необходимости защиты компактно проживающих групп граждан России на территории государственных образований с неопределенным международным статусом, ослабляет международные позиции и имидж России в глазах союзников.

В Стратегии национальной безопасности (п. 25) говорится: «Государства в качестве реакции на рост международной нестабильности все чаще берут на себя ответственность за дела в своих регионах. Региональные и субрегиональные торговые и иные экономические

соглашения становятся одним из важнейших средств защиты от кризисных явлений». В развитие этого положения необходимо прописать, что в отдельных случаях, когда речь идет о безопасности российских граждан, Россия будет обозначать регионы своих интересов и проводить там соответствующую политику.

Российские модели разрешения конфликтов и миротворчества, по мнению экспертов, являются на порядок более эффективными, нежели известные западные, особенно американские, модели. Миротворческий потенциал России требует дополнительной популяризации в мире, с тем, чтобы как можно большее количество стран, попавших в кризисную ситуацию, официально обращались к России за оказанием миротворческих и посреднических услуг. Последнее может выступать одним из измерений российской «мягкой силы».

В Азиатско-Тихоокеанском регионе увеличивается дисбаланс между темпами экономического роста стран региона и уровнем обеспечения коллективной безопасности. Именно экономическая составляющая привлекает стратегические интересы США. Их реализация несет в себе угрозу экономическим интересам России в регионе. В связи с этим России целесообразно выработать политику противодействия экспансии США по следующим направлениям: во-первых, обеспечение устойчивого экономического развития и повышение инвестиционной привлекательности Дальнего Востока; во-вторых, активное, равноправное и взаимовыгодное партнерство со странами АТР, в частности в рамках экономического сотрудничества на площадках АТЭС, ШОС. Сближение России и Китая в перспективе может сыграть положительную роль в улучшении отношений России и Японии.

Обращаясь к проблемам реализации национальных приоритетов в области обеспечений общественной и государственной безопасности, эксперты обратили внимание на то, что усиление угроз, сформировавшихся благодаря воздействиям на диаспоральные группы, проживающие на территории России, внешними игроками, актуализируют необходимость создания специальной государственной структуры по взаимодействию с диаспорами, выработки новых мер по снижению межэтнической напряженности в ряде российских регионов.

Обсуждение ключевых вопросов реализации приоритетных направлений обеспечения национальных интересов Российского

государства в зоне Арктики состоялось в формате научного круглого стола по теме **«Стратегические направления арктической политики Российской Федерации»**. Эта дискуссионная площадка (секция №2) организована совместно с Центром стратегических оценок и прогнозов – многолетним партнером факультета национальной безопасности по научно-исследовательской работе, в том числе в исследовании проблем безопасности в Арктическом регионе России (*модератор* – генеральный директор Центра стратегических оценок и прогнозов, доктор технических наук, старший научный сотрудник *С.Н. Гриняев*).

По результатам обсуждения ряда проблем, связанных с обеспечением таких национальных приоритетов, как экология живых систем и рациональное природопользование, стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, эксперты сформулировали следующие положения:

- основными препятствиями к динамичному развитию арктического макрорегиона являются высокая капиталоемкость проектов, технологическая сложность и сохраняющаяся политическая напряженность в международном диалоге;

- развитие новых площадок международного сотрудничества в Арктике в социально-экономической сфере, таких как Арктический экономический совет (АЭС), позволит перейти от конфронтационной риторики к конструктивному диалогу и обеспечению устойчивого развития Крайнего Севера;

- для усиления позиций России в развитии Арктики необходимо стимулировать создание специализированных научных, промышленных и иных кластеров, объединяющих в себе институты, научные организации и предприятия промышленности.

Эксперты полагают, что в период председательства США в Арктическом совете, в работе созданного АЭС ожидается «затишье» и концентрация внимания совета на экологических проблемах арктического макрорегиона. Такая позиция может быть активно поддержана Норвегией, которая продолжает развивать собственные альтернативные площадки диалога бизнес-сообщества Арктики (Arctic Business Council). Однако США продолжают подготовку к милитаризации отношений в регионе, что побуждает Россию к ответной готовности принять формирующийся вызов.

Значительно более перспективным и продуктивным как для российской стороны, так и для всего Арктического экономического совета представляется финское председательство, которое начнется в 2017 г. Однако к этому времени России нужно иметь пакет продуманных инициатив и предложений по модернизации АЭС и его институциональных механизмов.

Участники секции №3 **«Конфликты и миграционные процессы в стратегии национальной безопасности России»** (модераторы – заведующая кафедрой социальной конфликтологии доктор философских наук, профессор *А.П. Федоркина* (РАНХиГС) и заведующая кафедрой миграционной политики, доктор социологических наук, доцент *В.Ю. Леденева* (РАНХиГС) обсудили проблемы разрешения конфликтов, инспирированных миграционными и иными процессами, влияющими на эффективность реализации стратегического приоритета обозначенными в Стратегии национальной безопасности России.

Президент Фонда «Миграция XXI век» *В.А. Поставнин* выделил главную характеристику нашего времени – мобильность населения. «Ежегодно более 200 млн человек участвует в миграционных процессах, при этом возрастает численность нелегальных мигрантов во всех развитых странах – США, Канаде, Австралии, Западной Европе, России. На фоне миграционного кризиса в Европе наступило новое осознание важности интеграции, глубинных тонкостей и деликатности этого процесса. Выстраивая политику безопасности в сфере миграции, государства и общества должны осознавать, что мигранты – не орудия труда, а оказавшиеся в трудной ситуации люди, вынужденные жить вне своей родины», – подчеркнул В.А. Поставнин.

Эксперты обсудили эффективность мер противодействия нелегальной миграции, обменялись мнениями по поводу лучших региональных практик осуществления миграционной политики. Были детально рассмотрены плюсы и минусы новой патентной системы, позволяющей мигрантам осуществлять трудовую деятельность у юридических лиц на основе патента, а не квоты, как было ранее. С ее помощью предполагается регулировать потоки трудовых мигрантов, наполнять региональные бюджеты средствами от уплаты госпошлины за патент.

В рамках заявленной проблематики доктор философских наук, профессор РАНХиГС *А.П. Федоркина* предложила рассмотреть активизирующиеся массовидные процессы с позиций синергетического

подхода. «Особенности развития современного общества изменяют наши представления возможности развития современных социальных конфликтов и о методологии анализа массовидных процессов, которые представляет собой открытую саморазвивающуюся целостную динамичную систему. Ее функционирование обеспечивается взаимодействием дуальных условий: внутренних ресурсов и потребностей системы и возможностей субъектов массовидного процесса при определенных условиях выйти за рамки этой системы». Это зона порождения угроз и рисков для общества и государства, которую нужно постоянно мониторировать и держать в поле стратегического и тактического реагирования.

В рамках работы конференции традиционно проходило заседание Научного общества молодых ученых имени генерала И.К. Макаренко (*модератор* – заместитель директора Института права и национальной безопасности по научной работе, доктор политических наук, профессор *А.В. Шевченко*). Результаты своих научных изысканий представили специалисты – практики в области национальной безопасности, обучающиеся в Президентской Академии на различных программах магистерской подготовки, аспиранты и студенты факультета национальной безопасности.

В ходе конференции были определены темы научно-исследовательских работ факультета на 2017 год.

Шевченко А.В. –
заместитель директора Института права
и национальной безопасности РАНХиГС,
доктор политических наук, профессор

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Включенные в повестку дня конференции вопросы имеют важное научно-практическое значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое управление в сфере национальной безопасности неразрывно связано с реализацией Стратегии национальной безопасности Российской Федерации – базового документа в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В 2015 году Стратегия национальной безопасности подверглась корректировке в соответствии с положениями Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и решениями Президента Российской Федерации. В основу корректировки положен принцип сохранения преемственности государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, а также системы национальных интересов и стратегических национальных приоритетов.

К работе по корректировке Стратегии привлекались и федеральные органы исполнительной власти, и представители научного сообщества. Проанализировано было свыше 700 предложений, из них учтены более 70 процентов. Новая редакция Стратегии утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

В Стратегии выделим следующие новации.

Изята ссылка на срок действия Стратегии (до 2020 года). Такой подход дает возможность в дальнейшем корректировать или разрабатывать новые редакции Стратегии, не меняя ее названия.

Стратегия определяет систему стратегических национальных приоритетов, среди которых: оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование;

здравоохранение; культура; экология живых систем и рациональное природопользование; стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

По каждому приоритету по существу выстроена государственная политика на данном направлении деятельности органов государственной власти. Сформированы цели, задачи и меры по главным направлениям внутренней и внешней политики в интересах укрепления национальной безопасности Российской Федерации и обеспечения устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

В новой редакции раздел «Общие положения» определяет основополагающую роль и место Стратегии в системе документов стратегического планирования. Уточняются, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О безопасности» и Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» основные понятия, используемые в Стратегии.

Раздел II «Россия в современном мире» (ранее назывался «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития») подводит итоги политического и социально-экономического развития страны за шесть лет, прошедшие после утверждения предыдущей Стратегии в 2009 году. В нем отражены новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Основной акцент сделан на опасность реализации США и их союзниками политики сдерживания России, использования с этой целью финансово-экономических и информационных инструментов, потенциала спецслужб. Показана линия Запада на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности на евразийском пространстве. Дана оценка событий на Украине. Констатируется повышение значения фактора силы в международных отношениях, определяются вызовы, связанные с распространением терроризма и оружия массового уничтожения, повышением экономической нестабильности, активизацией информационного противоборства, попытками фальсификации истории.

В разделе сформулирована суть Стратегии национальной безопасности – укрепление внутреннего единства российского общества, обеспечение социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранение структурных дисбалансов и модернизация экономики, повышение обороноспособности страны, а также отражены принципы построения внешней политики Российской Федерации.

Раздел «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты» уточняет национальные интересы Российской Федерации. В их состав добавлены: укрепление обороны страны, обеспечение национального согласия и единства общества, сохранение культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Раздел IV «Обеспечение национальной безопасности» посвящен системе стратегических национальных приоритетов.

Существенно переработан стратегический национальный приоритет «Оборона страны». Он приведен в соответствие с Федеральным законом «Об обороне» и обновленной Военной доктриной Российской Федерации.

По-новому сформулированы стратегические цели защиты страны от попыток использования военной силы против нее, которые заключаются в создании условия для мирного и динамичного социально-экономического развития страны, обеспечении ее военной безопасности.

В формулировке стратегического национального приоритета «Государственная и общественная безопасность», с учетом уточнения угроз национальной безопасности, проведено более четкое разделение задач в области государственной безопасности и общественной безопасности. Подчеркнута необходимость повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных спецслужб и пропагандистских структур. Более остро обозначены задачи по противодействию коррупции, искоренению порождающих ее причин и условий.

Обновлено содержание и всех остальных стратегических национальных приоритетов.

В разделе «Организационные, нормативные правовые и информационные основы реализации настоящей Стратегии» приоритетное внимание уделено обязательности выполнения положений Стратегии всеми органами государственной власти и местного самоуправления и ее реализации на плановой основе.

Контроль реализацией Стратегии осуществляется в рамках государственного мониторинга состояния национальной безопасности. При этом существенно обновлены основные показатели для оценки состояния национальной безопасности.

В Стратегии определены следующие показатели:

- удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;
- доля современных образцов вооружений, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
- ожидаемая продолжительность жизни; ВВП на душу населения;
- доля территорий Российской Федерации, не соответствующих экологическим нормативам, от всей площади Российской Федерации.

Стратегия – не декларативный документ. Ее реализация подкрепляется планом, утвержденным Президентом Российской Федерации, корректируется ежегодным докладом Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации «О состоянии национальной безопасности Российской Федерации и мерах по ее укреплению», подготавливаемым Президенту Российской Федерации на основе отчетов федеральных органов исполнительной власти России.

В декабре 2015 г. Президент Российской Федерации подписал Указ «Об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации». Этим документом утверждено Положение об оценке и государственном мониторинге состояния национальной безопасности Российской Федерации и Перечень показателей состояния национальной безопасности Российской Федерации. Под оценкой состояния национальной безопасности понимается определение степени достижения целей

и задач, результативности реализации документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности.

Государственный мониторинг состояния национальной безопасности Российской Федерации определен как система непрерывного наблюдения за развитием ситуации в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации с использованием показателей состояния национальной безопасности. Мониторинг осуществляется посредством статистического наблюдения за показателями национальной безопасности. Для этого установлена процедура, определены основные инструменты и функции органов государственной власти. Следует отметить, что Перечень показателей состояния национальной безопасности существенно обновлен.

Показатели в Перечне сгруппированы по стратегическим национальным приоритетам, наименования которых приведены в соответствие со Стратегией национальной безопасности.

Общее количество показателей сокращено с 83-х до 68-ми, многие представлены в агрегированном виде. Например, уровень жизни населения России оценивается через показатели: доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения страны, соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума, децильный коэффициент, а также удовлетворенность населения своим материальным положением.

По некоторым стратегическим национальным приоритетам, прежде всего – «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство» и «Государственная и общественная безопасность» – признано невозможным ограничиваться только количественными показателями, и было решено разработать качественные характеристики, оцениваемые экспертным путем.

Экспертную оценку состояния национальной безопасности осуществляет аппарат Совета Безопасности Российской Федерации с привлечением специалистов Российской академии наук, других научных организаций. Результаты оценки состояния национальной безопасности по стратегическим национальным приоритетам докладываются Президенту Российской Федерации.

Повышение качества инструментария позволит обеспечить повышение эффективности проведения оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации и мониторинга реализации стратегических национальных приоритетов.

Как видите, инструментарий для оценки состояния национальной безопасности создан. Вместе с тем встает вопрос, какие тенденции в динамике этих показателей приведут к возрастанию рисков и угроз, способных привести к кризисной ситуации?

В связи с этим приоритетной задачей, стоящей перед аппаратом Совета Безопасности Российской Федерации, является выработка единых подходов к методике определения показателей состояния национальной безопасности Российской Федерации и составления паспорта показателя. Для определения негативных тенденций, критических явлений и угроз национальной безопасности вводятся расчетные пороговые значения. Это научно-практическая задача, к решению которой привлекается и потенциал Президентской Академии.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО МИД РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Институт Уполномоченного МИД России был учрежден в апреле 2011 г. По прошествии почти пяти лет можно констатировать: он успешно прошел этап становления. Налажен постоянный мониторинг ситуации с обеспечением прав человека в зарубежных странах. Установлено плотное взаимодействие с международными и отечественными неправительственными организациями (НПО), действующими в области прав человека.

На постоянную основу поставлена практика подготовки и продвижения докладов МИД России. Системная работа выстроена с международными и отечественными СМИ, в т.ч. с задействованием современных электронно-коммуникационных технологий. На регулярной основе публикуются комментарии и интервью Уполномоченного МИД РФ по актуальным вопросам правозащитной повестки дня, высвечиваются системные изъяны с обеспечением прав человека в зарубежье.

Нами установлены и поддерживаются рабочие контакты с коллегами в ключевых странах Европейского союза, США, Ближнего Востока, СНГ, Азии. Проведено около ста раундов двусторонних консультаций и контактов.

Мы методично ставим проблемы российских граждан и соотечественников в налаженных контактах с Верховным комиссаром ООН по правам человека, Комиссаром СЕ по правам человека, Верховным представителем ОБСЕ по делам национальных меньшинств, Специальным представителем ЕС по вопросам прав человека, Представителем ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, руководством БДИПЧ ОБСЕ других специализированных органов и структур ООН.

В январе 2014 г., после нескольких лет настойчивых усилий межведомственной делегации во главе с Уполномоченным МИД России, был совершен первый визит к остающемуся в заключении в Гуантанамо россиянину Равилу Мингазову. К сожалению, 14-й год продолжается

практика его бессрочного содержания без справедливого судебного разбирательства подозреваемых в терроризме на базе Гуантанамо. Несмотря на заверения американских властей «определиться с судьбой» нашего соотечественника, этого так и не произошло. Ему до сих пор не предъявлено обвинение, он не отпущен на свободу и продолжает находиться в бесправном положении.

Опыт конкретной практической деятельности по линии Уполномоченного МИД России позволяет констатировать, что принципиальная внешнеполитическая линия Российской Федерации в области прав человека играет стратегическую созидательную роль на международной арене. Провозглашенный Президентом России В.В. Путиным тезис о том, что сферу прав человека нельзя никому отдавать на откуп, а с точки зрения соблюдения прав человека и уважения основных свобод никто не совершенен, разделяется все большим количеством наших иностранных партнеров.

К настоящему моменту Аппаратом Уполномоченного МИД России подготовлено и обнародовано восемь комплексных докладов, затрагивающих в том числе ситуацию с обеспечением прав российских граждан и соотечественников в США, всех странах-членах ЕС, Норвегии и Канаде. Из этого числа подготовлено три взаимодополняющих издания «Белой книги» МИД России о нарушениях на Украине, а в апреле 2016 года в контексте мероприятий по празднованию 70-летия Победы, обнародован Доклад МИД России о неонацизме в мире.

На постоянной основе Уполномоченный МИД России взаимодействует с авторитетными международными НПО, включая «Хьюман Райтс Вотч», «Международную амнистию», «Реприв». Налажены контакты с целым рядом НПО, действующих в США в сфере прав детей.

В числе проблем, определяющих приоритетность направлений деятельности Института Уполномоченного МИД России на данном этапе можно отметить следующие.

Нарушение прав российских граждан за рубежом

Практика арестов российских граждан по американским ордерам в третьих странах в обход двустороннего договора 1999 г. о взаимной правовой помощи по уголовным делам. В результате розграждане

остаются один на один с весьма специфическим американским правосудием, а в условиях нынешнего негативного фона в двусторонних отношениях – по сути без каких-либо гарантий на справедливое разбирательство. Провокации и сфабрикованные дела против В.А. Бута и К.В. Ярошенко подтверждают, что ради того, чтобы добиться своего американские правоохранители не гнушаются оказания сильного психологического и физического воздействия. Это является грубейшим нарушением целого ряда фундаментальных норм международного права в области прав человека.

Как показывает практика, в США россияне сталкиваются с очевидной предвзятостью местных судебных органов, рутинным попранием принципа презумпции невиновности, фабрикацией дел на стадии следствия и в результате несправедливыми приговорами.

На данный момент нами достоверно зафиксировано как минимум 22 случая арестов россиян в третьих странах по запросам властей США. Большая часть экстрадирована в США.

Остро стоит проблема обеспечения прав и законных интересов граждан России, усыновленных американскими гражданами. В США, по данным Госдепартамента, проживают более 62 тыс. усыновленных россиян. США не предоставили более 5 тыс. отчетов об условиях жизни и воспитании в отношении около 3,5 тыс. российских детей. Наши запросы в Государственный департамент США остаются без ответа.

Необходимо также отметить проблему так называемых интернет-бирж усыновленных детей. По данным расследования, проведенного агентством «Рейтер», как минимум 26 россиян стали жертвами этой схемы. Особую озабоченность вызывают сведения о том, что некоторые дети в результате деятельности преступников попали в руки педофилов, которые использовали их для производства порнографии.

Нарушение прав человека на Украине

Неприемлемой остается гуманитарно-правочеловеческая ситуация на Украине. Об этом свидетельствуют доклады наблюдательной миссии ООН по правам человека на Украине. Не решаются такие ключевые проблемы, как пытки, отсутствие законности, положение внутренне перемещенных лиц, ущемление свободы выражения мнений и деятельности СМИ. Международные правозащитные организации

и структуры, включая Международную консультативную комиссию СЕ, указывают на широко распространенное ощущение безнаказанности в силовых и правоохранительных структурах Украины.

По оценкам гуманитарных и правозащитных организаций (в т.ч. «Хьюман Райтс Вотч»), по состоянию на осень 2015 г. в помощи на востоке Украины нуждались свыше 5 млн человек, из них 3 млн относились к категории наиболее уязвимых. Известно, что 2,9 миллиона человек на востоке страны продолжают быть лишенными доступа к качественной медицинской помощи, жилью, социальным услугам и выплатам, а также государственным компенсационным механизмам. Это стало следствием в первую очередь по причине жестких правил пересечения линии соприкосновения, введенных украинскими властями, которые также препятствуют доставке гуманитарной помощи на восток Украины. Количество внутренне перемещенных лиц по оценкам Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ ООН) составляет 1,505 млн человек, включая 887 тыс. пенсионеров, 190 тыс. детей и 62 тыс. инвалидов.

Деградирует ситуация с обеспечением свободы выражения мнения и деятельности СМИ. В 2014-2015 гг., по нашим оценкам, зафиксировано не менее 160 случаев грубых нарушений украинскими властями права на свободу выражения мнения и деятельность СМИ. По оценкам УВКПЧ ООН, это в значительной степени результат ограничений со стороны правительства Украины в отношении сотрудников СМИ и расширения списка журналистов, которым запрещен въезд на территорию этой страны.

Продолжаются случаи насильственных исчезновений, произвольных задержаний и изолированного содержания, а также пыток и жестокого обращения с людьми, подозреваемыми в посягательстве на территориальную целостность или терроризме, или с теми, кого считают сторонниками самопровозглашенных Донецкой народной Республики и Луганской народной Республики. Как заявил 1 июня 2015 г. Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейн, в распоряжении мониторинговой миссии УВКПЧ ООН имеются «ужасающие данные о пытках и жестком обращении с заключенными со стороны украинских сотрудников правоохранительных органов».

В 13-м докладе УВКПЧ по Украине со ссылкой на Уполномоченного по правам человека в ДНР отмечено, что по состоянию на 12 февраля 2016 г. властями Украины удерживаются под стражей не менее 1,1 тыс. человек, в том числе 363 члена вооруженных групп. В это число также входят 577 человек, задержанных за их политические взгляды и 170 гражданских лиц, никоим образом не причастных к конфликту.

Так и не обеспечено адекватное расследование и привлечение к ответственности лиц, виновных в правонарушениях на Майдане, а также варварских преступлениях 2 мая 2014 г. в Одессе, когда в результате поджога Дома профсоюзов 48 человек были сожжены заживо и еще 200 ранены.

По оценкам Международной консультативной группы Совета Европы (МКГ) по Украине, расследования украинскими властями трагических событий, произошедших в Одессе, не соответствуют требованиям Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также критериям независимости, эффективности, тщательности и разумным срокам. Отмечены серьезные нарушения стандартов следствия, включая подрыв беспристрастности системы правосудия, серьезные изъяны при разделении функций между МВД и прокуратурой, неоправданное затягивание начала расследования в отношении действий полиции и пожарной службы, небрежность следственных действий, существенные упущения при сборе доказательств и проведении соответствующих экспертиз.

МКГ Совета Европы подтвердила, что в течение длительного периода общественность, родственники погибших находились в информационном вакууме и не были информированы о ходе расследования по факту гибели их родственников. Не были также обнародованы результаты судебно-медицинской экспертизы, раскрывающей причины гибели людей, а сотрудниками правоохранительных органов не были установлены лица, причастные к совершению этого варварского преступления.

Необходимо провести реальные расследования всех преступлений и нарушений на принципах справедливости, беспристрастности и неотвратимости наказания. Виновные должны быть привлечены к ответственности.

Рассчитываем, что профильные международные правозащитные структуры, в том числе и Совет Европы, будут внимательно и беспристрастно отслеживать реальное положение дел на Украине, принимать действенные меры по побуждению властей этой страны к необходимым шагам и реализации всех своих международных обязательств.

Ни в какой стране, особенно в той, что декларирует приверженность демократическим стандартам и европейским ценностям, безнаказанности за грубейшие нарушения прав человека быть не должно.

Нарушение прав соотечественников в Прибалтике

Положение русскоязычного меньшинства в Прибалтике сопровождается такими серьезными проблемами как массовое безгражданство, запрещение и ограничение использования русского языка в образовательных и других государственных учреждениях, ограничение деятельности российских СМИ, рост проявлений неонацизма, ксенофобии и масштабной кампании властей по фальсификации истории.

В Латвии сохраняется проблема массового безгражданства. В категорию «неграждан» по состоянию на июнь 2016 года входят 262 тыс. жителей страны (более 12% населения), 65% из которых составляют этнические русские в возрасте от 49 до 65 лет. Эта категория лиц не имеет активных и пассивных избирательных прав ни на парламентских, ни на муниципальных выборах.

Инструментом дискриминации является языковая политика, проводимая латышами, основной задачей которой является запрет на использование русского языка в образовательных и иных государственных учреждениях.

Жесткой цензуре и ограничениям подвергается деятельность российских СМИ и кабельных ретрансляторов, включающих в сетку вещания популярные российские каналы. Участились случаи политического преследования постоянно проживающих в Латвии правозащитников, отстаивающих основополагающие права и свободы российских соотечественников.

В Литве также осуществляется целенаправленное ущемление прав русскоязычного населения, прежде всего, в образовательной и языковой

сферах. Вильнюс ведет целенаправленную политику по ограничению свободы слова в стране и борьбу с инакомыслием.

На фоне обострившейся антироссийской истерии, мотивированной, прежде всего, украинским кризисом, литовские власти ограничили вещание ряда передач российских телеканалов. Недавно латвийские власти заблокировали функционирование в местной доменной зоне сайта информагентства «Спутник». Очередной случай нарушения фундаментального права сотен тысяч русскоязычных жителей этой страны на свободное получение информации. Фактически речь идет о неприкрытой цензуре, на которой в Брюсселе последовательно закрывают глаза.

И в Эстонии одной из самых острых остается проблема массового безгражданства. По данным МВД Эстонии, количество лиц без гражданства составляет около 85 тыс. человек (6,3% населения), причем около 50% из них родились на территории страны. Темпы получения гражданства в порядке натурализации остаются низкими: в 2012 г. – 1332 человека, в 2013 г. – 1309.

Нарушение прав христиан на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Украине

Нас серьезно беспокоит судьба двухтысячелетнего присутствия христианства на Ближнем Востоке, для которого он является историческим очагом. Так, с начала вооруженного конфликта в Сирии численность христианского населения в этой стране сократилась с 2,2 млн до 1,2 млн. Нападениям подвергаются христианские святыни, боевики берут в плен заложников-христиан. С апреля 2013 г. в плену удерживаются православный митрополит Павел Язиджи и сиро-яковитский митрополит Григорий Иоанн Ибрагим.

После прихода ИГИЛ (организация, деятельность которой запрещена в РФ) на земли Ирака с настоящей катастрофой столкнулись и иракские христиане, хотя проблемы у них начались гораздо раньше – фактически сразу после американской оккупации в 2003 г. За годы, прошедшие после американского вторжения в Ирак в 2003 г., христианское население этой страны сократилось в 10 раз – с 1,5 млн до 150 тысяч. Целые города – как, например, Мосул – фактически полностью лишились традиционного христианского присутствия.

Серьезную тревогу вызывают преступные захваты храмов на Украине, прежде всего в ее западных регионах, избиения священников и верующих практически стали нормой в этой стране. Всего с февраля 2014 г. по ноябрь 2015 г. с участием боевиков националистических организаций нападению подверглись 26 культовых объектов Украинской православной церкви (УПЦ), 9 – разрушены полностью, 77 повреждены. В целом же число захватов храмов УПЦ в разы больше. Ряд из захваченных силовым путем храмов, которые стойко защищали верующие, Киевский патриархат и Украинская греко-католическая церковь пытались с помощью бойцов радикальных националистических группировок захватить по 3-4 раза.

Несколько священников были убиты. В ходе допросов с применением силы представителями силовых структур Украины пострадало не менее восьми клириков. Нередки случаи давления, угроз, физического насилия над клириками. До сих пор, несмотря на свидетельства потерпевших и публикации в прессе, не расследованы факты похищений, избиений и пыток священнослужителей представителями СБУ и украинских военизированных формирований в 2014-2015 гг.

Нарушение прав человека в Турции

Судя по оценкам международных правозащитных организаций, авторитетных профильных НПО, а также данным ряда национальных правительств и межгосударственных структур, включая Европейскую комиссию Европейского союза, в последнее время в Турции происходит серьезный откат в области прав человека, верховенства права и демократического развития.

Наибольшую озабоченность вызывают систематические случаи нарушений в Турции права на жизнь, свободы выражения мнений, собраний, деятельности СМИ, прав женщин, мигрантов, национальных и религиозных меньшинств, принципа разделения властей, случаи применения пыток в тюрьмах. По статистике Европейского Суда по правам человека, количество решений, вынесенных в отношении Турции с констатацией случаев нарушений этой страной положений Европейской конвенции по правам человека в 2014 г. достигло 94.

Так, Доклад «Международной амнистии» «Привратник Европы» от 16 декабря 2015 г. указывает на грубые нарушения Турцией международного права в области обеспечения прав мигрантов.

По данным НПО «Турецкий фонд по правам человека», с момента начала активной фазы действий властей в курдских поселениях (июль-август 2015 г.) в результате действий турецких силовиков погибли, как минимум, 162 человека, включая женщин, детей и пожилых людей, а расследование открытых ранее дел об обнаруженных на юго-востоке страны массовых захоронениях так и не завершено. В ряде населенных пунктов продолжает действовать комендантский час, в результате чего простое население оказалось лишенным своевременного доступа к продовольствию и предметам первой необходимости. По некоторым данным, общее число вынужденных переселенцев превысило 100 тыс. человек.

Свобода выражения мнений и деятельности СМИ находится под нарастающим давлением со стороны властей Турции. Правозащитники заявляют об атмосфере запугивания в этой области, ведущей к увеличению количества грубых нарушений прав человека. Особую озабоченность у них вызывают продолжающиеся и иницируемые в Турции судебные преследования и аресты журналистов, публикующих критические материалы в адрес президента и правительства.

В январе 2016 г. в Турции прокатилась волна задержаний представителей академических и интеллектуальных кругов (расследования инициированы в отношении более 1 тыс. человек), которые подписали петицию с призывом к миру и критически высказались в связи с военными операциями турецких силовиков на юго-востоке Турции.

Считаем, что властям Турции необходимо конструктивно подойти к выполнению адресованных им многочисленных рекомендаций международных правозащитных организаций, органов и механизмов, в том числе СПЧ ООН, Специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях.

Все вышеперечисленные негативные тенденции и грубейшие нарушения прав человека в мире несомненно доказывают то, что мы живем в непростое время. Правозащитные проблемы проявляются сплошь и рядом.

Глобальная тенденция роста конфликтного потенциала в ключевых регионах мира, вооруженные конфликты международного и немеждународного характера, активизация международного терроризма и экстремизма и другие угрозы лишь способствуют увеличению количества нарушений прав человека в мире.

Авторитетные правозащитные НПО, профильные международные структуры, в том числе ООН, ОБСЕ и Совет Европы, не перестают публиковать данные, свидетельствующие о том, что проблемы в сфере прав человека в мире нарастают, как снежный ком.

Необходимость уважения и соблюдения прав человека в современном обществе играет центральную роль. Важно, чтобы все случаи нарушений прав человека расследовались, а виновные привлекались к ответственности.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И КИБЕР-НАТО: УГРОЗЫ И ПРОГНОЗЫ

Начало XXI в. может остаться на скрижалях человечества как один из самых драматичных для глобальной безопасности: цивилизация как бы вошла в зону геополитической турбулентности. Об этом убедительно свидетельствуют: сполохи войны цивилизаций и «цветные революции»; терроризм и рецессия; рецидивы холодной войны и санкций; всплеск локальных и региональных конфликтов; техногенные, природогенные и социогенные катастрофы; эпидемии и пандемии, голод.

При этом в иерархии угроз резко возросла инфогенная составляющая.

Остановлюсь на ее военно-политической компоненте, ибо в условиях кризиса на Украине она приобретает все более зловещий характер для международной и национальной безопасности.

Более полувека весь мир охвачен беспрецедентной информационной революцией. Ныне ее второй этап – бум социальных сетей (св. 2,5 млрд аккаунтов). В них в 2012-2015 гг. создано более 75% глобального цифрового контента.

Данный феномен принципиально изменил геополитический код цивилизации: с одной стороны, ИКТ – локомотив 5-го и основа 6-го технологического укладов (НБИК-технологии), с другой – новые вызовы для глобальной стабильности.

Ведущие государства разработали доктринальные стратегемы использования ИКТ в противоборстве за глобальное информационное доминирование, в т.ч. путем гибридных войн и «цветных революций».

Именно данное обстоятельство побудило руководство страны внести на заседание Совета Безопасности РФ в октябре 2014 г. вопрос «О противодействии угрозам национальной безопасности РФ в информационной сфере». Выступая на нем, президент В.В. Путин подчеркнул: «Надежная работа информационных ресурсов, систем

управления и связи имеет исключительное значение для обороноспособности страны, для устойчивого развития экономики и социальной сферы, для защиты суверенитета России» [1].

На заседании Коллегии ФСБ России в марте 2015 г. В.В. Путин конкретизировал данные угрозы: «Количество кибератак на официальные сайты и информационные системы органов власти России не уменьшается, только в прошлом году их пресечено около 74 миллионов. Кроме того, выявлено свыше 25 тысяч интернет-ресурсов с публикациями, нарушающими закон. Прекращена работа более полутора тысяч экстремистских сайтов. Нужно продолжать очищать российское интернет-пространство от незаконных, преступных материалов, более активно использовать для этого современные технологии, участвовать в формировании системы международной информационной безопасности» [2].

Для решения данной проблемы был принят ряд важных мер [3].

18 мая 2015 г. под председательством С.В. Лаврова состоялось заседание коллегии МИД России по теме «Глобальные вызовы в области информационных технологий. Задачи МИД по обеспечению международной информационной безопасности». На заседании, в частности, было отмечено, что современная обстановка характеризуется нарастанием угрозы использования ИКТ в противоправных целях и в нарушение общепризнанных норм международного права. Приоритетом РФ остается выработка универсальных правил ответственного поведения государств в информпространстве, которые бы препятствовали попыткам совершения актов агрессии, закрепляли бы принципы уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, основных прав и свобод человека.

Наглядным примером использования сетецентрических (гибридных) операций стран-членов НАТО против Союзного государства России и Беларуси является следующая схема (рисунок, с. 30) [4, с. 116]:

Рисунок. Сетецентрические операции стран-членов НАТО против Союзного государства

Данный подход был заложен Новой стратегической концепцией НАТО (Декларацией саммита в Лиссабоне 2010 г.). Новый импульс он получил на саммите НАТО в Уэльсе (сентябрь 2014 г.). Тематика кибербезопасности стала в его Декларации ключевой проблемой – 21 упоминание!

Важную роль в ее реализации выполняет Объединенный Центр передового опыта в области киберзащиты НАТО (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence), созданный в Таллине в 2008 г. (48 экспертов из 16 стран) [5].

Основными задачами Центра являются: правовая поддержка; исследования (международное право, кибербезопасность); требования и стандарты для НАТО; разработка учебных программ; мониторинг и сбор данных; практическая поддержка учений НАТО.

В 2013 г. Центр разработал руководство о применении положений международного права к кибервойнам «Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare» – своего рода их

легализация. Следует отметить, что по данным ЦРУ, около 130 стран создают информационное оружие.

В настоящее время Центр работает над проектом «Таллинн 2.0», который направлен на решение следующих вопросов киберпространства:

- как международное право должно рассматривать враждебные операции меньшего калибра, но наносящие значительный ущерб (финансы, невозможность доступа к важным Интернет-услугам и т.д.);
- как международное право регулирует обязательства государств в контексте киберсферы;
- осознанно не разрешать использовать территорию страны для действий, которые нарушают права других стран;
- запрет на вмешательство в дела других государств.

Второе издание «Таллиннского руководства» намечено к выпуску в начале 2016 г. При этом в нем будут рассмотрены нормы международного права, применимые к кибероперациям государств как в мирное, так и в военное время.

В ноябре 2014 г. и в апреле 2015 г. Центром проведены крупнейшие в истории НАТО транснациональные военные киберучения. В «Cyber Coalition 2015» участвовали свыше 400 экспертов из 16 стран НАТО. В ходе маневров были использованы реальные технологии, компьютерные сети и методы отражения кибернападений. По сценарию, зарубежные атаки на условное государство дополнялись давлением со стороны СМИ и правовыми ограничениями. Задача экспертов – проверка готовности к быстрому обмену защищенной информацией о киберинцидентах, а также к координации усилий по обороне от целевых атак непосредственно на компьютерные сети НАТО.

Следует подчеркнуть, что локомотивом кибервойн являются США. В 2015 г. там приняли новую стратегию наступательной кибервойны. В сфере кибербезопасности предусмотрены кибератаки на военные вычислительные сети и инфраструктуру противника в регионах, где США имеют свои интересы. Решение о кибератаке принимают президент США и министр обороны (например, вывести из строя командно-контрольные сети противника и лишить его способности применять оружие).

За кибероперации отвечает Киберкомандование США (US Cybercom), созданное в Минобороны в 2010 г. [6]. К 2016 г. в US Cybercom должно быть около 6,2 тыс. человек. На сегодня в штате более 3 тысяч, причем около тысячи наняты в 2014 г.

Прошлая Стратегия кибербезопасности США 2011 г. носила оборонительный характер. Новую Стратегию представил министр обороны Эштон Картер и назвал четыре государства, представляющие для США наибольшую угрозу в киберпространстве: Китай, Россия, Иран и КНДР. При этом он утверждал, что Минобороны стало жертвой русских хакеров, точно так же, как Белый дом и Госдепартамент.

В условиях обострения глобального цифрового противоборства Россия последовательно реализует «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» (утверждены Президентом России 24 июля 2013 г. Пр-1753). Так, в формате ШОС было направлено Письмо постпредов Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана от 9 января 2015 г. на имя Генсека ООН «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности».

Документ опирается на проект Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ) ШОС (был внесен на 66-й сессии ГА ООН в 2011 г.) с учетом изменившихся реалий и предложений от заинтересованных государств.

Его принципиальная особенность – миротворческий характер:

1) В отличие от концепций НАТО по регулированию кибервойн, документ нацелен на их предотвращение.

2) Не применять ИКТ для нарушения мира и для вмешательства во внутренние дела других государств и подрыва их политической, экономической и социальной стабильности.

3) Воздерживаться от применения силы или ее угрозы в разрешении споров, возникающих в цифровой сфере.

4) Права человека в оффлайне, должны защищаться и в онлайн-согласно ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

5) МИБ – это и интернационализация управления сетью Интернет, «наращивания потенциала» в сфере информационной безопасности и преодоление «цифрового разрыва».

6) «Правила поведения» открыты для присоединения других государств.

Как эпохальное, можно оценить и подписанное 8 мая 2015 г. в ходе визита Председателя КНР в Россию межправительственное соглашение о сотрудничестве в области МИБ. Документ выводит взаимодействие двух стран на новый уровень и предполагает:

- прикладной характер (совместное решение конкретных задач по обеспечению национальной и международной ИБ);

- диалог заинтересованных ведомств по вопросам МИБ;

- совместное реагирование на острые угрозы, включая противодействие использованию ИКТ в нарушение принципов международного права, в т.ч. для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва суверенитета, политической и экономической стабильности, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды;

- борьбу с использованием ИКТ в террористических и иных противоправных целях;

- обмен информацией о рисках и угрозах;

- взаимодействие по совершенствованию международно-правовой базы;

- совместные меры укрепления доверия, научные исследования, подготовку и обмен студентами, аспирантами, преподавателями;

- суверенное право государств проводить государственную политику по вопросам Интернет, в т.ч. его интернационализации;

- углубление сотрудничества в рамках ООН, МСЭ, ШОС, БРИКС и форума АСЕАН по безопасности.

С учетом ориентировок, содержащихся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, можно констатировать: России необходимо совместно с партнерами по ОДКБ, СНГ, ШОС и БРИКС добиваться, в т.ч. в формате группы правительственных экспертов ООН, укрепления международной информационной безопасности, ибо альтернативный прогноз иррационален: КИБЕРАРМАГЕДДОН!

Литература

1. Заседание Совета Безопасности 1 октября 2014 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46709>
2. Владимир Путин принял участие в заседании коллегии Федеральной службы безопасности / Заседание коллегии ФСБ. 26 марта 2015 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49006>.
3. Указ Президента РФ от 22 мая 2015 г. № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/627109/#ixzz3fxazRxIx>
4. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегия для России / Под ред. А.И. Смирнова. – М. ВНИИГеосистем, 2014.
5. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence: <https://ccdcoe.org/>
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Кибернетическое_командование_США

Ахунзянов Р.С.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИЛ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Достижения в области науки и техники конца XX – начала XXI веков, особенно в области информационных и телекоммуникационных технологий, потребовали от военного руководства большинства стран переосмыслить и провести ревизию взглядов на теорию и практику военного строительства [1]. Попытки отдельных ядерных держав создать противоракетную оборону расцениваются мировым сообществом как фактор дестабилизации политической обстановки. Более того, именно благодаря наличию ядерного оружия борьба за перераспределение ролей с начала 50-х годов XX века из горячей фазы сначала перешла в фазу войны «холодной», затем – информационно-психологической и, наконец, в войну «консциентальную», или войну смыслов [2].

Анализ взглядов ряда современных авторов на войны будущего позволяет с большой долей вероятности предположить усиление, а в дальнейшем и доминирование информационно-психологической составляющей войны над всеми другими. Примером управления объектами сознания в военных целях являются организация «цветных революций» в странах постсоветского пространства и «арабской весны» в странах Ближнего Востока и северной Африки. Подобные социально-политические деструкции являются острой угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Соответственно, роль российских подразделений психологических операций заключается в оказании противодействия противнику, воздействующему на сознание военнослужащих и населения России.

Анализ теоретических трудов и организационно-методических документов показывает, что для развития системы информационно-психологического противоборства созданы определенные условия, накоплен определенный опыт для создания в России межведомственных сил специальных операций под единым командованием, способных действовать как внутри страны, так и за ее пределами.

Россия, начиная с 1938 г., в своих вооруженных силах имеет подразделения, деятельность которых направлена на морально-психологическое разложение противника. В конфликтах 1938-1940 гг. на Дальнем Востоке была заложена основа советских органов военной пропаганды и агитации, которые в наше время получили название отрядов психологических операций (ПсО). В годы Второй мировой войны параллельно с анализом вопросов содержания, форм и методов пропаганды среди войск и населения вероятных противников проводилась разработка и использование в боевых действиях технических средств для ведения пропаганды. В ходе боевых действий в Афганистане органы ПсО получили опыт работы в исламском государстве, столкнувшись с особенностями менталитета афганского народа.

По мере накопления качества изменялась организационно-штатная структура этих подразделений, совершенствовалась техническая база, разрабатывались новые средства доставки воздействующей информации до противника. Но был ряд просчетов с точки зрения применения сил ПсО: не всегда учитывался менталитет и особенности психологии противника. Рекомендации специалистов-теоретиков не доходили до непосредственных исполнителей. Разрабатываемые материалы часто были низкого качества. Также цепочка изготовления и распространения агитационных материалов часто была избыточной и, проходя все этапы согласования, материалы на момент их распространения часто были уже не актуальными. Подразделения ПсО были укомплектованы, как правило, личным составом с техническим образованием, но этого явно не достаточно для эффективности психологической операции.

Для сравнения, численность аналогичного подразделения ПсО вооруженных сил США составляет более 1136 человек, в это число входят 400 переводчиков по 35 иностранным языкам и 60 гражданских экспертов по национальным, культурным, психологическим и религиозным особенностям населения зарубежных стран, социологии, информатике и СМИ, бюджетно-финансовым и другим вопросам. В группе имеются гражданские технические специалисты по эксплуатации и обслуживанию штатной и иностранной техники средств массовой информации [3].

Центр и школа специальных методов войны имени Дж. Ф. Кеннеди (Форт-Брегг) осуществляет подготовку офицеров, где военнослужащий изучает основы в области «психологических операций и по работе с гражданским населением», получает страноведческую подготовку по одному из пяти регионов: Ближнему Востоку, Африке, Латинской Америке, Европе или Азии, а также изучает иностранный язык в соответствии со своей региональной специализацией. Помимо этого, при Центре также действуют специальные курсы по основам психологических операций и повышения квалификации в этой области для рядового и сержантского состава [4].

Структура соответствующих подразделений российских войск не справляется с функциями переформатирования когнитивного пространства противоборствующей стороны, что проявилось в необходимости ее срочной «доукомплектации» в августе 2008 г. Неумение грамотно отстаивать национальные интересы на информационных площадках нередко было серьезным недостатком и зачастую ополовинивало наши результаты [5]. В очередной раз стало очевидным, что одни лишь армейские подразделения не способны обеспечить полноценную и комплексную систему информационно-психологического противоборства. Особенность данных мероприятий заключается в том, что они организуются и проводятся не только во время региональных конфликтов различной интенсивности, но и в период, предшествующий им, а также после окончания боевых действий [6].

Таким образом, напрашивается вывод, что возможности подразделений ПсО во многом ограничены:

- отсутствием кадров, подготовленных к ведению широкомасштабного информационно-психологического противоборства;
- отсутствием подключения к работе сил ПсО научного и экспертного сообщества;
- отсутствием возможности максимального подключения национальных СМИ к работе в интересах сил ПсО;
- отсутствием у профильных подразделений полномочий для проведения современной информационно-психологической операции;

– устаревшими представлениями о ведении информационно-психологической операции, о применении подразделений ПсО.

Стратегическую конъюнктуру для развития вооруженных сил России и обеспечения безопасности страны в определенной степени определяют доминирующие на Западе теории ведения войны [7, 8, 9, 10]:

1. Теория «непрямых действий» Б.Г. Лиддел-Гарта, дополненная «Искусством войны» Сунь Цзы (реализуется в рамках концепции «умной обороны»);

2. Кибернетическая петля Observe - Orient - Decide-Act - OODA (наблюдай, ориентируйся, решай, действуй) Дж. Бойда и ее развитие в форме «концепции центров тяжести» Дж. Уордена.

На концептуальном уровне теории реализуются по трем направлениям:

– единого геоцентрического театра военных действий и «быстрого глобального удара»;

– адаптированного планирования боевого применения стратегических наступательных сил (СНС);

– теории и технологии «управляемой конфронтации» В. Лефевра;

– переход к реализации так называемых «войн 4-го поколения».

Основные отличительные особенности последнего теоретического направления состоят в следующем: поле боя включает все общество, от имени которого противник ведет войну; повышается значимость гибких действий небольших групп комбатантов, на основе знания и понимания намерений высшего командования; усиление роли сравнительно небольших, высокоманевренных и подвижных сил; направленность действий на достижение внутреннего коллапса сил противника. В число объектов «поражения» будут входить в том числе такие, как культура противника, поддержка войны населением и др. [11].

Сегодня военно-политическое руководство России уделяет достаточно большое внимание развитию Вооруженных Сил. Принято решение о создании сил специальных операций (ССО) под единым командованием. По информации ряда СМИ, в состав сил специальных операций помимо спецподразделений Министерства обороны войдут также спецназы Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, Федеральной службы охраны, Федеральной службы

исполнения наказаний и Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

По убеждению начальника Генерального штаба РФ генерала армии В.В. Герасимова, ССО будут способны проводить операции как внутри страны, так и за ее пределами. Речь идет о том, чтобы собрать в кулак все бригады специального назначения, создать командование, которое сможет эффективно применять эту силу, создать учебные центры, в которых будет обучаться личный состав и которые будут отрабатывать новые способы ведения боевых действий. Естественно, будет собственная тыловая структура, которая будет заниматься не только материально технической поддержкой этих бригад, но также разрабатывать новую технику и вооружение.

При создании ССО необходимо уделить внимание развитию сил психологических операций. Наличие органа ПсО в составе сил специальных операций, как это реализовано в ВС США, возможно проводить оперативные мероприятия информационно-психологической направленности в поддержку боевых подразделений при осуществлении операции любой сложности как в конфликтах, инспирированных противником внутри страны, так и за ее пределами.

Возвращаясь к вопросу о структуре подразделений ПсО, необходимо уяснить какими специалистами, с нашей точки зрения, их необходимо дополнить.

Как известно, информационно-психологическая война протекает в четырех средах: физической, информационной, когнитивной и социальной. Соответственно, и создаваемая система должна обеспечивать возможность успешного ведения противоборства в четырех средах, при надежной защите своих войск и населения от негативного воздействия противника. Физическая и информационная среда относится к технической составляющей противоборства, здесь необходимы и есть хорошо подготовленные гражданские и военные специалисты, которыми комплектуются подразделения ПсО. Но гуманитарная составляющая – когнитивная и социальная среды – остается без образовательной и академической поддержки со стороны российского образования. То есть специалисты готовятся гражданскими и военными вузами, но в подразделениях под них не предусмотрен штат.

Так, например, в ряде военных учебных заведений Министерства обороны РФ готовят специалистов на факультетах: психологии, социологии, культуры и журналистики, иностранных языков, зарубежной военной информации и других. Гражданские вузы готовят специалистов по связям с общественностью, рекламе, дизайну, в области СМИ, по культурным, религиозным, национальным и психологическим особенностям населения зарубежных стран, экономическим вопросам, политологов и политтехнологов. Выпускники по данным специальностям востребованы в информационных войнах, которые ведут между собой конкурирующие гражданские организации. Их опыт также должен быть использован при создании современных сил ПсО.

Говоря о подключении к решению вопросов информационной национальной обороны средств массовой информации, необходимо сказать, что армейские СМИ не обладают таким информационным потенциалом как гражданские. Это требует, во-первых, подготовки соответствующих специалистов, во-вторых, установления отношений сотрудничества сил ПсО с гражданским информационным сектором, правительственными агентствами и ведомствами. Так, в частности, российские спецслужбы располагают большим объемом информации о правительствах, вооруженных силах и населении зарубежных стран, их морально-психологическом состоянии, слабых и сильных сторонах, точках уязвимости. В то же время информационные агентства ежедневно ведут вещание на многих языках мира. Таким образом, объединение усилий всех заинтересованных структур позволяет проводить ПсО, имеющие высокую степень эффективности. При этом реализация планов проведения ПсО должна подчиняться единому замыслу, спланированные мероприятия должны быть согласованы по целям, задачам, объектам, содержанию, месту и времени.

Исходя из того, что для подготовки квалифицированных кадров необходимо создать учебно-материальную базу, необходимы существенные финансовые вливания, и учитывая то, что от момента создания профильного вуза до первого выпуска должно пройти определенное время, более разумным представляется привлечение специалистов, подготовленных в гражданских вузах. При этом функции тактического уровня остаются за боевыми подразделениями, в которые

штатно входят отряды ПсО, а на оперативном уровне разработку и проектирование данных материалов должны осуществлять специалисты в области журналистики, рекламы, маркетинга и др. На этом же уровне предполагается создать ситуационный центр, в состав которого и будут входить гражданские специалисты, о которых говорилось ранее.

Кроме того, на стратегическом уровне целесообразно создание информационно-аналитического центра, на который будут возлагаться следующие функции:

- планирование государственной политики в области ведения информационно-психологической войны;
- создание в Интернете государственной службы, взятие под контроль и блокирование механизмов вбрасывания в сеть информации антигосударственной направленности;
- планирование и реализация «мягкой силы»;
- распространение на международной арене взглядов, отвечающих интересам своего государства и его союзников;
- призывать к стабильности военно-политической обстановки на границах своего государства и в регионах, входящих в сферу его геополитических интересов;
- формирование международного доверия к оборонной политике своего государства, доброжелательного отношения к его вооруженным силам;
- анализ и обобщение новейших научных и технических разработок в области применения новых методов и способов ведения войн;
- совершенствование собственных форм и методов проведения операций ИПВ;
- разработка правового поля применения сил и средств ИПВ.

В базовых документах российского законодательства о национальной безопасности закрепляются положения о возможности применения противником средств информационно-психологической войны, а также о необходимости выработки мер противодействия такому противнику. Но эти положения носят общий характер. На законодательном уровне не существует достаточных гарантий защиты человека от угроз, связанных с негативными информационными воздействиями [12].

В тоже время международное и российское законодательство не запрещает иметь средства невоенного характера, к которым относятся силы и средства ПсО, позволяющие успешно решать межгосударственные конфликты. Также необходимо закрепление их существования в базовых документах российского законодательства по обеспечению национальной безопасности.

Создавая комплекс сил и средств информационно-психологического противоборства, необходимо учитывать передовой опыт применения подобных подразделений. При этом должен учитываться опыт стран, совершенствующих свою военную организацию, внедряющих в нее передовые технические и научные достижения, а также имеющих опыт применения сил и средств информационно-психологической борьбы.

Единый комплекс мер обеспечения информационной безопасности нашей страны должен содействовать достижению главной цели – разрешению противоречий между Россией и странами (коалициями стран), между Россией и группировкой физических лиц, угрожающих национальной безопасности Российской Федерации. Эти меры подчинены общему замыслу информационного противоборства России наряду с экономическими, политическими, дипломатическими, правовыми мерами, проводимыми в рамках информационного противоборства.

Литература

1. Матвиенко Ю.А. Апология полемоса // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. – 2013.
2. Матвиенко Ю.А. Парадоксальная логика и ее вклад в геополитику XXI века // Информационные войны. – 2013. №1 (25).
3. Опыт зарубежных государств в проведении психологических операций в вооруженных конфликтах / Аналитическое управление Аппарата Государственной Думы ФС РФ. Отв. за выпуск – Рыбкин В.В. – М., 2004. // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. – URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4734/17002>
4. Потапов В. Действия соединений, частей и подразделений СВ при проведении специальной операции по разоружению НВФ в 1994-96 гг. на территории Чеченской республики. [Электронный ресурс]. –

URL: http://ryadovoy.ru/geopolitika&war/voenteoriya/dok_SKVO_3.htm
(Дата обращения: 11.04.2016 г.)

5. Жаров М, Шевяков Т. Хроники информационной войны. – М.: Изд-во. «Европа», 2009.

6. Пафнутьев П. Борьба за информационное господство // Военно-промышленный курьер. – 2004. № 29 (46). 4 августа. – URL: <http://vpk-news.ru/articles/1173> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)

7. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. – М.: Новое издательство, 2005.

8. Денисов А.А., Денисова Е.В. Конструирование абстрактных сознаний // Информационные войны. – 2013. №1 (25).

9. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)

10. Ивлев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации: монография. – М., 2008.

11. Китов П. Совершенствование способов и средств ведения психологических операций вооруженных сил США. Военное обозрение. <http://topwar.ru/27207-sovershenstvovanie-sposobov-i-sredstv-vedeniya-psihologicheskikh-operatsiy-vooruzhennyh-sil-ssha.html>; Гриняев С.Н. Прощай, PSYOP! На волне успеха «арабской весны» Пентагон заявил о полной перестройке направления психологических операций. <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/265-the-theory-and-practice-of-information-war/1-stati/3203-farewell-psyop-in-the-wake-of-the-success-of-the-arab-spring-the-pentagon-said-that-a-complete-restructuring-of-the-direction-of-psychological-operations>; Бурбаки В. «Умная оборона НАТО» – новые вызовы и угрозы для России. Сайт Фонда стратегической культуры. – 2012; Переслегин С.Б. «Стратегия чуда. Введение в теорию неаналитических операций». – СПб.: Труды группы «Имперский Генеральный штаб», 2002.

12. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Утверждена указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. №Пр-1895; Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

ГОМЕОСТАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» НА ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

В современной мировой экономике большое значение имеют транспортные коридоры, позволяющие наиболее быстро и безопасно доставить товар покупателю с наименьшими издержками. Однако, любой международный транспортный коридор – это не только вопрос экономического развития, но и, в определенной степени, геополитического выбора страны, по территории которой проходит маршрут. Особенно это актуально для регионов, за контроль над которыми идет борьба между лидирующими мировыми акторами.

На территории Центрально-Азиатского региона конкурируют несколько проектов, предполагающих создание новых инфраструктурных и транспортно-логистических объектов. Центральная Азия – сердце Евразийского континента, полное полезными ископаемыми и ресурсами, притягивающее взоры всех главных акторов на мировой арене, среди которых и два ее ближайших соседа – Россия и Китай. Стратегические интересы России и Китая в ЦАР совпадают по ряду позиций, например, по вопросам поддержания безопасности существующих границ, борьбы с терроризмом, поддержания региональной стабильности, экономического сотрудничества, геополитического взаимодействия.

В последние годы активно обсуждались различные планы по возрождению Великого шелкового пути с тем или иным акцентом в зависимости от «автора» проекта: такие проекты появлялись в ЕС, Иране, США, в органах структуры ООН и др. Исторически Великий шелковый путь сформировался в Китае во II веке до н. э. и вел из Сианя в Дуньхуан, где раздваивался на северную – до казахских степей – и южную – в Индию и на Ближний Восток – ветки.

В сентябре 2013 г. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин в ходе своего визита в центрально-азиатские страны озвучил идею создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

Концептуальное оформление данное предложение получило лишь в марте 2015 г. – было опубликовано «Видение и план действий для совместного строительства ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI века» [1], на которое мы и будем опираться в дальнейшем.

Согласно этому документу, ЭПШП предназначен для соединения Китая с Центральной Азией, Россией и Европой (в т.ч. странами Балтии); для связи Китая со странами Персидского залива и Средиземного моря через Центральную Азию и Западную Азию; для соединения Китая с Юго-Восточной Азией, Южной Азией и Индийским океаном. Экономический пояс Шелкового пути – это не интеграционный проект, а проект достижения экономической транспарентности и сотрудничества между странами на протяжении ЭПШП. Предполагается, что в рамках проекта участвующие страны вместе должны улучшить инфраструктуру региона, разработать безопасную и эффективную сеть сухопутных, морских и воздушных путей сообщения; стремиться к дальнейшему развитию торговли и поощрению инвестиций, созданию зон свободной торговли, углублению политического доверия, активизации культурных обменов, а также углублению финансового сотрудничества в построении валютной стабильности.

Для Китая ЭПШП решает ряд назревших вопросов: социально-экономические (вывод внутренних мощностей на внешние рынки), экономические (доступ к ресурсам и дешевой рабочей силе, развитие западных районов страны), геополитические (получение наземных путей снабжения и недопущение доминирования в соседнем ЦАР другого государства), дипломатические (улучшение отношений с соседями), а также вопросы безопасности (стабилизация соседнего региона).

Важность для Китая Центрально-Азиатского региона обуславливает постоянное развитие отношений Китая с государствами ЦАР, что ставит вопрос о перспективах российских позиций в регионе. Стратегический характер партнерства двух стран дает основания предполагать, что стороны будут стремиться к сотрудничеству, однако, нельзя отрицать конкуренции их проектов и роста числа проблем на региональной повестке дня двух сторон, что требует проработки модели взаимодействия России и Китая в Центральной Азии, в том числе,

предполагающей учет складывающихся реалий и новых проектов с участие стран региона, включая ЭПШП.

В рамках ЭПШП возможна прокладка нескольких маршрутов, как через Россию, так и в обход нее. В настоящее время проекты Шелкового пути затрагивают несколько субрегионов: собственно Центральную Азию, Россию, Ближний Восток, Южную Азию, страны Кавказа. Наземный Шелковый путь исторически берет начало в Сиане, затем проходит через весь Китай в Ланьчжоу в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Далее возможно разделение на три пути: северный (Китай – Монголия – Россия), центральный (Китай – Центральная Азия – Западная Азия) и южный (Китай – Индокитай) через, соответственно, три международных транспортных маршрута.

Согласно официальной позиции КНР, реализация Экономического пояса Шелкового пути «не дублирует и не соперничает» с другими механизмами сотрудничества с Россией, такими как ШОС и ЕАЭС [2]. Россия свою позицию озвучила лишь в мае 2014 г. [3], отметив стремление китайской стороны учитывать и российские интересы. Впоследствии руководство страны неоднократно высказывалось именно в духе поддержки проекта, а в мае 2015 г. было подписано Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП, что создает предпосылки для углубления транспортного сотрудничества и взаимосвязанности двух стран.

Согласно логике разработчиков концепции ЭПШП, реализация проекта станет возможна благодаря следующим механизмам кооперации: двустороннему сотрудничеству, многостороннему сотрудничеству (причем здесь, как правило, перечисляются организации и объединения, с которыми предполагается выстраивать взаимодействие в рамках ЭПШП, в том числе указывается Шанхайская организация сотрудничества, однако, ЕАЭС в списке не упоминается), международным форумам и выставкам, поддержке местных властей, проведению мероприятий по популяризации ЭПШП и др.

В настоящее время ЭПШП – это не просто концепция, проект постепенно наполняется конкретными проектами. В частности, запущен Фонд Шелкового пути, началось строительство железной дороги «Туркмения-Афганистан-Таджикистан» и «Москва-Казань», уже

завершено строительство железной дороги «Казахстан-Туркмения-Иран», подписаны соглашения между китайскими и узбекскими, китайскими и белорусскими ведомствами и банками, ведутся работы на горных участках границ государств ЦАР. С государствами по маршруту Шелкового пути (как сухопутного, так и морского) Китай уже имеет соглашения о свободной торговле (или о зонах свободной торговли) и о развитии взаиморасчетов в национальных валютах: с государствами Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей, с рядом тихоокеанских стран Латинской Америки. Экспертами отмечается необходимость в дальнейшем создать несколько «поясов»: транспортный, энергетический, торговый, информационный, научно-технический, аграрный и туристический.

Государства Центральной Азии в реакции на данные идеи проявляют прагматичный подход: в целом можно сказать, что в этих странах найдет определенную поддержку проект любой стороны, если он выразится в финансовом содействии, инвестициях и не будет подрывать основы государственного строя и безопасности.

Что касается России, то ее участие в прокладке ЭПШП действительно сулит ряд выгод и преимуществ. Так, ЭПШП не может не пройти через ЕАЭС, которое представляет единое правовое и таможенное пространство. Без сотрудничества с Россией ЭПШП неполноценен: в частности, невозможен без России северный коридор ЭПШП в Западную Европу. Под общим флагом ЭПШП развивается приграничное сотрудничество регионов России: например, провинция Шэньси заявила о намерении создать в рамках ЭПШП зону свободной торговли, ориентированную на Россию. Кроме того, ЭПШП может дать дополнительные импульсы развития Сибири и Дальнему Востоку через сотрудничество в сферах транспорта, энергетики, торговли, инфраструктурного развития, через взаимодействие в области науки и культуры. Власти Югры предложили даже синхронизировать развитие инфраструктуры Приполярного Урала и Арктического региона с ЭПШП.

Тем не менее, реализация Китаем данного проекта вполне может привести к сокращению влияния России в Центральной Азии. ЭПШП

затронет все центрально-азиатские республики, в связи с чем Китай пытается укрепить с ними двусторонние отношения партнерства. Кроме того, правительство КНР высказало идею об интеграции ЭПШП и «Морского Шелкового пути XXI века» [1], хотя он и вторичен по отношению к сухопутному. В случае внедрения в жизнь «Одного пояса, одного пути» ЕАЭС фактически может раствориться в данном проекте. В отличие от ЕАЭС ЭПШП – всесторонний проект без потенциально возможного перехода к политическому союзу, что может привлечь государства ЦАР. Кроме того, несомненным преимуществом китайского проекта являются финансовые возможности его инициатора.

Ставится также под вопрос использование Северного морского пути, поскольку «Один пояс, один путь» не предполагает прямого выхода в Арктику. Запуск ЭПШП не обязательно положительно отразится и на развитии Транссиба и использовании других маршрутов на территории России (на что возлагаются надежды сторонников проектов в России) в виду непригодности российской инфраструктуры – порты, трассы, склады и т.п. – для проекта (с точки зрения современных стандартов качества) или местами ее отсутствия или только строительства (например, строятся трассы Москва – Санкт-Петербург, ЦКАД – строительство планируется завершить до 2025 г.). Наконец, возможно направление основного грузопотока вовсе не через Россию, а через Казахстан и Каспийское море в Азербайджан и Грузию на Турцию и далее, в Европу.

Вышеизложенное демонстрирует необходимость выстраивания модели возможной параллельной или совместной реализации российских и китайских инициатив евразийской интеграции в целях поддержания стабильности в регионе.

В рамках теории динамической гомеостатики для создания и поддержания устойчивого состояния системы возможно построение модели управления через выделение в самой системе пары антагонистов [4]. В данном случае в качестве системы можно рассматривать Центрально-Азиатский регион, а в качестве антагонистов – Россию и Китай, как элементы этой системы, имеющие несовпадающие интересы и потенциальные противоречия. Объединяясь, антагонисты

образуют балансный гомеостат, который позволяет фиксировать поведение системы по принципу работы качелей-балансиров: оперируя заранее выделенными параметрами антагонистов, можно их разводить или, напротив, совмещать их возможности по тем или иным вопросам, что и будет процессом динамического управления [5, с. 71].

Рассматриваемая пара антагонистов – Россия и Китай – могут анализироваться по следующим укрупненным показателям: уровень экономического присутствия в регионе, уровень внедрения инструментов мягкой силы, доля участия в обеспечении безопасности стран региона, совпадение позиций по политической повестке и т.п. В рамках «содействующей адаптации» [6, с. 58-59] стороны могут использовать внешние импульсы в своих национальных интересах, что, в свою очередь, может быть использовано и при «специализации» областей взаимодействия России и Китая (например, гармонизация экономических проектов – ЭПШП и ЕАЭС, политики по обеспечению безопасности – ШОС и ОДКБ, борьбы с терроризмом – РАТС и АТЦ СНГ), т.е. через координацию многосторонних институтов с участием России и Китая по каждой конкретной функции для формирования общего ответа системы на внешние сигналы.

Иными словами, в рамках экономического сотрудничества в целях достижения динамического баланса интересов в регионе для России и Китая необходимо разработать модель, которая позволит рассчитать соотношение реальных возможностей и компетенций сторон при достижении поставленных целей в рамках провозглашенного сопряжение ЕАЭС и ЭПШП по показателям: наличие свободных средств для инвестиций, использование ресурсов, задействование рабочей силы и квалифицированного менеджмента, обеспечение условий труда и сервиса, возможности машиностроения и производственных мощностей, обеспечение безопасности на маршруте, а также общественная популяризация проектов и др.

Таким образом, в рамках обеспечения безопасности в ЦАР возможно в рамках процессов гомеостазиса системы использовать взаимодействие России и Китая через принцип дополнительности функций и компетенций институтов / проектов с их участием для сохранения устойчивости всей системы Центрально-Азиатского региона. Кроме

того, нельзя забывать, что новые проекты, в том числе ЭПШП, обязаны учитывать уже созданную базу экономического сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии. В системе российских международных транспортных коридоров ключевую роль играют Северный морской путь, Транссиб и маршрут «Север-Юг», задействование которых в проекте «Один пояс – один путь» позволит, с одной стороны, сделать более комплексным и завершенным китайский проект, а с другой – повысить эффективность этих маршрутов и задействовать новые направления для развития страны.

Литература

1. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.people.cn/n/2015/0329/c90883-8870719.html>

2. Посол КНР в Москве: надеюсь на улучшение инвестиционного климата в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interfax.ru/400597>

3. «Россия считает важной инициативу Китая по формированию "Экономического пояса Шелкового пути" и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации»: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 года. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642>

4. Горский Ю.М. Системно-информационный анализ процессов управления. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988.

5. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы: монография. – М.: Граница, 2004.

6. Rosenau J.N. The Study of Political Adaptation. – L, N.Y., 1981.

Емцова А.А.

НЕФОРМАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СМИ: ВЫЗОВ ИЛИ УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?

Эффективность политического влияния СМИ на массы общепризнанна и достаточно хорошо исследована политологической наукой. Меньше изучено политическое влияние на сами СМИ, при том, что от их позиций в обеспечении общественной безопасности зависит качество государственного и муниципального управления.

Информационная политика государства в текущий период недостаточно формально оформлена. Продолжается поиск эффективных путей проведения государством своего влияния в массы, реализации своих интересов. В частности, 5 декабря 2016 г. Президентом страны В.В. Путиным утверждена новая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Разработка и создание механизмов формирования и реализации государственной информационной политики России записана в ней в числе задач, требующих безотлагательного решения.

Тезис Доктрины информационной безопасности Российской Федерации о том, что СМИ – инструмент реализации государственной информационной политики, автоматически не реализуется. Это особая область деятельности в информационной сфере государственных органов и должностных лиц по выполнению управленческих функций государства. Она направлена на решение крупных системных задач и выступает как системообразующий элемент совокупной деятельности государства в целом, является важнейшим средством поддержания диалога власти и общества.

Публичная форма информационной политики требует организации открытых и доступных для общественности способов передачи информации, чем и занимаются государственные органы, форматируя специальные сообщения и транслируя их по информационным каналам. По этим же каналам распространяется и основная часть информации снизу вверх, из общества. Так складываются информационно-коммуникативные связи власти и общества. Два их важнейших момента

– актуализация властью своей управленческой программы и широкое информирование населения о своей деятельности.

Государство проводит информационную политику в значительной мере через СМИ. Однако в условиях провозглашенной в Конституции Российской Федерации свободы слова, закрепления в правовом поле норм ответственности за преследование СМИ и вмешательство в их деятельность, полного упразднения цензуры, управление СМИ через формальное влияние, то есть, посредством закрепленных законом норм и положений, не всегда возможно (во всяком случае, существенно ограничено). Да и на практике система отношений между двумя мощнейшими ресурсами – управленческим и информационным – не всегда укладывается в формальные рамки. Поэтому информационная политика реализуется не только в публичной, но и в полутеневой и теневой сферах в неформальных формах.

Неформальное политическое влияние на СМИ, особенно региональные, стало повсеместным явлением. Его практикуют как политики, так и властные, коммерческие структуры – те, для кого воздействие на население является главным механизмом достижения целей своей деятельности, и для кого осуществление этого воздействия наиболее эффективно через СМИ. Но эти действия порой квалифицируются только как манипуляции прессой, с заведомо негативной оценкой – как недопустимые в демократическом обществе.

В этих условиях основной задачей властей должно стать, с одной стороны, недопущение использования масс-медийного влияния для достижения личных, субъективных целей политиков, коммерческих или криминальных структур, тем более – для проведения деструктивных действий, направленных на ослабление как региональной власти, так и страны в целом. С другой стороны, власть должна и хорошо знать, и научиться широко использовать неформальные практики для влияния на СМИ в своих интересах, и прежде всего – в проведении целей и задач государственной информационной политики.

Неформальных политических коммуникаций тем больше, чем меньше степень открытости общества, и наоборот. Однако было бы упрощением представлять дело так, что они отмирают по мере развития демократии, открытости общества. Просто меняются формы

и конкретное содержание неформальных коммуникаций. Их востребованность в каждом конкретном случае определяет не степень закрытости или наоборот, открытости общества, а всего лишь необходимость решения той или иной конкретной задачи.

Неформальные политические коммуникации также проще представлять как своего рода инструменты неформального влияния. Такие инструменты не имеют четко очерченных нормативных рамок и проистекают скорее из традиций и необходимости, чем из законности и легитимности. Их возникновением и развитием движет потребность, а это значит, что они будут присутствовать всегда в обозримом будущем.

Российский исследователь М.В. Подхомутникова называет анализируемое явление неформальными политическими практиками и определяет явление как постоянные воспроизводимые стереотипные правила взаимодействия объектов политики, устанавливаемые и поддерживаемые не посредством формально-правовых норм, а с помощью социокультурных регуляторов: ценностей, политических ориентаций, установок деятельности и т.п. [1]. Цели таких практик – получение публичной власти или увеличение ее ресурсов. Атрибутивные качества неформальных политических практик – их типичность, многосубъектность, прогнозируемость поведения и взаимодействия субъектов политики. Функционально неформальные политические практики конструируют и воспроизводят основные способы существования субъектов политики, обеспечивают удовлетворение их потребностей и достижение целей. Они восполняют наблюдающуюся еще в обществе неэффективность сложившихся формальных институтов и практик, по-своему дополняют и объединяют согласованное коммуникативное пространство. Источником постоянного воспроизводства таких практик служит сам развивающийся политический процесс. Формализация не успевает за развитием, и возникает объективная потребность в неформальных институтах [2]. По мере их устойчивого применения возникает и потребность в их формализации.

Причины появления неформальных политических практик также мало исследованы. Обычно выделяют их три:

1) неполнота формальных механизмов влияния или их несовершенство, когда акторы вынуждены разрабатывать и предлагать субъектам политики новые, нигде в правовом поле не зафиксированные, нормы и процедуры, упрощающие работу и позволяющие достигать результатов быстрее и эффективнее, чем при использовании уже имеющихся формальных;

2) необходимость запасной стратегии, когда есть реальная опасность того, что в определенных обстоятельствах не сработает формальная, действующая и признанная обществом норма;

3) и, наконец, стремление к целям, которые не являются общественно приемлемыми, находятся за гранью закона, но, тем не менее, необходимы данным акторам для самореализации.

Обобщая выше сказанное, можно сделать вывод: неформальные политические практики появляются там и тогда, где и когда невозможно реализовать те или иные общественные или политические потребности в рамках формальных практик. В свою очередь неформальные практики при определенных политических условиях служат источником пополнения практик формальных, уже широко использующихся в общественном поле. Это своего рода постоянно пополняющийся резерв, откуда черпает ресурс формальное поле.

При отсутствии писаных правил сам механизм развития и распространения неформальных практик сложен и запутан. В одних случаях они возникают как плод замысла узкой группы лидеров, и тогда действуют сверху вниз. В других, особенно когда налицо потребность быстрого поиска механизма согласования интересов в ходе конфликта, они появляются как случайность, и распространяются по горизонтали или снизу вверх. В третьих, такие механизмы вырастают на основе бытовой традиции, обычая. В этом случае они, скорее, существовали в зачаточном состоянии давно, но актуализировались и распространились в силу возникшей потребности. Распространению неформальных политических практик способствуют и СМИ, а также социальные сети [3].

Эволюция неформальных политических практик если и наблюдается, то очень медленная и постепенная. Как любая долго складывающаяся негласная норма, они характеризуются высокой

сопротивляемостью к переменам и колоссальной способностью к выживанию. Но в жизни этого явления наблюдаются и быстрые изменения. Толчком к ним могут быть самые разные обстоятельства. Например, изменения в формальных практиках. Или изменение эффективности их действия, когда в новых политических условиях та или иная практика перестает давать результат, который от нее ожидается. Зачастую рост авторитета формальных практик, их высокая эффективность сводит на нет, а то и приводит к отказу от использования их противоположностей [2].

Неформальное политическое влияние – сложное явление, в большей степени относящее к не всегда афишируемым, а иногда и теневым методам управления в современном обществе. Однако, как показывают и научные изыскания, оно в полной мере существует, признается субъектами и объектами политики, имеет как отрицательные, так и положительные стороны, эффективно там, где недостаточно или невозможно использовать формальные – правовые и административные методы воздействия.

Использование механизмов неформального политического влияния на СМИ в какой-то мере решает проблему недостатка у властных структур механизмов воздействия на средства массовой информации, дополняя имеющиеся в ее распоряжении формальные, то есть определенные законом, рычаги управления.

Практики неформального политического влияния, как правило, не очевидны. Сообщения о конкретных фактах в СМИ крайне редки, по этой причине их довольно сложно систематизировать и выделить сколько-нибудь значимые в научном плане тенденции и закономерности. Власть скрывает теневые методы своего политического влияния, и редакции тоже не заинтересованы в разглашении деталей своих частных отношений с теми, от кого зачастую зависит их выживание.

Определенные результаты получены при анкетировании участников ежегодного Северо-Кавказского форума СМИ, прошедшего в Пятигорске в декабре 2015 г. и собравшего свыше двухсот журналистов из более чем 50-ти редакций СМИ семи субъектов Северо-Кавказского Федерального округа. Было распространено два вида анкет. Первая – среди *субъектов* неформального политического влияния на СМИ:

представителей министерств, комитетов и управлений, тем или иным образом управляющих информационной политикой в субъектах. Вторая – среди представителей СМИ, то есть среди *объектов* неформального политического влияния. В первом случае в анкетах выяснялся вопрос об использовании *субъектами* неформального политического влияния на СМИ. Во втором – в какой мере *объекты* неформальных методов политического влияния сталкиваются с таковыми.

Установлена довольно высокая – на уровне 93% удовлетворенность субъектов и объектов влияния формальными механизмами регулирования деятельности СМИ. Это говорит о том, что объективные предпосылки возникновения неформальных практик политического влияния на СМИ не столь существенны (во всяком случае, утверждать неизбежность его возникновения нельзя).

Установлено также, что 93% экспертов, как субъектов, так и объектов влияния, признают существование неформальных практик, и почти столько же, – что пользовались ими. Это свидетельствует и о легитимности явления, и о том, что его применение на практике широко распространено в региональной политике.

Исследование показало, что и субъекты, и объекты политического влияния разбираются в качественных характеристиках, предложенных им для оценки неформальных практик, поскольку отдали предпочтение одним и оставили без внимания другие. Так, *субъекты* отдали предпочтение таким формам, как включение редакторов и ведущих журналистов в общественные советы при органах власти, заключение договоров на информационное обслуживание и привилегированным интервью. А *объекты* – заключению договоров на информационное обслуживание, включению редакторов и ведущих журналистов в общественные советы при органах власти и обеспечению подписки на конкретные издания. Наименее предпочтительные у *субъектов* влияния селекция изданий и журналистов по доступу к информации, исключение местных проблем из информационной повестки и создание отвлекающих информационных поводов, перебивка (изменение) повестки дня. У *объектов* наименее предпочтительные создание отвлекающих информационных поводов, перебивка повестки дня,

помощь в осуществлении карьеры редакторам и журналистам и исключение местных проблем из информационной повестки.

Интересно сопоставление представлений субъектов и объектов влияния о взаимной зависимости после применения практик неформального политического влияния. 40% экспертов-субъектов считают, что СМИ обязаны теперь им и власти в целом. В противовес им 60% экспертов-объектов влияния указали, что, получив от власти преференции в ходе реализации неформальных практик, они теперь ей обязаны. При относительно небольшой зависимости она, тем не менее, выявлена и является негативным следствием применения неформальных практик.

Предпочтительность и эффективность неформальных политических практик также разнится у субъектов и объектов влияния. На первые места по обоим этим критериям субъекты и объекты влияния поставили практики, связанные с материальными взаимоотношениями.

Относительно высоко эксперты оценили влияние использования неформальных практик воздействия на СМИ на информационную безопасность в регионе и стране в целом. Причем, субъекты влияния дали более высокую оценку. Да и в целом подавляющее большинство экспертов заключили, что использование властью неформальных практик повышает ее влияние на общество.

Менее солидарной была оценка субъектами и объектами влияния необходимости правового и административного регулирования неформальных политических практик. Необходимость такого регулирования отметили 66,7% субъектов влияния и лишь 40% объектов влияния. По 20% тех и других считают, что необходимости в таком регулировании нет. Процент воздержавшихся соответственно 13,3 и 40%, что говорит о еще не сложившемся мнении по этому вопросу.

С точки зрения способа и механизмов влияния с помощью экспертных оценок выделены три доминирующих группы практик неформального политического влияния на СМИ. Мы назвали эти группы следующим образом: влияние через материальный ресурс, влияние через расположение лидеров СМИ к власти и влияние через доступ к информации или ее ограничение.

К первой группе отнесены заключение договоров на информационное обслуживание, предоставление других дотаций (отмена арендной платы, льготы по местным налогам); направление рекламных бюджетов в лояльные медиа; обеспечение подписки на лояльные издания.

Во вторую группу вошло включение редакторов и ведущих журналистов в общественные структуры при органах власти; приближение определенных редакторов и ведущих журналистов к первым лицам власти региона; помощь в осуществлении карьеры редакторам и журналистам; привилегированные интервью.

В третью группу объединено создание отвлекающих информационных поводов, перебивка повестки дня; селекция изданий и журналистов по доступу к информации; контроль за источниками сведений для изданий; исключение местных проблем из информационной повестки.

С точки зрения функций субъектов влияния, то есть власти, выявлены дополняющие, приспособливающиеся, конкурентные и замещающие неформальные практики, все более обретающие контуры социальной институционализации.

Дополняющие традиционные практики (институты) – это такие, которых нет в формальных правилах, но они повышают эффективность применения формальных. Сюда отнесены заключение договоров на информационное обслуживание, предоставление других дотаций (отмена арендной платы, льготы по местным налогам); направление рекламных бюджетов в конкретные медиа; обеспечение подписки на конкретные издания. (Отметим, что в условиях, когда средства массовой информации буквально брошены в условия рыночных отношений, такая практика материальной поддержки естественно дополняет способности власти влиять на СМИ).

Приспособливающиеся практики способствуют улаживанию противоречий, возникающих между субъектами и объектами влияния в рамках формальных институтов (включение редакторов и ведущих журналистов в общественные структуры при органах власти, и встречно – введение первых лиц администраций или мэрий в состав редколлегий и редсоветов; приближение определенных редакторов и ведущих

журналистов к первым лицам власти региона; привилегированные интервью и пр.).

Конкурентные практики, как правило, несовместимы с формальными правилами, а то и прямо противоречат им. Сюда мы отнесли создание отвлекающих информационных поводов, перебивку повестки дня; помощь в осуществлении карьеры редакторам и журналистам; селекцию изданий и журналистов по доступу к информации, контроль за источниками сведений для изданий, исключение местных проблем из информационной повестки.

И, наконец, замещающие неформальные институты. Они чем-то похожи на дополняющие, но используются в случае неэффективности формальных институтов, и возникают там, где эти институты слабы.

Систематизация всей совокупности формальных и неформальных методов влияния позволила выявить преимущества неформальных практик влияния на СМИ как творческие коллективы, а также тенденции их возникновения, становления, функционирования и развития. В частности, выявить различия между манипуляциями и неформальными методами, показать их приемлемость как для субъектов влияния – власти, так и для СМИ и журналистов.

Исследование показало, что неформальные методы влияния эффективны в сфере реализации государственной информационной политики, способны заместить недостающие формальные и могут быть использованы как метод в реализации информационной политики органами региональной власти Российской Федерации.

Литература

1. Подхомутникова М.В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации: автореф. дис. канд. полит. наук. – Краснодар, 2010.
2. Мамчуева Ф.Ю. Формальные и неформальные политические практики современного политического процесса // Историческая и социальная мысль. – Москва, 2013. – №5(21).
3. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. – 2007. №2.

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ
ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В результате активной хозяйственной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) и на соседних территориях арктическая природная среда подвергается интенсивному воздействию загрязняющих веществ, следствием чего является деградация арктических экосистем. Усилению негативных явлений способствуют и развитие опасных гидрометеорологических, мерзлотно-геоморфологических, ледовых и других неблагоприятных природных процессов, связанных с изменениями климата.

Особую проблему составляет потенциальное загрязнение территории АЗРФ техногенными радионуклидами. В регионе находятся крупные объекты ядерного наследия, связанные с деятельностью военного и гражданского атомных флотов, а также другие радиационно-опасные объекты. При этом социально-экономическое развитие Российской Федерации в среднесрочной и отдаленной перспективе будет тесно связано с освоением природных богатств Арктики. В соответствии с «Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» использование АЗРФ в качестве стратегической ресурсной базы относится к числу основных национальных интересов страны.

Одной из главных целей государственной политики является сохранение и обеспечение защиты природной среды Арктики, ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата. Также существенными мерами по реализации государственной политики являются: установление особых режимов природопользования и охраны окружающей природной среды в Арктической зоне Российской Федерации, включая мониторинг ее загрязнения; рекультивация природных ландшафтов; утилизация токсичных промышленных отходов, обеспечение химической

безопасности, в первую очередь в местах компактного проживания населения.

Для содействия Российской Федерации в решении природоохранных проблем в АЗРФ в рамках проекта Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) Глобального экологического фонда (ГЭФ) «Российская Федерация – Поддержка Национального плана действий по защите арктической морской среды» подготовлена «Стратегическая программа действий по охране окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации» (СПД-Арктика), одобренная Морской коллегией при Правительстве Российской Федерации. Сфера действия СПД-Арктика охватывает АЗРФ, а также территории Республики Коми и Ханты-Мансийского автономного округа, на которых находятся источники загрязнения, существенно влияющие на состояние окружающей среды в Арктике.

Национальная природоохранная нормативно-правовая база включает в себя около 40 федеральных законов, 1200 постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, приказов министерств и ведомств. Их действие распространяется на всю территорию Российской Федерации, включая АЗРФ. Однако большинство из этих документов не учитывает специфику природно-климатических условий российской Арктики. Как следствие, для хозяйственной деятельности в АЗРФ установлены практически такие же природоохранные требования, как для других территорий, гораздо менее уязвимых для антропогенных воздействий и значительно более легко компенсирующих наносимый вред.

Демонстрацией серьезного отношения руководства страны к проблемам, существующим в АЗРФ, является принятие ряда стратегических документов, среди которых «Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» и «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г.». К сожалению, заложенные в них директивы и требования к хозяйственной деятельности не полностью реализованы в конкретных нормативно-правовых актах. До настоящего времени:

– не разработаны подходы к определению допустимого антропогенного воздействия на арктические экосистемы, что не позволяет устанавливать

обоснованные требования к деятельности хозяйствующих субъектов в АЗРФ и контролировать их выполнение;

- экологическая экспертиза и оценка воздействия на окружающую среду не распространяется на все проекты намечаемой хозяйственной деятельности в АЗРФ, позволяя тем самым реализовать решения, неблагоприятные для арктических экосистем;

- не предусмотрен учет особых природно-климатических условий в технических регламентах для продукции, которая может производиться или потребляться в АЗРФ;

- не предусмотрены требования об обязательном применении наилучших доступных технологий на новых промышленных объектах, создаваемых на территории АЗРФ.

Для создания полноценной организационно-правовой базы, способной обеспечить решение экологических проблем АЗРФ без ущерба экономическим интересам России, необходима целенаправленная и последовательная работа как по совершенствованию действующего законодательства, так и по разработке новых нормативных правовых актов.

Весомым подтверждением стратегических интересов России в АЗРФ, ее обязательств по сохранению природной среды этого региона и стремления реализовать в АЗРФ принципы устойчивого развития могло бы быть принятие специального федерального закона с условным названием «Об особых режимах природопользования и охраны окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации».

Принятие такого закона позволило бы урегулировать (хотя бы применительно к территории АЗРФ) некоторые важные отношения в сфере природопользования и охраны окружающей среды, ныне выпадающие по тем или иным причинам из сферы регулирования действующих федеральных законов. В любом случае в рамках одного федерального закона или через поправки к другим законодательным актам следовало бы решить как минимум следующее:

- разработать и утвердить перечень приоритетных загрязняющих веществ, нормативы для которых должны быть адаптированы к условиям АЗРФ;

- включить требования об учете природно-климатических особенностей территории АЗРФ при разработке экологических нормативов;

- разработать технические (технологические) нормативы загрязняющих веществ, ориентированные на наилучшие доступные технологии и учитывающие природно-климатические особенности АЗРФ;

- разработать нормативы допустимого воздействия на окружающую среду (нормативы выбросов и сбросов микроорганизмов, физического воздействия, изъятия компонентов окружающей среды и комплексной антропогенной нагрузки на окружающую среду), учитывающие природно-климатические особенности АЗРФ; разработать принципы и концепцию развития особо охраняемых природных территорий федерального и регионального значения в АЗРФ;

- включить требования по проведению стратегической экологической оценки и государственной экспертизы документов территориального планирования на уровне субъектов Федерации, входящих в АЗРФ;

- разработать инструктивно-методические документы, регламентирующие проведение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в отношении различных видов хозяйственной деятельности в природно-климатических условиях АЗРФ; разработать критерии определения видов деятельности, подлежащих обязательному лицензированию, исходя из их влияния на окружающую среду АЗРФ, сформировать и утвердить соответствующий перечень лицензируемых видов деятельности;

- предусмотреть обязательность экологического аудита для видов деятельности, особо опасных для природной среды АЗРФ; разработать механизм обязательного страхования экологических рисков при осуществлении хозяйственной деятельности в АЗРФ;

- сформировать критерии отнесения объектов, подлежащих государственному экологическому контролю органами власти различного уровня в субъектах Федерации, входящих в АЗРФ, предусмотреть передачу части контрольных функций на уровень муниципальных образований субъектов Федерации, входящих в АЗРФ;

- сформировать перечень подлежащих разработке или переработке методик расчета экологического ущерба, а также разработать сами методики в соответствии с утвержденным перечнем.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ
ДЛЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР
СТАБИЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА**

С 1 января 2015 г иностранным гражданам, прибывшим в Россию безвизовым порядком с целью «работа», предоставлено право осуществлять трудовую деятельность у юридических лиц на основании патента (ранее на основании патента они могли трудиться только у физических лиц) [1].

Согласно норме закона от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ субъектам федерации предоставлено право самостоятельно определять ежемесячную цену государственной пошлины за патент (Государственный налог на доходы физического лица, работающего по патенту) [2].

Новая патентная система призвана заменить устаревший и малоэффективный административный механизм регулирования трудовой миграции (квотирование разрешений иностранным гражданам на работу у юридических лиц) на более эффективный экономический механизм – патентование. С ее помощью предполагалось регулировать трудовую миграцию, усиливая потоки трудовых мигрантов в те регионы страны, где низкая стоимость патента и, наоборот, снижая потоки трудовых мигрантов в регионы, где цена за патент будет высокой. Новая патентная система призвана наполнять региональные бюджеты средствами от уплаты мигрантами госпошлины за патент.

С позиции сегодняшнего дня можно сказать, что система доказала свою состоятельность, она способна решать поставленные перед ней задачи. Однако практика ее применения высветила и проблему. Одним из слабых свойств является нечувствительность к быстро изменяющимся потребностям региональных рынков труда к специальностям мигрантов. Не секрет, что региональные рынки сильно отличаются друг от друга. В одном субъекте на рынке высок спрос на сварщиков, но практически не нужны экономисты; в другом наметилась потребность в сезонных сельскохозяйственных работниках, но не нужны экономисты; в третьем

– катастрофически не хватает коммунальных работников при этом остаются не востребованными юристы.

Действующая же патентная система не учитывает эти различия. Величина государственной пошлины за патент одинакова для всех категорий трудовых мигрантов, независимо от их специальностей, она привязана лишь к конкретному субъекту федерации.

В результате этого региональные органы государственной власти в течение года не имеют возможности посредством патентной системы привлекать в регион мигрантов востребованных в субъекте специальностей и наоборот, создавать препятствия приезду мигрантов невостребованных специальностей. Это обстоятельство часто приводит к разбалансированности рынков труда, возникновению несоответствия между спросом и предложением в иностранной рабочей силе. Как следствие, страдает бизнес. Предприниматели вынуждены увеличивать оплату труда мигрантам на величину стоимости патента, тем самым привлекать в свой бизнес нужных иностранных специалистов или же переносить бизнес в другой субъект федерации, где ниже госпошлина за патент. Это не способствует социально-экономическому развитию регионов.

Но самый большой урон от внедрения новой патентной системы связан с оттоком из субъектов низкооплачиваемых трудовых мигрантов, работающих в структурах социально значимых предприятий и учреждений: дворников, консьержей, грузчиков, уборщиков и разнорабочих социально значимых магазинов; врачей, медсестер, санитарок больниц и поликлиник; учителей, воспитателей, нянечек, уборщиц учреждений школьного и дошкольного образования и т.д. Для этой категории мигрантов цена за патент оказалась чрезвычайно высокой, она ничем не отличалась от цены госпошлины за патент для мигрантов высокооплачиваемых специальностей: юриста, экономиста, повара престижного ресторана и других. В Москве и в Московской области ежемесячная государственная пошлина за патент составляла 4 000 руб., в Калужской области – 3 842 руб., в Тульской – 3 000 руб. и т.д. [3].

В результате такой несправедливости многие низкооплачиваемые, но социально значимые для региона трудовые мигранты, попали

в трудную экономическую ситуацию и покинули страну, а многие из них ушли в сектор незаконной миграции (рост незаконной миграции в 2015 г. во многом связан с действием новой патентной системы) [4]. Как следствие, наблюдается сокращение числа иностранцев-дворников, города постепенно теряют прежнюю чистоту, а в зимний период многие дороги и тротуары плохо очищаются от снега; в больницах и детских садах не хватает нянечек и т.д. Все это говорит о проблеме, связанной с назревшей потребностью модернизации российской патентной системы.

Ключ к решению проблемы кроется в применении дифференцированного подхода определения величины госпошлины за патент, чувствительного не только к выбору субъекта федерации (как это происходит сегодня), но также к потребностям региональных рынков труда в конкретных иностранных специалистах [5]. В основу дифференцированного подхода должен быть положено следующее правило государственного регулирования трудовой миграции: *чем выше потребность регионального рынка труда в конкретных иностранных специалистах, тем ниже для них должна быть ежемесячная цена госпошлины за патент, и наоборот, чем ниже потребность рынка в конкретных иностранных специалистах – тем выше для них должна быть цена госпошлины за патент.*

Для реализации этого принципа предлагается использовать в субъектах федерации универсальную шкалу определения госпошлины за патент для трудовых мигрантов, включающую:

- базовую цену госпошлины за патент для иностранных рабочих, осуществляющих трудовую деятельность у юридических и физических лиц;

- пониженную цену госпошлины за патент для иностранных рабочих, имеющих специальности, востребованные экономикой регионов: а) рабочие специальности (сварщики, столяры, каменщики, кровельщики и другие), б) сельхозрабочие (сезонные/не сезонные: животноводы; механизаторы и другие специальности), в) иные специальности;

- пониженную цену госпошлины за патент для низкооплачиваемых трудовых мигрантов, работающих в структурах социально значимых предприятий и учреждений (дворники, нянечки, разнорабочие и др.).

По этой шкале субъекты Российской Федерации должны ежегодно по специальным методикам определить базовую цену ежемесячной госпошлины за патент, а также цены ежемесячных госпошлин за патенты для каждой категории иностранных специалистов, востребованных в регионе. Общее представление о данной шкале приведено в таблице.

Таблица. Типовой формат таблицы госпошлин за патент для трудовых мигрантов в субъекте федерации (Вариант)

Госпошлины за патенты в субъекте РФ на 20__ г.		
1. Базовая цена госпошлины за патент для мигрантов, работающих у юридических и физических лиц – xxxx руб. / в месяц		
2. Пониженные цены госпошлин за патенты для мигрантов востребованных специальностей, работающих у юридических лиц		
Специальности, востребованные на региональном рынке труда	Количество востребованных специалистов по каждой специальности (чел.)	Госпошлина за патент (руб/мес.)
1	2	3
А. Иностранные специалисты, востребованные экономикой региона:		
Рабочие специальности: - сварщики; - столяры; - каменщики; - кровельщики; - другие специальности	xxxx xxxx xxxx xxxx xxxx	xxxx xxxx xxxx xxxx xxxx
С/х работники (сезонные/не сезонные): - животноводы; - механизаторы; - другие специальности	xxxx xxxx xxxx	xxxx xxxx xxxx
Юристы	xxxx	xxxx
Экономисты	xxxx	xxxx
Работники культуры	xxxx	xxxx
Другие специальности	xxxx	xxxx
В. Низкооплачиваемые трудовые мигранты, работающие в структурах социально значимых предприятий и учреждений:		
– дворники, сантехники и рабочие других специальностей	xxxx	xxxx
– работники социально значимых магазинов	xxxx	xxxx
– работники больниц и поликлиник	xxxx	xxxx
– работники других социально значимых предприятий и учреждений	xxxx	xxxx

На федеральном уровне предлагается:

1. Разработать и нормативно закрепить типовой формат таблицы госпошлин за патенты для трудовых мигрантов, который должен быть понятен работодателям и мигрантам, таблица должна использоваться всеми субъектами федерации. Заполненная таблица должна быть размещена в открытом доступе.

2. Определить конкретный региональный сайт, на котором должна быть размещена таблица, заполненная информацией о госпошлинах за патенты, и установить срок размещения таблицы на сайте.

На региональном уровне, предлагается:

1. В конце текущего года группой специалистов, назначенных от органа государственной власти субъекта федерации, должна быть определена на следующий год базовая цена госпошлины за патент для трудовых мигрантов, работающих у юридических и физических лиц.

2. Отталкиваясь от базовой цены госпошлины за патент, необходимо определить стоимость патента для категорий, востребованных экономикой региона мигрантов и низкооплачиваемых мигрантов, работающих в структурах социально значимых предприятий и учреждений. Для этого требуется предварительно провести следующую работу:

- проанализировать ситуацию на муниципальных рынках труда и уточнить востребованные трудовые специальности, которые не обеспечены местным населением, обобщить информацию и заполнить первую колонку таблицы;

- уточнить востребованное в регионе количество иностранных рабочих по каждой специальности и по результатам обобщения заполнить вторую колонку таблицы;

- проанализировать цены госпошлин за патенты в других субъектах федерации и определить цены госпошлин за патент в своем субъекте на каждую востребованную специальность (при определении цены целесообразно воспользоваться сформулированным выше принципом), по результатам анализа заполнить третью колонку таблицы;

- разместить таблицу в открытом доступе на указанном федеральным органом сайте системы Интернет.

Типовые таблицы, заполненные в каждом субъекте РФ и размещенные к установленному сроку в открытом доступе, будут представлять собой ориентиры потенциальным трудовым мигрантам и работодателям для принятия решений на трудовую миграцию.

Реализации дифференцированного подхода может столкнуться с проблемой – желанием некоторых работодателей сэкономить на мигрантах, использовать патенты пониженной стоимости для работы мигрантов по невостребованным специальностям. Например, мигрант-врач, начальник отделения больницы приобретает патент нянечки и спокойно работает по основной специальности или же менеджер социально значимого магазина – патент разнорабочего.

Для снижения рисков подобных ситуаций предлагается:

- установить специальную форму патента для востребованных трудовых мигрантов, отличную от формы патентов для остальных категорий иностранных работников, например, с помощью цветовых окрасок;

- в каждом патенте пониженной стоимости должна быть четко прописана специальность, по которой будет работать востребованный мигрант;

- нормой закона необходимо ввести запрет на работу иностранца, получившего патент пониженной стоимости, по другой специальности, не указанной в патенте, а также запрет на совмещение специальностей лицам, получившим такой патент;

- для работодателей необходимо ввести административную ответственность за нарушение этой нормы закона (внести специальное дополнение в Кодекс об административных правонарушениях). Риски ответственности должны существенно превышать риски нарушения нормы закона.

Ответственность мигрантов, вставших на путь нарушения миграционного законодательства, уже определена действующими законами.

На наш взгляд, переход к дифференцированной (по специальностям мигрантов) патентной системе существенно повысит эффективность государственного регулирования потоков трудовых мигрантов. Потоки трудовой миграции из-за рубежа будут распределяться не столько

по субъектам федерации, сколько по востребованным в регионах специальностям. В результате этого возможно произойдут следующие изменения:

- у органов государственной власти субъектов федерации появится надежный механизм реагирования на запросы региональных рынков труда в иностранной рабочей силе;

- региональные рынки труда сбалансируются (произойдет сбалансирование спроса и предложений на иностранную рабочую силу);

- работодатели смогут без существенного повышения оплаты труда, нанимать востребованных в регионе иностранных рабочих;

- бизнес, ориентированный на привлечение низкооплачиваемых трудовых мигрантов, не будет сворачиваться, как это происходит сегодня, а станет процветать;

- у социально востребованных мигрантов появится стимул к работе в социально значимых предприятиях и учреждениях, что позитивно скажется на развитии сферы социальных услуг;

- снизится уровень незаконной миграции.

При этом важно заметить, что поступления в региональные бюджеты не сократятся, а наоборот увеличатся за счет увеличения числа законно работающих мигрантов.

На наш взгляд, предложенный дифференцированный подход определения цен госпошлины за патент для трудовых мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию в безвизовом режиме, представляет собой инновационную управленческую технологию государственного регулирования трудовой миграции, способную более эффективно регулировать потоки трудовых мигрантов, чем это происходит в рамках действующего законодательства.

В этой связи предлагается:

1. Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации совместно с учеными рассмотреть вопрос о модернизации патентной системы на основе предложенного дифференцированного подхода.

2. Апробировать дифференцированный подход в нескольких субъектах федерации.

3. Разработать законопроект поправок к Федеральному закону от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 22.12.2014 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» с учетом использования дифференцированного подхода определения цены на госпошлину за патент.

Литература

1. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (25 июля 2002 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172573/

2. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации // (Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 25.11.2014, № 0001201411250019) (о порядке вступления в силу см. ст. 7 Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ).

3. Никольский А. Мигранты из безвизовых стран теперь будут работать в РФ по патенту // Сетевое издание «РИА Новости». – 2015. 1 января. – URL: ria.ru/society/20150101/1041091906.html

4. Леденева В.Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и Общество. – Изд-во "НБ-Медиа", 2015. № 6. – С. 717-728. DOI: 10.7256/1812- 8696.2015.6.10786 ISSN:1812-8696.

5. Волох В.А. Новая Россия: политика и управление миграционными процессами: монография. – Самара: Издательский Дом «Бахрах–М», 2015.

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ – ОСНОВА СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема патриотического воспитания граждан, особенно молодежи, в современных условиях приобретает особую актуальность и значимость на пути обретения нашим обществом традиционно российского патриотического сознания, преодоления широко распространенного равнодушия, эгоизма, цинизма, социальной безответственности и агрессивности как слагаемых комплекса ущербности, маргинальности и неполноценности нации.

В настоящее время необходимость формирования патриотизма декларируется во многих нормативных документах, программах, проектах, научных и популярных публикациях, посвященных проблеме патриотического воспитания подрастающего поколения. Однако в российском обществе до сих пор отсутствует концептуальное видение решения проблемы патриотического воспитания (ПВ) и подготовки молодежи к защите Отечества и военной службе, и стратегия осуществления этой деятельности в рамках функционирования принципиально новой системы, адаптированной применительно к изменившимся условиям.

В целом деятельность соответствующих структур, органов, организаций и объединений, участвующих в ПВ, но не имеющих научно-обоснованных, соответствующих современным реалиям концептуальных подходов, приоритетных направлений и механизмов их реализации характеризуется инертностью, неопределенностью, бессистемностью, отсутствием заинтересованности в достижении конечных результатов проводимых мероприятий. Механизм координации и управления деятельностью субъектов, участвующих, а также не участвующих (в силу ее игнорирования) по развитию патриотизма и готовности граждан к достойному служению Отечеству на всех уровнях и по основным направлениям фактически

не функционирует, а используемые и затрачиваемые средства дают все меньший эффект.

Реалии постсоветского времени привели к ситуации, когда система общего (полного) образования, ранее обладавшая существенным влиянием на процесс становления школьника как патриота и гражданина, в значительной мере утратила свой воспитательный потенциал. Во многом именно поэтому в последние десятилетия расширилось социальное пространство таких негативных процессов, как депатриотизация духовной и социальной жизни учащейся молодежи, размывание ценностно-мотивационного ядра смыслового поля ее самосознания.

Причина этого не только в отсутствии общей стратегии и резком ослаблении управления важнейшими звеньями и механизмами в процессе организации этой деятельности. Более важным и, пожалуй, главным негативным фактором является то, что на протяжении уже многих лет не преодолена дискредитация не только существовавшей десятилетиями практики патриотического и военно-патриотического воспитания, но и самой идеи формирования и развития личности гражданина-патриота. Остается за гранью научного переосмысления богатейший исторический опыт зарубежных стран, накопленный в этой сфере, а имеющиеся в образовательно-воспитательной практике модели необдуманно переносятся на отечественную почву воспитания.

В связи с этим все более неотложным является решение задачи фундаментального и всеобъемлющего рассмотрения комплекса проблем, накопившихся в сфере патриотического воспитания, как важнейшего компонента воспитания в целом. Это требует глубокого изучения и всестороннего анализа всех происходящих в российском обществе изменений, тенденций развития с учетом существующих и нарождающихся проблем и противоречий. Огромное значение приобретает поиск и разработка принципиально новых подходов к созданию качественно иных основ патриотической деятельности с подрастающим поколением, учитывающих систему его ценностей, потребностей и интересов.

В современных условиях политические партии, многие общественные организации и объединения ставят перед собой весьма

различающиеся цели, в соответствии с которыми они определяют и ориентиры воспитания подрастающих поколений. Нередко эти цели вступают в противоречие с целями государственной системы образования, культуры, информационной, молодежной политики и др. Характеризуясь политическими и идеологическими пристрастиями, чрезмерной корпоративностью и региональностью интересов, эти партии, движения, организации стремятся задать молодежи такие ценности и ориентиры, которые соответствуют их задачам, рассматривают молодых людей как средство их достижения, забывая при этом о судьбе подрастающего поколения России в целом, о создании оптимальных условий для его развития и социализации.

Между тем национальные интересы России требуют, чтобы социальные государственные институты оказывали большее воздействие на функционирование системы патриотического воспитания, помогали молодежи лучше ориентироваться в проблемах и тенденциях развития общества и его военной организации, отличать истинные ценности от мнимых и ложных, достойные цели от недостойных.

Данный подход предлагает определение цели патриотического воспитания, отвечающей интересам самой молодежи и требованиям общества по отношению к ней. На какой стадии развития находится, какие задачи решает общество, его конкретные государственные институты – такое подрастающее поколение ему и требуется.

В соответствии с этим концептуальным подходом в понимании обусловленности и направленности ПВ определяется *его главная цель*, которая может быть сформулирована следующим образом: формирование у граждан патриотизма, готовности к достойному служению Отечеству и его защите. ПВ предназначено для использования всех условий для социализации позитивно направленной личности гражданина – патриота России, способной самореализоваться в процессе решения проблем, преодоления негативных явлений и тенденций, характерных для современного этапа развития нашего общества, особенно в его важнейших сферах, того духовно-нравственного, идеологического и особенно патриотического вакуума, который столь глубоко отразился на сознании и чувствах подрастающего поколения, на ухудшении его качественных характеристик.

Из общей цели ПВ вытекают следующие задачи, выполнение которых способствовало бы возрастанию дееспособности подрастающего поколения, значительному повышению уровня его гражданственности, патриотизма и готовности к достойному служению Отечеству:

- информационно-мировоззренческая подготовка молодежи, помощь ей в определении смысла жизни в условиях осуществляемых преобразований, формирование самосознания, ценностного отношения к социально значимым идеям и ценностям, особенно связанным с любовью к Отечеству и необходимостью обеспечения национальной безопасности РФ;

- создание конкретных условий для проявления гражданственности, патриотизма, достойного выполнения гражданского долга различными группами молодежи с учетом их интересов, потребностей в различных сферах социально значимой деятельности;

- воспитание уважения к закону, нормам коллективной жизни, развитие социальной и гражданской ответственности как важнейшей характеристики молодежи, проявляющейся в активной жизненной позиции, стремлении лично участвовать в обеспечении защиты общества и государства;

- воспитание положительного отношения к труду как важнейшей ценности в жизни, развитие потребности в труде на благо общества и государства;

- формирование и развитие потребности в духовной жизни, нравственно здоровом образе жизни, способности жить счастливой жизнью с семьей, близкими людьми, поддерживать благоприятный климат в микрогруппе, трудовом (воинском) коллективе.

Главной же задачей ПВ, определяемой его целью, является повышение эффективности этой деятельности, особенно за счет более целенаправленного формирования молодежи в духе высокой социальной активности, гражданственности, патриотизма, мобилизация патриотических сил общества, его социальных и государственных институтов на активное участие в создании и реализации необходимых условий для развития патриотизма и готовности к служению Отечеству.

Выполнение этих задач предполагает осуществление многоплановой

деятельности, в которой можно выделить следующие составляющие:

- проведение научно обоснованной государственной политики по созданию условий для социального, культурного, духовно-нравственного, физического развития молодежи;

- обеспечение реализации возможностей для полноценной социализации молодежи, более активного вовлечения ее в решение социально-экономических, культурных, правовых, экологических и других проблем;

- утверждение в обществе, сознании и чувствах молодежи социально значимых патриотических ценностей, взглядов и убеждений, уважения к культурному и историческому прошлому России, к традициям, повышение престижа государственной, особенно военной службы;

- создание новой системы ПВ, обеспечивающей оптимальные условия развития у молодежи любви к Отечеству, готовности укреплять основы общества и государства, достойно и честно выполнять долг и обязанности гражданина, патриота, защитника Российской Федерации;

- создание механизма, обеспечивающего эффективное функционирование целостной системы ПВ молодежи на всех уровнях и всеми соответствующими субъектами этой деятельности.

Содержание воспитания, определяемое его целью и задачами, актуализирующими деятельность воспитательных структур, ее направленность на решение наиболее важных и насущных проблем, основывается на системе сформировавшихся на протяжении многих веков ценностей.

В настоящее время у российского общества нет общепризнанного идеала, а его духовно-нравственные ориентиры оттеснены на второй план приоритетами рыночной экономики. В этой ситуации общество и его социальные и государственные институты должны вновь вступить на путь развития, основанный на использовании бесценных богатств и ресурсов, которых у нас больше, чем у многих других народов, но которые используются крайне неэффективно.

Обновленная *система ценностей патриотического воспитания* условно может быть разделена на главные сферы:

- духовно-патриотическую (признание и сохранение великого духовного наследия России, русского языка, религии и культуры

как высших святынь народа, национальное самосознание, гордость и достоинство, духовная зрелость);

– нравственно-патриотическую (любовь к Родине, своему народу, следование собственной совести, религиозным убеждениям и моральным принципам, добросовестность, честность, коллективизм, уважение к старшим, любовь к семье и близким, этикет);

– историко-патриотическую (верность героическому прошлому и лучшим традициям истории Отечества, следование исторической правде и нетерпимость к фальсификации истории, сохранение исторической памяти и преемственности поколений);

– государственно-патриотическую (приоритет национальных ценностей и интересов России, ее суверенитет, независимость и целостность, гражданская зрелость, верность гражданскому и воинскому долгу, готовность к защите Отечества, активное участие в решении проблем и преодолении трудностей в обществе и государстве).

Среди ценностей, составляющих основу содержания ПВ российских граждан, выделяются духовность, гражданственность, патриотизм и готовность к достойному служению Отечеству.

Духовность – это высшая сфера жизни, деятельности и развития личности и общества. Основой духовной жизни общества является интеллектуально-нравственная и волевая деятельность, высшим проявлением которой является защита Отечества, исторических, религиозных и культурных святынь, готовность с оружием в руках отстаивать независимость и суверенитет Родины, способность к самопожертвованию в борьбе с силами агрессии.

Гражданственность – это личностный способ отражения и освоения действительности, детерминированный соотносительностью потребностей, ориентацией познания и деятельности личности на интересы государства и общества. В основе отражения лежит сформированный идеал государственного устройства и гражданского общества. Гражданственность – это направленность личности на интересы государства и общества, а также соответствующая данной направленности система отношений, поведения и деятельности личности в условиях государства.

Патриотизм – это одна из базовых составляющих духовного и национального самосознания народа, выражающаяся в чувстве любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, религии, культуре, традициям, быту, в осознании своего нравственного долга перед ним, в готовности к защите его интересов, а также в признании самобытности и ценности других человеческих сообществ.

Готовность к достойному служению Отечеству – это многокомпонентное образование, соответствующее системе требований, предъявляемых обществом и его военной организацией к гражданам, особенно молодежи, являющееся результатом его воспитания и подготовки к выполнению функций по защите общества и государства и выражающееся в реальной способности к их осуществлению в специфических условиях военной или иной связанной с ней государственной службы.

Под воздействием системы идей эти ценности преломляются и видоизменяются в ходе общественного развития. Они выступают как исходное начало интеграции и обеспечения целостности России, российского государства, как главные ориентиры формирования гражданина-патриота-защитника Отечества.

При определении системы ПВ необходимо учитывать некоторые характерные особенности, которые, в свою очередь, позволяют дифференцировать основные элементы общей конструкции, включающей самые различные звенья и взаимосвязи между ними.

В первую очередь следует отметить принцип вертикали управления, пронизывающего все этажи горизонтально взаимосвязанных структур, расширяющихся сверху вниз в виде пирамиды. В соответствии с этим, высшие органы руководства основных субъектов ПВ помимо своей главной функции – управления, особое внимание уделяют вопросам координации и взаимодействия, а также важнейшим вопросам обеспечения этого направления воспитания, особенно научно-методического, информационного, материально-технического, кадрового, финансового.

В первичных и других организациях на местах главной задачей является создание и обеспечение постоянного функционирования базовых объектов ПВ, организация и проведение на их основе

многоплановой патриотической работы с различными категориями граждан с использованием всего многообразия форм и средств, в зависимости от реальных возможностей и конкретных условий.

Главный смысл всей системы заключается как раз в том, чтобы с помощью уже имеющихся и вновь создаваемых форм, средств, специальных (конкретных) методик, новых технологий обеспечить возможно больший охват граждан, особенно детей и молодежи. Управленческие звенья системы призваны создать необходимые для этого условия во всех субъектах РФ и на муниципальном уровне, используя в этих целях не только собственные возможности, но и ресурсы соответствующих органов власти, министерств, ведомств, государственных и общественных организаций, коммерческих структур и др. Взаимосвязь и взаимодополняемость этих усилий и конкретных мер сверху донизу способны обеспечить функционирование системы в целом.

Исходя из вышесказанного, основными элементами системы ПВ являются следующие.

1. Высшие органы руководства (Комиссия (Межведомственный координационный совет) при Правительстве РФ, Росвоенцентр при Правительстве РФ) – определяют научно-методические, информационные, организационно-координационные и иные основы ПВ, обеспечивают управление этой деятельностью в федеральных округах, в отношении руководящего состава республиканских, краевых и областных отделений, организует взаимодействие с органами высшей власти и субъектами ПВ на федеральном уровне, включая общественные объединения патриотической направленности всероссийского и межрегионального масштаба.

2. Государственные органы и организации, министерства, ведомства, ДОСААФ России и другие общероссийские государственно-общественные организации, выполняющие конкретные задачи по патриотическому воспитанию в соответствии со своим предназначением и спецификой деятельности, связанной с воспитанием российских граждан, особенно молодежи.

3. Высшие региональные звенья (представители Комиссии

(Межведомственного координационного совета) по патриотическому воспитанию при Правительстве РФ в федеральных административных округах, региональные межведомственные координационные советы в субъектах РФ – осуществляют управление ПВ, решают вопросы обеспечения этой деятельности в различных организациях, объединениях, клубах и т.д. и стимулируют взаимодействие между ними.

4. Средние и частично низовые региональные звенья (координационные советы и центры в городах, районных центрах, муниципальных образованиях, образовательных, научных, культурных, спортивных и других учреждениях – обеспечивают функционирование базовых объектов (образовательно-культурных и военно-спортивных комплексов), являющихся важнейшими структурными элементами системы ПВ, региональных центров ВПВ и подготовки к военной службе, организационно-методических центров ВПВ, музеев и музейных комнат патриотической и военно-патриотической направленности.

5. Политические партии и движения, общественные объединения и организации патриотической направленности (особенно ветеранские), Русская Православная Церковь и другие традиционные конфессии, созданные в них советы, центры, фонды и другие учреждения, функционирующие в соответствии с разработанными программами, проектами и планами, а также взаимодействующие с государственными и региональными органами и организациями.

6. Семья как важнейший социальный институт, призванный формировать духовно-нравственные основы, патриотические чувства и ценности с раннего детского возраста, государственные органы и организации, взаимодействующие с семьей (Минобрнауки России, профильные комитеты Госдумы и Совета Федерации, комитеты общественных связей, молодежной политики (по делам молодежи) в субъектах РФ и другие структуры на региональном и местном уровне, общественные объединения и организации, занимающиеся вопросами семьи, материнства и детства).

Организация и осуществление ПВ обеспечиваются прежде всего его эффективным управлением. Основным институтом, обеспечивающим управление этими главными направлениями воспитания, его

функционированием, контролем за конечным результатом, является государство.

Содержание управления ПВ включает определение основ этой деятельности, ее потенциала, противоречий и прогнозирование тенденций развития; определение и постановку текущих и перспективных задач воспитательной деятельности; научно-обоснованное планирование воспитательной работы; подбор, обучение, расстановку кадров; мониторинг состояния воспитательной работы: различных направлений, форм, методов, средств; научную организацию труда воспитателей; обеспечение субъектов ПВ прогрессивными методами и технологиями использования форм и методов воспитательной работы с учетом основных категорий граждан; систематический контроль, анализ состояния и результатов ПВ; своевременную корректировку системы воспитательных воздействий и основу управления ПВ составляют органы, силы и средства, осуществляющие меры по реализации образовательной, информационной, культурной и молодежной политики в области развития гражданственности и патриотизма и готовности к защите Отечества и военной службе у подрастающего поколения. Полномочия должностных лиц и структур, их состав и функции определяются соответствующими нормативными документами.

Конечным результатом реорганизации системы функционирования системы патриотического воспитания и осуществления необходимых мер по повышению привлекательности и популяризации патриотизма в российском обществе должны стать:

- положительная динамика возрастания уровня патриотизма, духовности и нравственности в российском обществе;
- укрепление и расширение союза патриотических сил для защиты национальных интересов России, создания еще более благоприятных условий для ее возрождения как мировой державы;
- повышение социальной активности и уровня социализации и самореализации граждан, особенно молодежи;
- подъем образования, политической и правовой культуры;

– социально-экономическая и политическая стабильность, укрепление национальной безопасности;

– минимизация негативных проявлений в молодежной среде, снижение преступности, повышение уровня общественной безопасности и правопорядка;

– возрастание степени участия граждан, особенно молодежи в общественной и государственной жизни, в регионах, общественных организациях и объединениях;

– повышение эффективности механизма координации деятельности координационных советов по патриотическому воспитанию в целях более действенной реализации системного подхода, выполнения комплексных задач в процессе осуществления принятых проектов, программ и планов.

Улучшение качественных характеристик учащейся молодежи благотворно отразится на обществе в целом. Высокая духовность, нравственность, активная гражданская позиция, патриотическое сознание молодежи будут в огромной степени способствовать успешному решению задач, связанных с возрождением величия и силы России. Современное российское общество приобретет ценнейший компонент созидательного потенциала, который будет определяться прежде всего готовностью взять на себя ответственность за будущее России.

Лыжин Д.Н.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАСОВАННОЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЕАЭС

Обеспечение населения Земли пищевыми ресурсами еще несколько десятилетий назад было признано международным сообществом одной из ключевых задач. Важность ее решения сохраняется и в настоящее время, несмотря на то, что коммерциализация и специализация в сельскохозяйственном производстве, в совершенствование сферы переработки и розничной торговли повысили производительность всей глобальной продовольственной системы [1].

Наиболее перспективным является обеспечение продовольственной безопасности за счет реализации совокупных потенциалов различных регионов мира, с полноценным использованием имеющихся у них природно-климатических и производственных потенциалов. За счет разделения труда и формирование консолидированных аграрных политик на уровне интеграционных международных объединений обеспечивается не только продовольственная безопасность, но и увеличивается конкурентоспособность национальных производителей на мировых рынках.

Первым международным интеграционным объединением, начавшим реализацию согласованной агропромышленной политики, стал Евросоюз. Единая аграрная политика (Common Agricultural Policy – CAP) является одним из приоритетов ЕС и базируется на гармонизированном своде законов. CAP проводится с 1962 г. и финансируется через Европейский фонд ориентации и гарантий сельского хозяйства (European Agricultural Guidance and Guarantee Fund – EAGGF), который действует с июля 1964 г. Финансирование CAP составляет около 40% от всего бюджета ЕС, на период с 2007 по 2013 гг. Союзом было выделено 421 млрд евро.

В основе функционирования единой аграрной политики Евросоюза находятся:

- единый рынок продовольствия (предотвращает ценовые искажения и обеспечивает стабильный доход сельхозпроизводителям);

– преимущество европейского продовольствия на рынке (дополнительно стабилизирует внутренний рынок, защищает от конкурентоспособного импорта);

– гармонизированные расходы (затраты на финансовое обеспечение продовольственных и аграрных программ покрывается всеми участниками Евросоюза).

Цели современных программ ЕС в аграрном секторе сформулированы в рамках следующих направлений: поддержка сельхозпроизводителей, защита окружающей среды, обеспечение продовольственной безопасности и разработка мер, позволяющих быстро и гибко преодолевать последствия экономического кризиса [2].

В настоящее время государства ЕС разработали программу развития АПК до 2020 г. Ее характерными чертами является реформирование системы законодательных актов с целью их упрощения. Кроме того, в связи с общим сокращением бюджета ЕС, финансирование САР уменьшится на 11% и составит около 373 млрд евро в период с 2014 по 2019 гг. [3].

С 1 января 2015 года граждане Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Армения живут и работают в условиях Евразийского экономического союза (ЕАЭС). С 12 августа 2015 г. к ним присоединилась Киргизская Республика. Главные цели ЕАЭС – создание единообразных правил регулирования экономических отношений, обеспечивающих свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Говоря о перспективах развития интеграции продовольственных секторов ЕАЭС, необходимо исходить из исторически сложившихся факторов, определяющих возможность расширения потенциала нашего взаимовыгодного сотрудничества:

- сохранившаяся совместная транспортная инфраструктура;
- единая энергетическая система;
- взаимодополняемость природно-производственного потенциала;
- традиции общения народов, включая отсутствие языкового барьера.

Решение задач по формированию консолидированной агропромышленной политики невозможно без разработки соответствующей

нормативной базы. Первые шаги в этом направлении были сделаны 29 мая 2013 г, когда президентами Беларуси, Казахстана и России была одобрена Концепция согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств-членов ТС и ЕЭП. Концепция стала первым комплексным отраслевым документом по вопросам интеграционного взаимодействия на евразийском пространстве.

Основной целью согласованной агропромышленной политики является эффективная реализация ресурсного потенциала стран ЕАЭС для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта [4]. Важное значение также имело принятие на уровне глав правительств на заседании Высшего Евразийского экономического совета 21 ноября 2014 года Плана мероприятий по реализации Концепции.

Реализация согласованной агропромышленной политики ЕАЭС направлена на решение следующих задач:

- сбалансированное развитие производства и рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия;
- обеспечение справедливой конкуренции между субъектами стран ЕАЭС, в том числе равных условий доступа на общий аграрный рынок;
- унификация требований, связанных с обращением сельскохозяйственной продукции и продовольствия;
- защита интересов производителей стран ЕАЭС на внутреннем и внешнем рынках [5].

Значимость интеграционных процессов в аграрной сфере экономики ЕАЭС как основы обеспечения коллективной продовольственной безопасности определяется возможностью в более короткие сроки достичь существенных преимуществ, к которым относятся:

- возникновение синергетического эффекта за счет более рационального использования производственного и природного потенциалов, а также применения согласованных мер по обеспечению общей продовольственной безопасности;

– реализация более быстрого перехода на инновационный путь развития АПК путем привлечения к этому процессу научного потенциала стран региона;

– формирование предпосылок к уменьшению существенных потерь государствами от нечестной конкуренции на внешних рынках.

Несмотря на перспективность, реализация согласованной агропромышленной политики ЕАЭС сталкивается с немалыми препятствиями и трудностями. При взаимной экономической выгоде стран, входящих в союз, развитие интеграции тормозится на политическом уровне, когда интересы сообщества конфликтуют с национальными интересами государств. Работа по ряду задач ведется в «ручном режиме», что позволяет решать только тактические задачи. Воздействие на складывающуюся систему взаимоотношений также оказывают кризисные явления в мировой экономике и вызовы, исходящие из-за пределов ЕАЭС [6].

По нашему мнению, для решения складывающихся проблем целесообразно сформировать сводный план первоочередных действий стран – членов ЕАЭС по реализации направлений сотрудничества, в аграрной сфере, унификации и гармонизации законодательства на «критических» направлениях. Также необходимо устранить сохраняющиеся барьеры во взаимной торговле, и объединить усилия для совместного выхода на рынки третьих стран. Целесообразно пересмотреть структуру размещения производств на территории ЕАЭС, и усовершенствовать ее с учетом углубления межгосударственного разделения труда и специализации выпуска сельскохозяйственной продукции отдельных стран. В этих целях необходимо обозначить переходный период для синхронизации инструментов рыночного саморегулирования и государственной стимуляции с учетом различия в направлениях и уровне субсидирования аграрных секторов стран региона, так, чтобы она не приводила к деформации торговых отношений и возникновению конфликтов в этой сфере.

Одной из заметных причин возникших недостатков при взаимодействии стран ЕАЭС является несовершенство информационного обеспечения АПК. В этой связи необходимо реализовать комплекс мер по формированию межгосударственной сети

информационно-маркетинговых центров. Также необходимо совершенствовать совместные научно-исследовательские структуры и продолжить практику разработки единой программы фундаментальных и прикладных научных исследований.

С целью развития аграрного рынка следует также рассмотреть вопрос о создании международных отраслевых или продуктовых ассоциаций и союзов хозяйствующих субъектов, занятых производством, переработкой, торговлей агропромышленной продукцией. Помимо единого рынка, речь может идти также о создании межгосударственного продовольственного резерва, сглаживающего колебания урожайности в отдельных странах на компенсационной основе. Это гораздо выгоднее, чем поочередно закупать зерно у своих геополитических противников по ценам мировых монополистов.

Формирование и реализация единой аграрной политики стран евразийского пространства не может быть эффективно осуществлено без кардинального совершенствования институциональных структур, среди которых следует особо выделить создание логистической и товаропроводящей системы сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, поскольку, на нее приходится около 25% стоимости конечного продукта.

Источники

1. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год / Организация объединенных наций. Официальный сайт. 2015. – URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)
2. Лыжин Д.Н. Обеспечение продовольственной безопасности в контексте международной экономической интеграции // Российский институт стратегических исследований. Интернет сайт. 2015. Апрель. – URL: <http://riss.ru/wp-content/uploads/2015/04/lijin-tiraspol.pdf> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)
3. The Common Agricultural Policy after 2013 // European Commission 2015. Official website. 13 October. – URL: <http://ec.europa.eu/agriculture/cap-post-2013/> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)

-
4. Концепция согласованной агропромышленной политики в евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. 2013. 29 мая. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635055949507925323.pdf> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)
5. План реализации согласованной агропромышленной политики в евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия. Официальный сайт. 2014. 21 ноября. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635524547561768166.pdf> (Дата обращения: 11.04.2016 г.)
6. Мясникович М.В. От Таможенного к экономическому союзу Беларуси, Казахстана и России: некоторые проблемы и конструктивное их решение // Проблемы современной экономики. – 2013. №4 (48).

Медведев Д.А.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Региональные интеграционные процессы расцениваются современными учеными-международниками, в частности сторонниками концепции «нового регионализма», как наиболее важная форма направления современных международных отношений [1]. При этом необходимо подчеркнуть дуализм и амбивалентность глокализационных процессов, проявляющихся в усилении роли макрорегионов в системе международных отношений.

Несмотря на описываемую сторонниками либеральной школы теории международных отношений тенденцию к формированию единого и целостного мирового пространства, фактически происходит усиление макрорегиональных интеграционных процессов и становление новых центров мирового развития (Арктика, Северная Африка, Юго-Восточная Азия и др.).

Макрорегиональный ракурс исследования Арктики объясняется увеличением числа участников «арктического диалога» и расширением географического, геоэкономического и геостратегического понимания Арктики. Как отмечает В.С. Мартыньянов, «увеличение интенсивности артикуляции интересов различных стран и субъектов в арктическом пространстве приводит к эффекту стирания привычных ранее границ и непреодолимых пространств» [2, с. 93-94]. Соответственно в политическом дискурсе арктического взаимодействия появляются и закрепляются такие термины как «субарктическая» (sub-Arctic) и «околоарктическая» (near-Arctic) держава.

Возросшее внимание мировых держав к Арктике связано с изменениями климата, а также истощением легкодоступных месторождений углеводородного сырья. Кроме того, перераспределение финансовых, товарных и иных потоков между западными и восточными государствами актуализировали вопрос о пересмотре стратегических транспортных артерий. В этой связи интенсивно развивается международный транспортный коридор, проходящий вдоль северных границ России – Северный морской путь.

Перераспределение значимости макрорегионов в глобальном комплексе безопасности приводит к росту конфликтного потенциала Арктики как объекта стратегических интересов множества государственных и негосударственных акторов международных отношений. Внешнеполитическая ситуация осложнена также отсутствием международного опыта и, соответственно, международно-правовых механизмов преодоления напряженности в этом макрорегионе.

Маловероятно, что формирующиеся в Арктике стратегические противоречия могут быть одномоментно разрешены по аналогии с Антарктидой (отказ от территориальных претензий и любой экономической деятельности), так как полярные государства уже проводят активное освоение арктических ресурсов. Для многих северных стран, в том числе для России, Арктика становится катализатором долгосрочного общегосударственного развития.

Однако практически все политические и социально-экономические проекты в Арктике осуществимы лишь в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Так, по оценкам Национального совета нефтяной

промышленности США, непосредственная добыча углеводорода на арктическом шельфе Аляски должна начаться не раньше середины 2025 г. [3]. В свою очередь, прогнозируемое увеличение грузопотока по Северному морскому пути до 15-20 млн тонн также ожидается не раньше 2020-2022 гг. [4]. В этих условиях Арктика превращается в поле интеллектуального противоборства в области стратегического прогнозирования и планирования внешней политики.

Стратегическая модель международного взаимодействия, которая будет выработана и согласована участниками сотрудничества в арктическом макрорегионе, послужит базисом для трансформации всей современной мирополитики. Однако эта трансформация носит двойственный характер. С одной стороны, необходимость международного сотрудничества в Арктике позволяет сохранить взаимопонимание между крупнейшими державами вне актуальной геополитической риторики (Сирия, Украина и т.д.). С другой стороны, именно в Арктике «сегодня происходит апробирование принципов и практических подходов к предстоящему в перспективе переделу ресурсов всего Мирового океана» [5, с. 20]. Иными словами, некоторые государства нарабатывают опыт глобального «передела», перераспределения мировых ресурсов и стараются заполучить наиболее выгодные позиции в трансформирующейся модели мирополитики.

Как было указано выше, арктический макрорегион способен стать «прототипом» подлинной полицентричности в международных отношениях. Однако эти институциональные изменения, вероятно, будут сопровождаться нарастанием конфликтного потенциала макрорегиона по причине низкого горизонта прогнозирования большинства стран-участниц развития Арктики.

В качестве ключевого фактора развития международных отношений в Арктике предлагается рассматривать трансформацию роли Арктического совета, например, отказ от регулирующей роли Арктического совета или наоборот – придание этой организации статуса наднационального органа управления. Возможны и другие варианты трансформации международной системы в Арктике, однако ввиду усиления транснационального компонента, исследование возможностей развития международно-политических процессов в Арктике неразрывно

связано с изменением системы международных институтов, влияющих на формы и интенсивность межнационального взаимодействия.

Арктический совет – крупнейшая международная организация на Крайнем Севере, созданная «арктической восьмеркой» в 1996 г. в Оттаве. При Совете действуют рабочие группы по отдельным вопросам развития Арктики (группа по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций, группа по защите арктической морской среды и др.), а также экспертные и целевые группы в качестве вспомогательных органов деятельности. В 2016 г. созданы дополнительные целевые группы по вопросам телекоммуникаций в Арктике и по вопросам управления ресурсами северных морей.

За 20 лет работы Арктического совета была создана международно-правовая база, обеспечивающая правила и нормы взаимодействия между полярными странами, определены ценности долгосрочного развития Арктики. Сохранение за Арктическим советом статуса главной межправительственной переговорной площадки должно стать стабилизирующим фактором долгосрочного развития Арктики, так как существование нескольких альтернативных друг другу международных организаций приведет к тому, что ни одна из них не будет иметь достаточного ресурса легитимности и инклюзивности для придания решениям всеобщего характера.

При реформировании Арктического совета необходимо сохранить особый статус приполярных государств, так как именно их участие в деятельности совета наделяет его необходимой легитимностью. Очевидное желание крупных нерегionalных держав (прежде всего, КНР) влиять на деятельность совета не должно ущемлять национальные интересы стран, имеющих территории в Арктике. Создание института постоянных стран-наблюдателей Арктического совета подчеркивает важность присутствия на переговорах крупных неарктических государств, однако ограничивает их полномочия, закрепляя право голоса исключительно за полярными государствами.

Арктический совет занимает центральное место в структуре международного развития Арктики, обеспечивая как диалог на межгосударственном уровне, так и включение в него негосударственных акторов для обсуждения стратегического будущего

макрорегиона. В первую очередь, в структуре Арктического совета выделяются представительства коренных народов Крайнего Севера и объединения северных промышленников.

Важную роль в развитии «арктического диалога» играет другая международная организация – Совет Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР). Деятельность Совета связана с сотрудничеством полярных стран в области образования, гуманитарных наук (в первую очередь истории и права), туризма, и в меньшей степени касается экономических аспектов взаимодействия полярных стран.

В октябре 2015 г. ввиду интенсификации сотрудничества в сфере коммерческого освоения земель Арктики, государства – члены СБЕР в совместном коммюнике объявили о «необходимости активизации экономического и делового сотрудничества для освоения полного экономического потенциала Баренцева региона» и «продвижении трансграничного делового сотрудничества» [7]. Однако эта международная организация ориентирована на развитие сотрудничества в европейской части Арктики, поэтому такие крупные полярные державы как Канада, США имеют в ней только статус наблюдателей.

Если обратиться к концепции А.Н. Пилясова о «Европейской» и «Азиатской» Арктике (на западе и на востоке от Карского моря соответственно), то указанный Совет действует только на пространстве «Арктики Европы» и не затрагивает перспективную «Арктику Азии» [8]. При этом, как отмечает ученый, число крупных социально-экономических проектов, реализуемых на пространстве «Арктики Азии» в два раза превышает число аналогичных проектов в европейской ее части [8, с. 27].

По этой причине Совет Баренцева / Евроарктического региона не имеет достаточного потенциала для создания на ее основе международной интеграционной площадки для всех полярных государств.

В институциональной структуре региона особую роль играет Североатлантический альянс. Плацдармом для размещения сил НАТО в арктическом макрорегионе, в первую очередь, являются члены альянса – Норвегия, Канада, Дания, Исландия и США.

В условиях назревающего международно-политического кризиса в Арктике, Вашингтон претендует на роль протагониста интересов мирового сообщества. В условиях недостаточной проработанности инструментов обеспечения международной безопасности в Арктике создается внешнеполитическая ситуация, в которой НАТО выступает главным (возможно, единственным) гарантом безопасности в арктическом регионе. Для этого уже сейчас в заявлениях некоторых представителей Соединенных Штатов предлагается рассматривать НАТО не как военный блок, но как площадку для обсуждения проблем безопасности в Арктике.

Для привлечения к работе на этой платформе создаются и поддерживаются инициативы, вовлекающие в создание архитектуры безопасности Арктики страны, не являющиеся членами НАТО. Так, Соединенными Штатами поддержана идея создания Северной комиссии по политике обороны и безопасности (Nordic Defense and Security Commission). Эта программа нацелена на обеспечение военно-политической интеграции скандинавских стран в общую военно-стратегическую платформу для противодействия «российской угрозе».

Северная комиссия по политике обороны и безопасности является логическим продолжением интеграционной структуры региональной безопасности – Североевропейского оборонного сотрудничества (NORDEFCO), в которой участвуют две арктические страны, не являющиеся членами НАТО – Швеция и Финляндия.

В мае 2016 г. правительства Финляндии и Швеции объявили о намерении отказаться от военного нейтралитета и стать полноценными членами НАТО, объясняя это наличием угроз национальной безопасности в Арктике. Однако, формирование в Арктике политических и военно-стратегических объединений, не включающих крупные полярные государства и, тем более, направленные против них, нарушит принципы единой и неделимой международной безопасности и, соответственно, не приведет к укреплению безопасности в макрорегионе.

Нужно отметить, что становление такой внешнеполитической ситуации происходит в результате намеренных действий ряда арктических стран, которые нацелены обеспечивать диалог

о безопасности согласно модели, в которой Москва будет иметь дело с консолидированной позицией всех арктических стран. Однако такая форма взаимоотношений не приведет к действительному снижению напряженности в макрорегионе. Попытки давления на крупнейшее северное государство – Россию – в долгосрочной перспективе деструктивно скажется на возможностях международного развития в этом регионе и потребует длительную и трудоёмкую работу по восстановлению доверительных отношений.

Таким образом, несмотря на интенсивное развитие институтов транснационального взаимодействия, Арктика представляет собой регион как многовекторного сотрудничества, так и стратегического соперничества между крупными державами.

С целью недопущения конкурентной регионализации, в рамках новой модели международных отношений в Арктике должно быть обеспечено сопряжение различных интеграционных проектов и формирование общих контуров международного развития. Несмотря на указанные сложности и вызовы развитию международного сотрудничества Арктика становится той ключевой геополитической точкой, опорным регионом мира, в котором международное сообщество будет оттачивать свои способности к компромиссу и взаимопониманию, предвидению долгосрочных последствий международной деятельности и преодолению конфронтационности. Именно принципы и нормы гармонизации долгосрочных интересов крупнейших северных держав, которые будут заложены в модель международных отношений на Крайнем Севере, обеспечат устойчивое долгосрочное развитие Арктики и международных отношений в целом.

Литература

1. Söderbaum F. Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field // Kolleg-Forschergruppe Working Paper Series. – Berlin, Freie Universität, 2015. № 64.
2. Мартыянов В.С. Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. – № 1.

3. Arctic Potential. Realizing the Promise of U.S. Arctic Oil and Gas Resources [Электронный ресурс]. – Официальный сайт National Petroleum Council. – URL: http://npcarcticpotentialreport.org/pdf/AR-Executive_Summary-Final.pdf

4. Sakhuja V. Declining traffic through the northern sea route: what went wrong? [Электронный ресурс].- Официальный сайт International Expert Council on Cooperation in the Arctic. – URL: <http://www.iecca.ru/en/the-arctic-explorations/general-questions/item/345-declining-traffic-through-the-northern-sea-route-what-went-wrong>

5. «Новая» Арктика и интересы России / под общ. ред. В.А. Гусейнова. – М.: Красная звезда, 2012.

6. Integrated European Union policy for the Arctic [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Европейской службы внешнеполитической деятельности. – URL: http://eeas.europa.eu/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf

7. XV Сессия Совета Баренцева – Евроарктического региона. Совместное коммюнике [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Посольства Финляндии в Москве. – URL: <http://finland.org.ru/public/default.aspx?contentid=335966&nodeid=36881&contentlan=15&culture=ru-RU>

8. Пилясов А.Н. Арктика Азии и Арктика Европы: будут ли расходиться траектории развития? // Экономика Востока России. – 2015. № 1.

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ «ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ» В ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях «гонки технологий» между государствами для поддержания военно-промышленного комплекса (ВПК) и его мобилизационной готовности необходимо сосредоточить усилия на наукоемких технологиях, к которым относятся технологии двойного назначения. Как отметил вице-премьер Дмитрий Рогозин, особенностью Государственной программы вооружения до 2020 года (ГПВ) Вооруженных Сил России «...станет приоритетное развитие новых технологий (в том числе двойного назначения), технологическая независимость и импортозамещение, разработка новых стратегических материалов и поддержка фундаментальных и прикладных исследований в интересах обороны и безопасности» [1]. В результате реализации ГПВ ВПК в настоящее время имеет большое количество государственных контрактов. Их выполнение приведет к снижению числа государственных заказов, и для того, чтобы поддерживать ВПК на высоком технологическом уровне и с максимальной экономической выгодой, необходимо использовать полученные технологии «двойного назначения» в гражданской сфере.

Выступая на встрече с работниками предприятий промышленности Тульской области, Президент Российской Федерации Владимир Путин сказал: «Особо подчеркну: при выпуске гражданской продукции нельзя ориентироваться на так называемый ширпотреб. Работу нужно вести, ориентируясь на потребности передовых наукоемких отраслей. Деньги мы вкладываем в очень сложное оборудование, дорогостоящее, и выпускать на нем сковородки недопустимо. Нужно ориентироваться на потребности медицины, энергетики, на авиа- и судостроение, на космос, информационные технологии и связь» [2].

Технологии двойного назначения наукоемкие и дорогостоящие, в большинстве случаев они доступны лишь государственным заказчикам. При этом внедрение технологий двойного назначения в гражданский сектор экономики, где много негосударственных хозяйствующих

субъектов, позволит сократить научно-технический и технологический разрыв между предприятиями промышленности военного и гражданского назначения; сведет к минимуму затраты государственного бюджета на поддержание научно-технического и технологического потенциалов промышленности.

Опыт предшествующих периодов диверсификации ВПК показал, что технологии двойного назначения эффективны в том случае, когда они способствуют одновременному технологическому обновлению как военной промышленности, так и сопряженных с нею гражданских отраслей экономики [3]. Но в настоящее время механизмы их передачи из военной области в гражданские по-прежнему отсутствуют. Нет их и между ведомственными отраслями военной промышленности. На наш взгляд, поскольку основным государственным заказчиком военной продукции является Министерство обороны РФ, то именно ему необходимо решить ряд задач, связанных с развитием технологий двойного назначения:

- определение научно-технических приоритетов развития военной политики и проведение работ по обобщению и отбору технологий, начиная со стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР);

- организация государственного контроля над распространением технологий (особенно имеющих стратегическое значение для государства);

- проведение сравнительного анализа технико-экономических показателей созданных технологий двойного назначения с существующими технологиями в стране и за рубежом;

- регламентирование на юридическом уровне передачи технологий двойного назначения от собственника (собственник интеллектуальной собственности, как правило, это Российская Федерация в лице Министерства обороны Российской Федерации) предприятиям промышленности производимых изделий гражданского назначения (гражданский сектор экономики).

Для решения перечисленных задач министерству необходимо расширить функции в области развития технологий двойного назначения в ряде структурных подразделений: в своих военных представительствах

(ВП), в ведомственных научно-исследовательских институтах (ВНИИ), в военных учебно-научных центрах (ВУНЦ). Эти структурные подразделения могут быть организованы в систему контроля разработок и внедрения технологий двойного назначения, которая будет содержать необходимую информацию о НИОКР (включая финансовые расходы), полученных результатах и технологиях.

Система контроля разработок и внедрения технологий «двойного назначения» представлена на рисунке.

Рисунок. Система контроля разработок и внедрения технологий двойного назначения

Для успешного функционирования представленной системы в соответствии с потребностями и задачами военной экономики необходимо, прежде всего, изменить штатную структуру ВП МО и НИИ МО. Это вызвано малой численностью личного состава и большими объемами работ.

Предприятия промышленности в этой системе должны представлять предложения применения технологий двойного назначения

государственному заказчику через управление военных представительств, что необходимо закрепить на юридическом уровне (например, прописывать это положение в государственных контрактах).

Через управление ВП МО следует привлекать к рассмотрению адресности передачи технологий двойного назначения НИИ МО и ВУНЦы в зависимости от направления их деятельности. Подобная система обеспечит необходимой информацией не только государственного заказчика, но и самого разработчика (производителя) и потенциального потребителя технологий.

Координацию деятельности этой системы по учету, применению и целесообразности дальнейшего совершенствования технологий двойного назначения необходимо возложить на управление ВП Минобороны. Это связано с тем, что именно военные представительства контролируют качество и приемку продукции, разрабатываемой и производимой на предприятиях промышленности в рамках государственных контрактов, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 804 «О военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации».

С развитием экономических отношений, ростом международных связей в условиях глобализации потребность гражданского сектора в технологиях «двойного назначения» только возрастает, что может стать дополнительным источником дохода для Министерства обороны Российской Федерации как обладателя интеллектуальной собственности, созданной в рамках выполнения государственных контрактов. Разрешение Министерством обороны Российской Федерации использования полученных технологий предприятиям промышленности, выпускающим гражданскую продукцию, необходимо определить на контрактной основе, где установить долю доходов от выпуска продукции гражданского назначения.

При разработке технологий двойного назначения необходимо не допустить привлечения внебюджетного финансирования на этой стадии, так как это резко уменьшит контроль над разрабатываемыми технологиями и, как следствие, увеличит вероятность утечки информации, в большинстве случаев составляющей государственную

тайну, несмотря на уменьшение расходования бюджетных средств в этом случае.

Процесс передачи технологий двойного назначения предприятиям промышленности, направляемых в гражданский сектор экономики, связан с дополнительными расходами на адаптацию имеющихся производственных мощностей (технологий), необходимых для производства конкурентно способной продукции, которая должна иметь потребительский спрос. Этого возможно достичь при сохранении у конечной продукции для конечных потребителей таких характеристик, как надежность, эстетичность, приемлемая цена и других. Для стимулирования предприятий гражданского сектора экономики по внедрению технологий двойного назначения со стороны государства возможно рассмотрение предоставления определенных льгот.

Внебюджетное финансирование (инвестирование) таких технологий возможно только при их непосредственной передаче предприятиям гражданского сектора экономики.

Источники

1. Дмитрий Рогозин: в ВПК рассмотрели программу развития вооружений и ОПК России до 2020 года // Информационное агентство «ОРУЖИЕ РОССИИ». – 2015. 27 февраля. – URL: http://www.arms-expo.ru/news/polity/dmitriy_rogozin_v_vpk_rassmotreli_programmu_razvitiya_opk_rossii_do_2020_goda

2. Балицкий А. Президент и промышленники в Туле поговорили о будущем ВПК // Вести. Интернет-газета. – 2016. 8 сентября. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2796807>

3. Сметанов А. Стратегия развития предприятий ВПК в современных условиях – создание технопарков на их базе. – URL: <http://aleksandrsmetanov.ru/strategiya-razvitiya-predpriyatij-vpk-v-sovremennyx-usloviyax-sozдание-texnoparkov-na-ix-baze>, 08.01.2017.

Пушкина О.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В условиях современных геополитических процессов особую актуальность приобретают проблемы обеспечения национальной безопасности России и соответствие государственной демографической политики изменяющимся вызовам и угрозам.

Численность населения России начала интенсивно сокращаться с 1993 г. Несмотря на, казалось бы, очевидные негативные тенденции и последствия, демографическая проблематика в 1990-е – начале 2000-х гг. выпала из поля зрения высшего руководства России, законодательных и исполнительных органов власти. А часть научного и экспертного сообщества относительно оценки причин и последствий демографических процессов склонялась к тому, что мы переходим к демографическим тенденциям, характерным для западных экономически развитых стран [1, с. 963–972].

Росстат опубликовал данные по демографии за первые полгода 2016 года. В ходе внимательного анализа можно сделать следующие интересные выводы:

– в результате естественных причин (рождаемость и смертность) население страны за первые полгода сократилось на 30 тыс. человек, но благодаря тому, что за это полугодие в страну прибыло мигрантов 140 тыс., рост населения составил в 109,7 тыс. человек [2];

– экономический кризис 2013 года негативно повлиял на демографическую ситуацию – рождаемость сначала замедлилась, а в 2015 году наблюдалось ее падение в сравнении с предыдущим годом (рис. 1). Россияне не готовы рожать детей в условиях кризиса и неопределенности. Нужно отметить еще одну причину падения рождаемости, связанную со вступлением в репродуктивный возраст поколения детей, родившихся уже в начале 90-х, когда рождаемость резко упала после распада СССР.

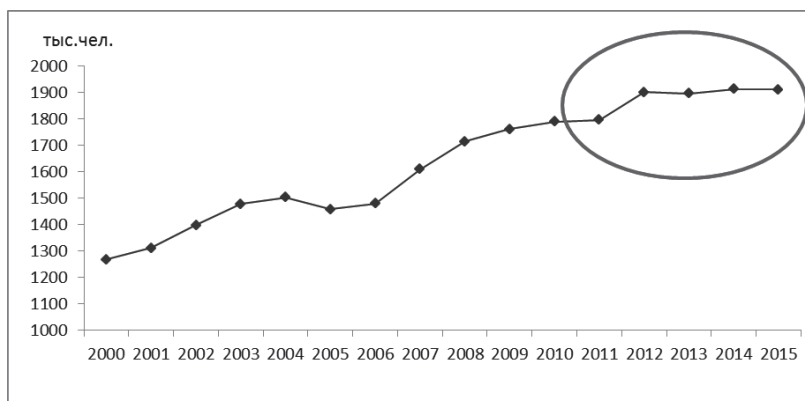

Рисунок 1. Рождаемость в России (по данным Росстата)

Повышение естественного прироста, который в стране начался с 2013 года, был связан со вступлением в репродуктивный возраст детей, рожденных в конце 80-х годов, кроме этого, есть еще одно объяснение естественного прироста – население национальных окраин растет достаточно быстро. Например, в 2015 году в одном только Северо-Кавказском федеральном округе прирост превысил российский годовой показатель в 2,6 раз (рис. 2).

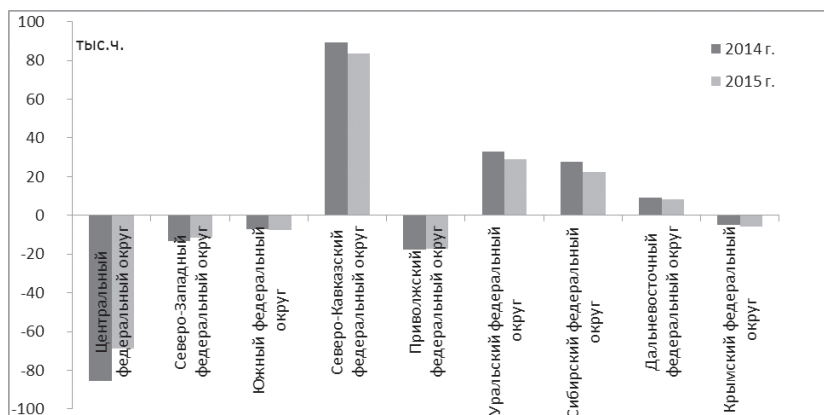

Рисунок 2. Естественный прирост/убыль по федеральным округам (по данным Росстата)

В это же время в регионах с высокой концентрацией русского населения продолжают наблюдаться тенденции естественной убыли.

В первом полугодии 2016 г. естественный прирост населения зафиксирован только в 35 субъектах Российской Федерации, в то время как остальные 50 продолжают сокращаться. Посмотрим, для примера, как изменилась численность регионов к 2015 году с 2000 года (рис. 3).

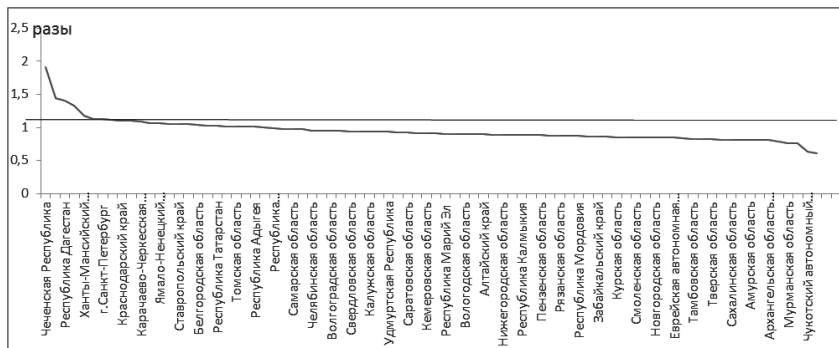

Рисунок 3. Изменение численность населения к 2015 году с 2000 года (по данным Росстата)

Только 24 субъекта не сократили численность населения – это кавказские республики и другие национальные регионы, столичные и нефтегазовые субъекты. Население выросло более чем на 10% только в девяти субъектах, а сократилось более чем на 10% в 37. Абсолютными лидерами стали Чечня и Магаданская область. Чеченская республика увеличила численность населения на 91%, а Магадан потерял почти 40% своих жителей [3].

В последние годы сменился вектор международной миграции. Ежегодно численность России возрастает за счет миграционного прироста на 230-300 тысяч человек, 96% из которых – это выходцы из стран СНГ [4].

Если раньше основной миграционный поток шел из республик Средней Азии, то с ужесточением законодательства и девальвацией рубля число оставшихся в стране мигрантов снизилось, в то время как с начала конфликта на Украине растет число граждан Украины, которые

приезжают в Россию, как с целью заработка, так и в надежде найти убежище (рис. 4).

Рисунок 4. Миграционный прирост (по данным Росстата)

С 2013 г. наметилась тенденция сокращения браков среди населения, что также во многом объясняется ухудшением экономического положения. В первом полугодии 2016 г. число браков сократилось с предыдущим аналогичным периодом на 12%, а число разводов при этом выросло на 2% [4].

Успехи российской государственной демографической политики подвергаются критике экспертами и специалистами. На самом деле стимулирования рождаемости не происходит, а прирост населения происходит в основном за счет мигрантов, многие из которых порождают проблему культурной ассимиляции, влияют на преступность в стране. Сокращение самого большого, государствообразующего и культурнообразующего русского этноса в государственной проблемной повестке пока не стоит. Однако государственное решение вопросов демографии, в том числе важно и для решения вопроса сохранения православного населения, которое, постепенно теряет и духовные скрепы семейных ценностей, и экономическую почву для создания семьи. В настоящее время основные надежды на сохранение демографического потенциала страны власти связывают с увеличением миграционного потока.

Научное и экспертное сообщество относительно оценки причин и последствий демографических процессов, развивающихся в современном российском обществе на протяжении 20 лет, имеет разные точки зрения.

Так, по мнению видного демографа А.Г. Вишневского, «тенденции брачности и рождаемости в России свидетельствуют о конвергентном характере демографического развития на западе и на востоке Европы» [5].

По существу, Россия и страны СНГ лишь повторяли тот путь, который многие страны Западной Европы проделали несколько раньше, почти с такой же скоростью в отсутствие каких бы то ни было потрясений и даже в периоды процветания».

Сторонники данной точки зрения, по сути, считают демографическую политику бесполезной, демографические тренды в России направлены на мировые процессы. Хотя Вишневский и не отрицает возможность проведения в стране мер семейной политики и государственной помощи семьям в трудное время перемен и реформ, но не связывает эти меры с надеждами на рост рождаемости.

Позиция другого ученого-демографа С.В. Захарова более радикальна: «Любые действия государства, идущие вразрез с тенденциями, определяющими современную трансформацию модели рождаемости и брачности, обречены на неуспех... Активность государства должна быть направлена на то, чтобы как можно меньшая доля населения в своей жизнедеятельности опиралась на “искусственные” подпорки в виде пособий и льгот... Российскому обществу нужно осознать, что не существует простых рецептов решения демографических проблем, а конвульсивные меры по немедленному повышению рождаемости по типу “антикризисных программ” обречены на провал» [6].

Фактически отрицая возможность демографической политики повлиять на изменение демографической динамики в России, приверженцы этой точки зрения выступают за признание сложившихся типов воспроизводства населения и соответствующих ему трендов рождаемости. Кроме того, по их мнению, демографическая политика, особенно, связанная с воздействием на репродуктивные планы семей,

неэтична и противоречит базовым правам человека, в частности, праву самостоятельно решать вопрос о числе и сроках рождения детей. В качестве основных рецептов компенсации потерь численности населения и формирования контингента трудовых ресурсов рекомендуется сокращение смертности и привлечение иностранных мигрантов («замещающая миграция»).

Благодаря предпринятым мерам, можно считать, что целевая установка Концепции демографической политики для второго этапа (до 2016 г.) достигнута: численность населения страны составила 143,7 млн человек (с учетом Крыма и Севастополя – 146 млн человек), ожидаемая продолжительность жизни и суммарный коэффициент рождаемости превысили намеченный уровень, миграционное сальдо соответствует нормативу, предусмотренному Концепцией на 2016 г. Россия в течение шести-семи лет вырвалась из затяжного режима депопуляции и ежегодного сокращения численности населения. Она восстановила те демографические позиции, которые утратила в предшествующие 14 лет [7]. На третьем этапе (2016 – 2025 годы) предусматривается на основе оценки влияния реализуемых проектов и программ на демографическую ситуацию проводить мероприятия по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране.

Однако, конечно же, это не означает, что все проблемы в демографической сфере будут решены. Прежде всего, подчеркну: решение демографических проблем должно стать общенациональным делом в полном смысле этого слова.

Семья и брак должны играть ведущую институциональную роль в демографической политике. На мой взгляд, большую роль здесь могут сыграть гражданское общество, бизнес, СМИ. Особого внимания заслуживает вопрос о легализации бэби-боксов. Бэби-боксы – это *гуманная мера, которая позволяет предупредить трагические последствия, когда мать оставляет ребенка, и вовремя отреагировать медикам, это цивилизованный способ скрыть нежелательную беременность женщины и сохранить ребенку жизнь. Нужно стремиться делать так, чтобы бэби-боксы были пустыми, создавать службы профилактики, поддержки беременных, оказавшихся в сложных*

жизненных ситуациях, и открыты телефонные «горячие линии» для консультаций и психологической помощи.

Есть положительные примеры использования бэби-боксов, так за пять лет работ бэби-боксов в Краснодарском крае с 2011 по 2016 гг. количество отказов от детей в роддомах снизилось почти на 40%, многие мамы, оставившие своих детей, через некоторое время возвращаются и забирают их обратно [8].

Настоятельно требует решения проблема занятости населения, которая переходит в разряд критических и существенно влияет на социально-демографическое поведение людей. По данным социологических опросов, россияне к числу ключевых помех к рождению ребенка относят недостаток материальных средств, трудности с жильем и страх за будущее своих детей.

Требуется изменить отношение государства и общества к рождению и воспитанию детей и признать это трудом со всеми вытекающими финансовыми обязательствами государства.

Программно-целевое управление, ориентированное на улучшение демографической ситуации, должно включать разработку и реализацию долгосрочных программ по снижению смертности населения от предотвратимых причин; профилактике и выявлению на ранних стадиях заболеваний; снижению травматизма на производствах и профессиональных заболеваний и сокращения рабочих мест с опасными и вредными условиями труда.

Решение поставленных задач позволит создать эффективную систему демографической политики не только на общенациональном уровне, но и в регионах и местных сообществах России.

Литература

1. Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы // Вестник российской академии наук. – 2014. Т. 84. – № 11.
2. Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
3. <http://izvestia.ru/news/627869#ixzz4Ipn2xKMc>

4. Кравченко Л.И. Демографическая ситуация в России – 2016 // 2016. – 25 августа. – URL: <http://rusrand.ru/analytics/demograficheskaya-situaciya-v-rossii--2016>

5. Вишневский А.Г. Постсоветское демографическое пространство: Восточная Европа или интегральная часть Европы / Русский или прусский? Размышления переходного периода. – М.: ГУ ВШЭ, 2005.

6. Захаров С.В. Перспективы изменения модели рождаемости в России // Народонаселение. – 2004. № 3.

7. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. – М.: Экон. информ, 2014. – № 11.

8. Волобуева М. Бэби-боксы: за и против // Интернет-портал Южного региона «Юга.ру». – 2016. 6 июня. – URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/7447.html>

Румянцев С.О.

МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА ПРИ ОПЕРАЦИЯХ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Одной из составляющих национальных приоритетов в области экономической политики государства является объединение усилий правоохранительных, контролирующих и иных государственных органов в проведении последовательных мероприятий по декриминализации экономики страны [1].

Выявлен ряд долгое время нерешаемых проблем, способствующих легализации преступных доходов и финансированию терроризма, характерных для нашей страны.

Во-первых, это коррупция в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных и судебных органах.

Во-вторых, отсутствие эффективного контроля за использованием российскими субъектами хозяйственной деятельности оффшорных юрисдикций и других механизмов проведения платежей и расчетов,

обеспечивающих анонимность или затрудняющих идентификацию участников операций с денежными средствами или иным имуществом.

В-третьих, использование развитых небанковских (альтернативных) систем международных переводов финансовых средств, а также нахождение в обороте значительных сумм наличных денежных средств.

Большие сложности в противодействии отмыванию преступных доходов возникают из-за несовершенства контрольно-надзорных и разрешительных механизмов финансово-хозяйственной и внешнеэкономической деятельности; отсутствия действенной национальной системы контроля за въездом иностранных граждан на территорию РФ и их передвижением по стране [2].

Эффективность работы национальной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма значительно снижают нехватка специалистов в данной сфере; несовершенство системы информационного обеспечения государственных органов и организаций, участвующих в работе, разобщенность ведомственных информационных ресурсов, содержащих данные, необходимые для организации работы в этой области; низкая раскрываемость преступлений в сфере легализации преступных доходов; нехватка опыта судебного рассмотрения уголовных дел данной категории; пробелы в нормативно-правовом регулировании подобных вопросов [3].

Практическое применение модели системы контроля противодействия финансированию терроризма при операциях с недвижимостью требует серьезной аналитической и организационной работы. В первую очередь – это разработка методик оценок потерь от терроризма и расходов на борьбу с ним; постоянный мониторинг динамики этих показателей; определение экономических критериев оценки антитеррористической деятельности как показателей совокупных потерь общества от терроризма и борьбы с ним.

Одним из основных направлений повышения эффективности использования бюджетных средств на антитеррористическую защищенность российского общества является специальное кадровое обеспечение. Речь идет о комплектовании подразделений противодействия терроризму квалифицированными специалистами,

обладающими необходимыми качествами, а также о подготовке и переподготовке сотрудников штатного и нештатного состава, повышении престижа службы в указанных подразделениях. Сюда же следует отнести и антитеррористическую подготовку сотрудников федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, участвующих в рамках своих полномочий в данной деятельности, а также антитеррористическую специализацию сотрудников негосударственных структур безопасности.

Национальная система противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма при операциях с недвижимостью нуждается в доработке, развитии, усовершенствовании. Для этого необходимо уделить внимание работе по следующим направлениям:

- поиск новых механизмов, направленных на сужение сферы теневой экономики; совершенствование системы подзаконных нормативных правовых актов, обеспечивающих эффективную реализацию предписаний федеральных законов в данной сфере; совершенствование нормативно-правовых механизмов ответственности юридических лиц, причастных к отмыванию преступных доходов; укрепление международного сотрудничества в области розыска, конфискации и репатриации денежных средств, полученных преступным путем и незаконно выведенных за рубеж;

- совершенствование методов изучения и идентификации клиентов организаций, осуществляющих операции с недвижимостью;

- повышение эффективности надзорной деятельности за организациями, осуществляющие операции с недвижимостью;

- совершенствование организации деятельности Росфинмониторинга и других государственных органов, участвующих в борьбе с отмыванием преступных доходов, улучшение материально-технического обеспечения данных органов;

- совершенствование правоприменительной практики правоохранительных органов и судов по делам, связанным с отмыванием преступных доходов;

- усиление взаимодействия Росфинмониторинга с правоохранительными органами, а также правоохранительных и надзорных органов между собой

и с поднадзорными организациями, которые осуществляют операции с денежными средствами или иным имуществом;

– укрепление международного сотрудничества в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма при операциях с недвижимостью;

– повышение профессиональной подготовки специалистов в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма;

– создание системы оценок эффективности мер по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Литература

1. Лагутин И.Б. Проблемы борьбы с финансированием терроризма в Российской Федерации. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-borby-s-fmansirovaniem-terrorizma-v-rossiyskoy-federatsii>

2. Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма. Электронный ресурс. – URL: <http://diss.seluk.ru/di-yuridicheskie/1092246-l-protivodeystvie-finansirovaniyu-terrorizma.php>

3. Новиков И.А. Российская система противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма // Власть. – 2012. №3. – С. 63-66.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

После развития отношений между Европейским союзом и СССР, а с 1991 г. и Российской Федерации, длившегося почти четверть века, наступил период затишья и сосредоточения. Этому в немалой степени способствовало изменение международной обстановки на европейском континенте и в мире, в целом. Рубежом стал 2014 год – резкое сворачивание двустороннего сотрудничества по многим направлениям взаимодействия, которое, что совершенно очевидно, не идет на пользу ни одной из сторон.

Летом 2015 г. президент В.В. Путин заявил о необходимости уточнить Концепцию внешней политики нашей страны. В апреле 2016 г. министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров сообщил о том, что МИД РФ работает над новой Концепцией, в основе которой должен быть переход к полицентричной архитектуре международных отношений, предполагающей взаимодействие ведущих центров силы в интересах совместного решения глобальных проблем. Россия неоднократно высказывалась за такую структуру, поскольку всегда была однозначно против однополярного мира и решения важнейших вопросов международных отношений одним государством или узкой группой государств.

Среди основных целей российской внешней политики в соответствии с Концепцией 2013 г. было создание благоприятных внешних условий для устойчивого и динамичного развития и экономического роста, укрепление международного мира и формирование добрососедских отношений с граничащими с РФ странами.

Концепция внешней политики 2013 г. была принята в период, предшествовавший украинским событиям конца 2013 – начала 2014 гг., до санкционной политики Запада, до проведения операции ВКС РФ в Сирии. Внешнеполитическая деятельность российского государства проводилась в строгом соответствии с обозначенными приоритетами внешней политики в указанном документе. Дальнейшие события,

связанные с Украиной, спровоцировали конфронтацию с западными партнерами, в отношении России стали использоваться индивидуальные и секторальные санкции стран Запада. Российская экономика лишилась доступа к мировым финансовым ресурсам, столь необходимым для экономического развития, значительно сократились инвестиции, почти в два раза упал курс рубля, – в общем, произошел существенный экономический спад.

В этих условиях Европейский союз решил скорректировать базовые принципы отношений с Россией, предусмотренные Соглашением о партнерстве и сотрудничестве ЕС и РФ. Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини озвучила согласованные прежде странами-членами Евросоюза пять основных принципов, на которых должна основываться европейская политика в отношении России:

1. Необходимым условием для существенных перемен во взаимоотношениях России и Европейского союза является выполнение условий Соглашения Минск – 2. Позиция Европейского союза состоит в непризнании вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации.

2. Европейский союз заявил о том, что не намерен отказываться от существующих отношений и их укрепления в дальнейшем со странами Восточного партнерства, которые вызывают обеспокоенность Российской Федерации.

3. Европейский союз ставит задачу укрепления своей внутренней устойчивости путем осуществления проекта противодействия российской пропаганде, а также в вопросах энергетической безопасности.

4. Европейский союз готов пойти на восстановление отношений с Россией по отдельным направлениям в том случае, если такое взаимодействие будет отвечать его интересам. К числу таких направлений можно отнести сирийское, иранское, проблему КНДР.

5. Европейский союз должен стремиться поддерживать гражданское общество в самой России.

Эти принципы представляли ту «новую нормальность», которая должна установиться надолго, заменив собой прежний принцип «бизнес

как обычно». Именно эти принципы являют собой суть долгосрочной стратегии взаимоотношений Европейского союза с Россией в новых условиях. Смысл принятых принципов можно свести к следующему: эти принципы, по мнению европейской стороны, должны стать основой переговорной позиции с Россией по проблеме выстраивания двусторонних отношений в современных условиях.

Европейский союз настаивает на выполнении подписанных минских договоренностей, и именно это может стать отправной точкой в вопросе нормализации отношений с Россией. Вторым условием является осознание обеими сторонами того, что возвращение к отношениям *businessasusual* (бизнес как обычно) не произойдет.

Что происходит сейчас в российско-европейском взаимодействии? На современном этапе европейцы заявляют об отсутствии общего видения двусторонних отношений. Вместо этого видения в реальности существуют санкции Евросоюза в отношении России и ответ российской стороны в качестве контрмеры. Однако такое взаимодействие не может продолжаться бесконечно. Представляется, что признание этого факта обеими сторонами работает на сближение позиций двух сторон. Европейский союз готов нормализовать отношения с Россией, вернее, готов выстраивать новые нормальные отношения. Именно к «новым» отношениям. Речь идет о «новой нормальности» – долгосрочной стратегии взаимодействия Европейского союза с Российской Федерацией в изменившихся условиях.

Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини убеждена в том, что, выстраивая отношения с Москвой, невозможно использовать только «кнут» (санкции) с целью принудить ее провести изменения своего внешнеполитического курса. Нужен еще и «пряник», которым должны были стать новые отношения сотрудничества в сферах взаимного интереса – например, при решении проблем на Ближнем Востоке и в Северной Африке, запуск нескольких долгосрочных проектов в сфере экологии и развития энергетики.

В январе 2015 г. госпожа Могерини заявляла о возможном сближении с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Однако, по результатам проведенного исследования о целесообразности

сотрудничества ЕС и ЕАЭС группой экспертов был сделан вывод о «преждевременности сближения двух структур по причине незрелости проекта евразийской интеграции со множеством внутренних противоречий» [1].

Россия, конечно, тоже не может быть удовлетворена уровнем отношений с Европейским союзом. Президент Владимир Путин в своей статье в греческой газете «Катимерини» заявил, что Россия готова вести диалог с Европейским союзом по широкому кругу вопросов: от визовой либерализации до формирования энергоальянса, но встречной готовности Европы пока не видно [2]. Хотя, надо отметить, что «зарыть топор» санкционной войны с РФ предлагают региональные законодатели отдельных европейских стран, поскольку, по их мнению, с «закрытием» России европейские компании и предприятия несут огромные убытки [3].

Все сказанное выше позволяет прийти к заключению о том, что контуры будущего России и Европейского союза не просматриваются как «вместе», но все же – «рядом». Без сомнения, и Европа, и Россия хотели бы сделать двусторонние отношения предсказуемыми. Для предсказуемости необходимо понимание следующих вопросов.

1. Как можно охарактеризовать уровень отношений между ЕС и РФ на современном этапе? Прежде всего, речь идет о политических контактах. До украинских событий российско-европейские отношения характеризовались как «стратегическое партнерство» на экономической основе. Реакция Европейского союза на украинские события разрушила экономическую основу. Не способствовало сохранению statusquo даже столь важная статья российского экспорта как энергоресурсы, поставляемые в Европу. Несмотря на то, что доля «Газпрома» на рынке Евросоюза составляла около 30%, что соответствовало трети всей добычи природного газа – основного источника энергии ЕС, – это не помогло сохранить уровень двусторонних отношений.

Снят с повестки дня вопрос и о едином экономическом пространстве от Атлантики до Тихого океана, хотя, с экономической точки зрения, это приветствовали бы обе стороны. По-прежнему «камнем преткновения» на пути к общей экономической зоне является выполнение Минских

договоренностей, принятых в феврале 2015 года. Европейский союз говорит также и о том, что условием снятия санкций является доступ Украины к своим границам. И, если в настоящий период времени не существует возможности вести переговоры о партнерстве или интеграции, то ни у одной из сторон нет желания пребывать в хаосе и непредсказуемости.

Одним из ключевых моментов во взаимоотношениях РФ и Евросоюза должна была быть отмена визового режима в свете расширения ЕС. В августе 2002 года президент РФ В.В. Путин направил в адрес институтов ЕС послание по проблематике жизнеобеспечения Калининградской области, в котором было предложено рассмотреть вопрос о переходе в перспективе на безвизовый режим взаимных поездок. ЕС принял решение рассмотреть возможность перехода на безвизовый режим в долгосрочной перспективе. Фактически это было равносильно отказу, причем это был отказ в уступке стране, которая считалась стратегическим партнером. Как сказал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров: «Такая ситуация неприлична для уровня наших отношений».

2. Таким образом, очевидно, что отношения РФ и ЕС складываются непросто, но в то же время каждая сторона чувствует необходимость поддержания таких отношений, несмотря на возникающие разногласия. Для ЕС Россия – это один из ключевых торговых партнеров, а также крупный экспортер нефти и газа, которые все еще остаются необходимыми энергетическими ресурсами. Несмотря на то, что Европа активно ведет разработки по получению энергии из альтернативных источников, на данном этапе они не приносят желаемого результата, достаточного для того, чтобы функционирование энергетического комплекса ЕС могло проходить независимо от российских ресурсов.

3. В российско-европейских отношениях постоянно присутствовала проблема «общих ценностей». Россия не раз заявляла о своей цивилизационной принадлежности к Европе, о восприятии европейских ценностей. Однако цели двустороннего взаимодействия были весьма прозаичные: получить доступ на европейские рынки для тех российских товаров, которые способны выдержать конкуренцию, добиться

безвизового режима, сделать более равноправными отношения в энергетической сфере, оградить от вмешательства Евросоюза страны, находящиеся непосредственно на границах России.

Со стороны Европейского союза постоянно звучали заявления о желании видеть Россию сильной в тот период, когда на повестке дня было стратегическое партнерство. Однако, в период принятия решения о присоединении России к Всемирной торговой организации (ВТО), Европейский союз настаивал на таких обязательствах со стороны России, которые могли бы привести к ликвидации целых отраслей экономики.

Все это свидетельствует о том, что двусторонние отношения не были безоблачными, и кризис, как показывает практика, был вполне возможен. Что в итоге и произошло. Переговоры о заключении нового договора о стратегическом партнерстве были приостановлены задолго до украинских событий, а именно еще в 2010 г. Вопросов возникало немало. Главной проблемой в двусторонних контактах была ценностная составляющая: что, в конце концов, это означает? Что понимает Россия, а что Европейский союз под «общими ценностями», и соответствуют ли эти европейские ценности тому, что происходит в Европе в современные период времени?

И все же, даже при наличии существующих проблем, если только оглядываться назад, то едва ли можно заниматься строительством отношений с европейскими партнерами. Прежде всего, обеим сторонам нужно опираться исключительно на те позитивные моменты, которые способствуют продолжению отношений, и, конечно, постепенно отказываться от накопившихся серьезных проблем, к которым, без сомнения, можно отнести диспропорцию и коррумпированность в торговле и кредитную зависимость. Понятно, что каждая сторона исходит из своих национальных интересов. Для России это технологии, возможность выходить на европейские рынки, возможность для граждан поехать в Европу. Именно эти интересы вполне могут стать основой для сотрудничества.

4. Необходимо определить направления взаимодействия России и Европы. Прежде всего, возможна координация в вопросах глобального управления. Россия хотела бы сотрудничать с Европой в рамках региональных объединений (ЕС – ЕАЭС). Об этом не раз говорил

В.В. Путин, однако до настоящего момента это не представляется возможным в виду отсутствия признания со стороны Брюсселя факта существования самого объединения. Конечно, это не мешает самому евразийскому объединению жить и работать, но, с другой стороны, это не способствует обретению им правосубъектности.

5. Одним из самых важных вопросов сотрудничества остается проблем его перспективы. В прежние времена основным вопросом сотрудничества было заключение Договора о стратегическом партнерстве. Сейчас этот вопрос не является актуальным по разным причинам, и в том числе, по причине внутренних проблем и в Евросоюзе, и в России. Объединенной Европе предстоит сосредоточиться на стратегии развития своего интеграционного объединения: возникла новая ситуация в ЕС в связи с голосованием в Великобритании по вопросу выхода из ЕС – широко известный Brexit.

Россия должна сосредоточиться на решении своих внутренних проблем. Например, украинская проблема не требует углубления контактов по линии Российская Федерация – Европейский союз. Да и вопросы международной и региональной безопасности можно решать на прежнем уровне – на уровне государств, а не Брюсселя.

Так что, практика показывает, что отсутствие в повестке дня заключения Договора о стратегическом партнерстве не является трагедией для России. Когда Россия стремилась стать частью европоцентричного мира, тогда вопрос партнерства стоял в качестве основного. Сейчас же евразийское пространство выстраивается с другой стороны – с восточной, а это означает, что меняется и стратегия.

Отмеченная фрагментарность российско-европейских контактов не предполагает непременно наличие большого договора о стратегическом партнерстве. Впрочем, если смотреть в будущее, то становится очевидной необходимость обновления институциональной базы российско-европейского взаимодействия. Постоянный Совет Партнерства Россия – ЕС и ежегодные встречи высших руководителей не отличались особым динамизмом, а значит назрела объективная потребность в изменении практики взаимодействия.

В большой мере на современные двусторонние контакты влияет миграционная проблема. В отношении нелегальных мигрантов ЕС

выработал общую линию поведения. Что же касается тех проблем, с которыми Европа столкнулась в конце 2015 – начале 2016 гг., то их угроза очевидна. Достаточно сказать, что именно эти проблемы составили главную аргументацию на референдуме в Великобритании по выходу страны из Европейского союза. Пока что единая продуманная политика ЕС в отношении мигрантов отсутствует. Если ее все же удастся согласовать, то неясно как это скажется на развитии самого Евросоюза, да и России тоже. Нельзя сбрасывать со счета возможное закрытие пространства Европейского союза. В этом случае на повестку дня встанет вопрос о самом его существовании, поскольку перестанут действовать те основополагающие принципы, на которых Европейский союз строился. Если «рухнут» четыре свободы передвижения внутри ЕС – товаров, капиталов, услуг и людей, – то сомнительным станет факт существования интеграционного объединения. Миграционная проблема является общей и для России, и для ЕС. Именно поэтому рано или поздно решать ее придется все равно этим двум партнерам.

Текущих проблем в двустороннем российско-европейском взаимодействии накопилось много. Не стоит ожидать пресловутых «лучших времен», нужно купировать эти проблемы уже сейчас. России следует опираться на свои интересы и сделать все для того, чтобы подчинить этой цели и взаимодействию с Европой.

Для решения проблем безопасности необходимо начать диалог с Европой, но только с той Европой, которая готова слышать. Понятно, что Россия заинтересована исключительно в равноправных, партнерских и, конечно, содержательных отношениях с Европейским союзом. Есть ли такая возможность сейчас? Как ни парадоксально – есть! Возможно, через паузу, через определение параметров пути, пришло время строить если не новые отношения, то уж точно их новый этап.

Источники

1. Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/es-i-eaes-problemy-i-perspektivy-sotrudnichestva-v-sovremennyh-geopoliticheskikh-realiiyah> (Дата обращения 22.05.2016)

2. Путин назвал условия нормализации отношений с Европой и Турцией // Взгляд. Деловая газета. – 2016. 27 мая. – URL: http://vz.ru/news/2016/5/27/813120.html?utm_campaign=vz&utm_medium=referral&utm_source=newsanons (Дата обращения: 28.05.2016)

3. Венеция проголосует за отмену антироссийских санкций. – URL: <http://izvestia.ru/news/620028> (Дата обращения 22.05.2016)

Титов Р.В.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Практика применения военной силы в конце XX в. и в начале XXI в. показала важность согласования субъектами военной политики своих действий не только в рамках официальных договоренностей, но и на уровне общественного мнения в масштабе национальных государств и на международном уровне. Необходимость публичной легитимации военной политики обуславливает возникновение взаимосвязей между субъектами применения военной силы и мировым сообществом, что образует специфическую область международных отношений – международные военно-гражданские отношения (МВГО). Они формируются в процессе взаимодействия государств, администраций военно-политических блоков и гражданской общественности на глобальном, региональном, субрегиональном и национальном уровнях по поводу обеспечения международной военной безопасности и выражают фиксированное по ряду признаков (доверие, ответственность, зависимость, доминирование и др.) взаиморасположение субъектов, объектов и их свойств [1, с. 365].

Определение ядра понятия «военно-гражданские отношения» (ВГО) не имеет однозначного толкования. Отечественными исследователями дефиниция раскрывается чаще всего как система взглядов, отношений и функциональных связей, выстраиваемых с целью согласования интересов между обществом и военными структурами по поводу

обеспечения военной безопасности и направленных на создание, подготовку и применение военной силы [2].

Схожесть феноменов ВГО и МВГО как происходящих в менее сложной и более сложной системе дает возможность использовать для их моделирования методологию, наработанную специалистами в рамках изучения военно-гражданских отношений внутри суверенного государства с учетом ряда существенных отличий. Так, если внутри национальных государств интересы военных и гражданских участников ВГО согласуются относительно обеспечения национальной безопасности, то глобальное измерение подразумевает согласование интересов по поводу (гуманитарного вмешательства) использования военной (и невоенной) силы для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира [3]. Это обуславливает основную цель МВГО – согласование действий администраций национальных, транснациональных военных организаций и гражданской общественности по поводу организации, подготовки и применения военной силы на глобальном, региональном, субрегиональном и национальном уровне (рисунок).

Рисунок. Современные форматы миротворчества с применением военной силы

В большинстве работ ВГО рассматриваются с позиции гражданского контроля, что обусловлено насущной необходимостью выведения теоретической базы демократических преобразований военно-гражданского взаимодействия. Основные задачи, решаемые исследователями военно-гражданских отношений в рамках контроля – оградить силовые структуры от использования в политических интересах отдельных групп и личностей, а гражданский социум от диктатуры военной администрации.

В глобальном масштабе основная задача контроля может быть сформулирована как регулирование использования силы для решения внешнеполитических задач. Вопросы невоенной безопасности входят в область МВГО, так как невоенные средства позволяют достигать военные цели в рамках противодействия гибридной войне. Поэтому контроль в МВГО целесообразно осуществлять в направлении деятельности всех субъектов международных отношений, участвующих в реализации военной политики в интересах отдельных государств и их коалиций. Предметом контроля является применение любых сил и средств, используемых участниками МВГО для достижения военных целей.

Исходя из современной практики применения военной силы, согласовывать интересы участников МВГО и контролировать их деятельность сегодня необходимо по поводу:

- миротворческой деятельности международных акторов (по мандату ООН или региональных организаций);
- применения силы в рамках двусторонних договоренностей;
- использования государствами и коалициями оружия для самообороны на территории других государств (расширенное толкование 51-й статьи устава ООН);
- наращивания военного присутствия на территориях других стран;
- контртеррористической деятельности.

Благодаря информационно-коммуникативным технологиям военная политика приобрела публичность. Поэтому ее субъекты стараются получить общественную легитимность своих инициатив по организации, подготовке и применению военной силы, воздействуя на общественное сознание через СМИ и СМК (таблица).

Таблица. Информационная поддержка этапов применения военной силы

Этапы применения военной силы	Организационные мероприятия	Информационные мероприятия в рамках МВГО
Организация воинских формирований	Формирование военных блоков, воинских контингентов государств, создание центров, баз, вовлечение в свою деятельность новых участников	Формирование в мировом общественном сознании поводов и причин появления, существования, расширения военных союзов, баз, учреждений, превентивное обоснование своих дальнейших действий
Подготовка воинских формирований	Подготовка военнослужащих коалиционных сил для ведения боевых действий за рубежом в составе миротворческих контингентов или самостоятельно	Информационно-психологическая подготовка контингентов. Пропаганда среди гражданского населения стран-участников (в рамках ВГО) необходимости использования войск за рубежом
Применение воинских формирований	Проведение силовых операций самостоятельно, либо в составе коалиций	Информационное сопровождение силовых операций в рамках публичной легитимации своих текущих действий

Активное вовлечение в международную военную политику СМИ и СМК образует информационно-коммуникативную сферу МВГО. Ее содержанием является формируемый их участниками дискурс. (Дискурс понимается как «особый способ общения и понимания окружающего мира; совокупность фиксированных значений в пределах специфической области, образованной вокруг некоторых <смысловых> точек [4]). Он содержит в себе всю вербальную символику деятельности взаимодействующих субъектов и организует адекватное понимание общественным сознанием процессов и явлений, составляющих смысл этих отношений.

Однако процессы формирования дискурса существенным образом зависят от статусов, властных потенциалов, ролей и позиций его участников как на внутригосударственных, так и на внешнеполитических диалоговых пространствах. При этом механизма эффективного мониторинга и контроля взаимовлияния субъектов международных военно-гражданских отношений нет. В таких условиях заинтересованные акторы международных отношений используют институциональные структуры дискурса для манипуляции общественным мнением и достигают своекорыстных внешнеполитических целей. Примеров тому множество, включая пресловутое выступление в Совете Безопасности ООН государственного секретаря США Колина Пауэлла с демонстрацией пробирки, содержащей «химическое отравляющее» вещество.

Российским экспертам приходится регулярно опровергать информацию, публикуемую прозападными СМИ о ходе урегулирования военных конфликтов в Сирии и на юго-востоке Украины. Как в одном, так и другом случае оппозиционно настроенные против мироустанавливающих действий России игроки, реализуя политику недомолвок, искажения информации и двойных стандартов, пытаются дискредитировать действия России и обвинить ее в эскалации напряженности и создании сложной гуманитарной обстановки в проблемных регионах.

«Доказательной базой» западных экспертов, нагнетающих антироссийскую истерию, зачастую являются материалы журналистских расследований, аналитические отчеты всевозможных общественных организаций, тиражируемые СМИ и СМК и основанные на свидетельствах «очевидцев» событий. В таких материалах особое внимание уделяется не объективности, а эмоциональной насыщенности. Сами авторы зачастую признаются, что не могут предоставить объективные доказательства своих утверждений. Как отмечает российское оборонное ведомство, вызывают сомнения как сами публикации, так и источники, на которые европейские и американские аналитики ссылаются [5].

Подобные материалы официальный представитель Минобороны РФ называет «мусорной горой фейков и откровенной лжи», на которые были затрачены колоссальные бюджеты и сетует на то, что они скорее, вредят репутации международных организаций и авторитетных СМИ, чем помогают решению гуманитарных проблем [5]. Однако, как показывает практика, пропаганда зачастую сильнее здравого смысла. Сложившаяся ситуация ведет к нарушению баланса интересов участников МВГО, повышению конфликтности отношений между ними и трудностям в принятии общих решений в области военной политики.

Для осуществления независимого контроля поведения участников в информационном поле очевидна необходимость создания коммуникативных правил информационной деятельности. Такая мера позволит сохранить баланс интересов субъектов МВГО, что, в свою очередь, обеспечит информационно-коммуникативную сферу их отношений устойчивость к различного рода информационным воздействиям внутреннего и внешнего характера. Таким образом МВГО приобретут свойство информационной устойчивости [6].

В рамках формирования международных отношений, которым характерны мир, сотрудничество и гармония российскими дипломатами были разработаны и предложены странам-членам ООН свои правила поведения в информационном пространстве в формате концепции «Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности» и «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» [7]. Данные документы, в отличие от предложений США и Евросоюза в области кибербезопасности, рассматривают как техническую составляющую информационной безопасности, так и гуманитарную.

Однако инициативы России не были поддержаны Западом, так как это помешало бы ему манипулировать общественным мнением в рамках реализации своих геополитических стратегий. Как отмечено в Доктрине информационной безопасности РФ, «...отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной

безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства» [8].

Таким образом, вопрос контроля деятельности субъектов МВГО в информационном пространстве международных отношений остается открытым для научного исследования и выработки обоснований необходимых действий. В частности, следует четко определить научные принципы поддержания баланса интересов участников МВГО в информационно-коммуникативной сфере; разработать механизм регулирования информационной деятельности субъектов этих взаимодействий и инструментарий для поддержания информационной устойчивости системы международных военно-гражданских отношений.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – М.: Эксмо, 2010.

2. Певень Л.В. Методологические вопросы исследования военно-гражданских отношений // Армия и общество. – 2008. № 4; Ломовская О. Е. Развитие военно-гражданских отношений в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. №2.

3. Устав ООН //Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>

4. Филипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004.

5. «Гора фейков и лжи»: в Минобороны раскритиковали западные доклады по Сирии. Информационное агентство «РИА Новости» [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: <https://ria.ru/syria/20170317/1490231291.html>

6. Шевченко А.В. СМИ – критически важные структуры в системе информационной безопасности государств – членов ОДКБ //Проблемы управления. Научно-практический журнал (Минск). – 2014. № 2; Шевченко А.В. Конфликтологический подход к обеспечению устойчивости мировой политической системы / Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира. Материалы II Санкт-

Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2014 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014.

7. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. 2011. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkVB6BZ29/content/id/191666

8. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>.

Токарев И.А.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ЦЕНТРЫ: ОПЫТ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стратегические приоритеты России в системе патриотического воспитания обозначены в Военной доктрине Российской Федерации, в Стратегии развития воспитания Российской Федерации до 2025 года, Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» и Основах государственной молодежной политики в России на период до 2025 года [1, 2]. Это направление активно поддерживается на государственном уровне в рамках иных областей государственной политики, связанных с программами обеспечения национальной безопасности и укрепления обороноспособности страны. Так, в 2010 г. была принята «Концепция федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года» [3], которая также предусматривает реализацию комплекса задач по патриотическому воспитанию.

Несмотря на активизацию государственной политики в сфере патриотического воспитания, результаты социологических опросов российской молодежи наглядно иллюстрируют наличие проблем в данной сфере. 90% молодых россиян гордятся сильной российской армией и военной мощью нашей страны, но при этом только 49% молодых россиян в случае войны готовы участвовать в боевых действиях

или рекомендовать отправиться на фронт своим близким [4, с. 12]. Показательно, что если в 2013 г. 44% молодых респондентов отмечали, что деятельность военно-патриотических организаций способствует повышению уровня патриотизма, то в 2016 году – только 41%. Это свидетельствует о необходимости активизации работы организаций данного типа в системе патриотического воспитания

Деятельность военно-патриотических клубов организуется по четырем основным направлениям: историко-патриотическому, физкультурно-спортивному, социально-гражданскому и военно-прикладному [5, с.15]. Педагогические задачи данных организаций в системе патриотического воспитания состоят в осознании и принятии молодыми людьми традиционных и исторически обусловленных нравственных и культурных ценностей, освоении ими различных социальных ролей, передаче опыта от поколения к поколению и эффективном межпоколенческом общении, развитии самостоятельности в принятии решений в экстремальных и сложных условиях и критичности к информации антипатриотического характера.

Военно-патриотические клубы очень часто создаются как центры подготовки к определенному виду воинской службы. В ряде регионов (Орловская, Рязанская, Воронежская, Кировская области и других) действуют военно-патриотические клубы «Десантник», в спектр уставных функций которых традиционно входят участие в реализации государственной политики военно-патриотического воспитания, формирование у молодого поколения уважения и верности Родине, готовности к служению Отечеству и его вооруженной защите, развитие и поддержка инициативы в изучении военной истории России, а также разноплановая подготовка к служению Отечеству на гражданском и военном поприще [6, с. 17].

В таких клубах регулярно действуют секции десантной подготовки (здесь занимаются подростки старше 14 лет), спортивной подготовки, военно-исторические кружки для детей и подростков моложе 14 лет, проводятся различные соревнования.

Значение военно-патриотических клубов, осуществляющих подготовку молодежи по военно-прикладным видам спорта, заключается в выполнении важной социальной функции, которая сегодня

не достаточно четко реализована на федеральном уровне – это работа с трудными, асоциальными молодыми людьми. Так, например, клубы «Десантник» во многих регионах регулярно организуют в летнее время работу полевых лагерей, предусматривающих обучение таких подростков и юношей азам подготовки к парашютному спорту и службе в десантных войсках. Опыт работы клубов показывает, что многие участники летних полевых лагерей по окончании срочной службы в армии осознанно продолжали служить в Вооруженных Силах России на контрактной основе [6, с. 19].

Значительный потенциал в системе военно-патриотического воспитания имеют клубы исторической реконструкции, совмещающие в себе не только функции по спортивной и военной подготовке, но и образовательную деятельность. Так, в Воронежской области на базе Воронежской государственной технологической академии создан и активно занимается исторической реконструкцией военно-исторический клуб «Святояр», основанный в 2005 г. Ведущим направлением в его работе является экспериментальная археология (реконструкция быта, исторических событий, костюмов и т.п.), а главный вид деятельности – воссоздание по археологическим и письменным источникам быта, вооружения и ремесел народов Древней Руси IX–XI вв. Кроме этого, ведется фехтовальная подготовка, которая необходима для участия в реконструкциях сражений и показательных выступлениях [7, с. 11–18].

Региональные клубы исторической реконструкции активно взаимодействуют и пытаются вывести движение исторической реконструкции на более высокий, межрегиональный и федеральный уровень. Наряду со «Святояром» работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи ведется и другими клубами: «Дружина» (г. Белгород), «Северный берег» (г. Липецк), «Копье» (г. Елец), «Северный щит» (г. Москва) и т.д. Ряд региональных клубов исторической реконструкции объединили свои усилия для организации объединенной дружины «Южная Русь» [7, с. 15]. Конечной целью такой интеграции является формирование межклубной структуры на юге России, аналогичной ассоциации «Гардарика», объединившей клубы северо-западных регионов России. Такая структура необходима для обеспечения единого информационного поля и облегчения

координации при организации фестивалей и иных культурных мероприятий

Примером межрегиональной интеграции военно-патриотических клубов является Межрегиональная общественная организация содействия военно-спортивному и патриотическому воспитанию «Ассоциация Витязей», которая существует с 1991 г. и объединяет 17 региональных подразделений – это одна из крупнейших организаций подобного рода. (Заметим, что в одной только Нижегородской области их почти 80).

В таких военно-патриотических клубах, патронируемых Русской Православной Церковью, действуют эффективные и разнообразные программы общефизической и спортивной подготовки молодежи. Православные священники рассказывают детям о великих русских воинах, князьях, примерах их ратных подвигов. Многие из них причислены к лику святых потому, что отстояли в кровопролитных боях не только родные границы, но и православную веру [8, с. 143-149].

Но несмотря на множество военно-патриотических клубов, центров, кадетских школ, классов и так далее, у нас отсутствуют единые подходы к организации военно-патриотического воспитания: нет нормативов, методик, стандартов, учебников и методических пособий. Подготовка руководителей и инструкторов по военно-патриотическому воспитанию не предусмотрена ни в одной из структур, действующих в этой сфере. Учебно-воспитательный процесс организован исходя из субъективных представлений руководителей на местах.

Следует на федеральном уровне изучать и обобщать разнообразный региональный опыт военно-патриотического воспитания, тиражировать наиболее успешные модели в других регионах в системной взаимосвязи с целями государственной политики в области патриотического воспитания. Это важнейшая задача государства и общества, решаемая не только в рамках допризывной подготовки, но и с целью формирования достойных граждан России с высокими духовно-нравственными качествами и активной гражданской позицией, обладающих ответственностью и самостоятельностью в принятии решений, направленных на рост благосостояния государства, народа и собственной семьи, готовых к служению Родине.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. – 2015. 8 июня.
2. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. – 2014. 8 декабря.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2010 г. № 134-р «Об утверждении Концепции федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2020 года» // Российская газета. – 2010. 12 февраля.
4. Патриотизм как российская национальная идея и практика. – М.: ВЦИОМ, 2016.
5. Хлусьянов О.В. Формирование социальной позиции подростков к службе в вооруженных силах в условиях военно-патриотического клуба: автореферат дисс. ... к.п.н. – Йошкар-Ола, 2014.
6. Буркова А.М. Методика подготовки к ознакомительному прыжку с парашютом в авиационно-спортивных клубах ДОСААФ России: автореферат дисс. ... к.п.н. – Тюмень, 2012.
7. Быковская Г.А., Хитрых А.В. Военно-исторический клуб «Святояр» в системе патриотического воспитания // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. - №7. - С. 11-18.
8. Патриотическое воспитание сегодня. Анализ, проблемы, перспективы / авт.-сост.: Бондаренко Е.А., Петрова О.Г. – М.: АС-Траст, 2009. - 240 с.

АМЕРИКАНСКАЯ «биоПРО» КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИИ

В принятой в конце 2015 г. Стратегии национальной безопасности в п. 19 указывается на сохранение неопределенности «относительно фактов обладания иностранными государствами биологическим оружием, наличия у них потенциала для его разработки и производства. На территориях соседних с Россией государств расширяется сеть военно-биологических лабораторий США» [1]. Это, пожалуй, единственное упоминание в стратегических российских документах об этой серьезнейшей проблеме в качестве одной из новых угроз национальной безопасности Российской Федерации. Опосредованно данная проблема упоминается в п. 43. Стратегии, где в числе угроз государственной и общественной безопасности указывается на деятельность террористических и экстремистских организаций.

В реальности же мы наблюдаем следующую неутешительную картину. Министерство обороны США ведет строительство сверхдорогих биологических лабораторий двойного назначения в новых независимых государствах по периметру границ России. По мнению российских экспертов, лаборатории, объединенные в единую систему, потенциально угрожают безопасности РФ и стран Центральной Азии [2]. Система биолaborаторий, окрещенная экспертами «американской биоПРО», является продуктом американской программы «Совместные биологические обязательства». США, подписавшие и ратифицировавшие ключевой документ в этой области – Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО, 1972 г.) [3] не демонстрируют стремления его выполнять, уклоняются от создания верификационного механизма в рамках КБТО (в том числе от подписания выработанного в 2001 г. по инициативе Москвы соответствующего протокола к Конвенции). Вместо этого они создают параллельную глобальную систему контроля микробиологических исследований.

За последние несколько десятилетий США создали сеть лабораторий двойного назначения в различных частях света – Европе, Африке, Юго-Восточной Азии и на территории бывших советских республик. Как указывает В. Евстигнеев, «для каждой страны, охваченной программой “Совместные биологические обязательства”, составляется индивидуальный план работы, разграничивается ответственность за материальное обеспечение его выполнения, завуалировано навязываются кабальные в политическом и научном отношении проекты» [4]. В случае объектов, размещенных Пентагоном, например, на Украине (близ Харькова и Одессы), в Грузии (три лаборатории), Азербайджане, Армении и Узбекистане (в Киргизии общий контроль за оборотом в стране потенциально опасных биоматериалов осуществляет Канада) [5] планируемого размещения аналогичных объектов в Афганистане, Пакистане и т.д. информационные медиа не стремились вывести это в топ горячих новостей. Аналогичная ситуация с освещением в СМИ – а именно отсутствием такового – в случае Казахстана, стратегического партнера России, члена ОДКБ, должна как минимум встревожить специалистов.

Все основания для тревоги имеют место. Программа «Совместные биологические обязательства» сопряжена с другой известной американской программой – «Совместное Уменьшение Угрозы» (СУУ) / (Программа Cooperative Threat Reduction (CTR), более известной как «Программа Нанна-Лугара». Имя ее куратора, одного из ее создателей, американского сенатора Ричарда Лугара, знакомо экспертному сообществу. С 1992 г. в Казахстане шла реализация «Программы Нанна-Лугара», в рамках которой был осуществлен комплекс мероприятий по уничтожению инфраструктуры и объектов советского ядерного, химического и биологического оружия, оставшихся на территории Казахстана после обретения независимости, демонтаж стратегических наступательных вооружений, создание системы экспортного контроля, конверсия оборонной промышленности. Программа действовала также в Беларуси и на Украине, где ранее базировалось советское ядерное оружие. Затем акцент в Программе сместился на биологическое оружие, в частности, на Украине и в Грузии (как указывает Д. Попов, в Грузии в советское время такого оружия

не было, но в настоящее время там функционирует лаборатория имени Ричарда Лугара [2]). Однако кураторы проекта до настоящего момента уделяют Казахстану пристальное внимание. Так, в сентябре 2006 г. американской организацией NuclearThreatInitiative (Фонд «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», NTI), возглавляемой бывшим сенатором Сэмом Нанном – вторым инициатором «Программы Нанна-Лугара», предложили создать в Казахстане Банк низкообогащенного урана [2]. Оба куратора – и Нанн, и Лугар теснейшим образом связаны с американским военным истеблишментом.

В 1995 г. между Министерством обороны США и Министерством энергетики и природных ресурсов РК было подписано соглашение о ликвидации производственных мощностей и инфраструктуры в сфере оружия массового поражения. В рамках данного соглашения предусматривалось и создание биолaborаторий на территории Казахстана. Власти Казахстана заявляют, что в перспективе лаборатории станут центрами международного сотрудничества, совместных научных исследований и профессиональной подготовки кадров не только для РК, но и для других стран Центральноазиатского региона.

Строительство Центральной референс-лаборатории на базе бывшего советского Противочумного НИИ в Алматы началось в 2010 г. при финансовой поддержке оборонного ведомства США. Официальной целью создания лаборатории является обеспечение безопасности особо опасных патогенов, оставшихся в Казахстане от советской военно-биологической программы, и исследований способов защиты от них, а также трудоустройства бывших военных биологов. Ввод в строй лаборатории ожидался в 2014 г., потом сроки дважды переносились. Стоимость комплекса в Алматы, по оценкам экспертов, составит 108 млн долл., что значительно превышает стандартные затраты на подобные учреждения и может свидетельствовать о размещении там оборудования двойного назначения [6]. Предполагалось, что ее работу будет дополнять новая станция раннего оповещения о вспышках заболеваний в Центральной Азии, размещенная в поселке Отар (на базе Научно-исследовательского сельскохозяйственного института ДНИСХИ) – на ее возведение США выделяют 5,6 млн долл. [6].

Таким образом, на начало второго квартала 2016 г. в рамках реализации США и Казахстаном программы «Совместные биологические обязательства» было завершено строительство исследовательской лаборатории по международному стандарту BSL-3* при Зональной диагностической лаборатории научно-исследовательского института проблем биологической безопасности РК, расположенного в поселке Отар Жамбыльской области в качестве вспомогательного объекта. На стадии завершения находится реконструкция Центральной справочной референц-лаборатории научного центра карантинных и зоонозных инфекций им. М. Айкимбаева, расположенной у г. Алматы (в непосредственной близости от аэропорта). Кроме того, проект предусматривает реализацию программы обучения персонала, а также создание программного обеспечения для указанных выше объектов. Это обстоятельство практически не упоминается в прессе и в экспертных материалах, а между тем использование американской аппаратуры и программного обеспечения позволят получать доступ к материалам и результатам биологических исследований без согласия казахстанской стороны.

Аналогичное казахстанско-американскому соглашению существует и украинско-американское от 1993 г. В результате его реализации украинская сторона фактически утрачивает возможность самостоятельно распоряжаться своими коллекциями штаммов без согласования с Вашингтоном. Есть все основания полагать, что те же условия фигурируют и в соглашении с Астаной. Существует высокая вероятность, что США будут стремиться реализовать украинский и грузинский опыт в Казахстане.

Практика использования США подобных объектов в других странах показывает, что они выведены из-под национального контроля, функционируют в закрытом режиме, зачастую возглавляются военными или представителями спецслужб (руководителем лаборатории в поселке Алексеевка близ Тбилиси назначена бывший шеф грузинской разведки Анна Жвания), объекты не подлежат контролю международных

* BSL-3 – предмаксимальный уровень защиты, который позволяет работать с особо опасными патогенами вирусно и бактериологической этиологии, способных вызывать потенциально смертельные заболевания (бруцеллез, сибирская язва, африканская чума лошадей и др.).

наблюдателей, укомплектовываются иностранным персоналом, в том числе обладающим дипломатическим иммунитетом, а представители местного гражданского здравоохранения прямого доступа к этим объектам не имеют [7]. Речь также идет о том, что в Алматинской области могут появиться американские военные.

В экспертном сообществе существует мнение, что в лабораторию будут ввозиться прежде неизвестные в регионе штаммы и вирусы, и как следствие, возникнет необходимость обеспечивать охрану этих критически важных с точки зрения безопасности объектов. Этот вариант развития событий пока рассматривается лишь как гипотетический. Однако в случае его реализации в регионе появляются новые риски, с точки зрения возможности разного рода провокаций, которые могут стать поводом для так называемых гуманитарных интервенций с целью геополитического переформатирования региона.

Как указывает в своих публикациях Д. Попов, «создание Пентагоном сети лабораторий двойного назначения у границ РФ угрожает ее биологической безопасности и позволяет Соединенным Штатам решать сразу несколько военных задач»: проводить военные биологические исследования (в том числе полевую апробацию штаммов болезней) за пределами своей территории, не опасаясь протестов американской общественности; обходить международные договоренности, в частности КБТО; на территории таких объектов могут создаваться болезнетворные микроорганизмы, нацеленные на поражение конкретного генотипа, животного мира или населения определенной территории; проводить на местности запрещенные испытания биологических агентов, отслеживая их вирулентность, смертность, пути доставки и другие свойства применительно к области потенциального применения и т.д. [2].

МИД России выразил серьезную озабоченность по поводу биологической деятельности Министерства обороны США вблизи российских границ. Вашингтон «не различает» национальную и международную безопасность совершенно не настроены связывать себя какими бы то ни было соглашениями и договорами. Результатом стал процесс выстраивания глобальной ПРО в американских интересах. То же самое происходит с объектами биологической безопасности – после атак с использованием спор сибирской язвы и другими попытками

терактов с использованием токсинного оружия США взяли принципиальный курс на выстраивание американской «биоПРО» за пределами своей территории. Поэтому не стоит ожидать, что активность США на этом направлении будет снижаться. Наоборот, упустив превентивную стадию нейтрализации уже существующей угрозы, стоит предпринять активные шаги на внутреннем и внешнем направлениях.

Необходимо принять закон «О биологической безопасности Российской Федерации», т.к. мероприятия по обеспечению биологической безопасности, предусмотренные существующим документом под названием «Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» [8], явно недостаточны. Закон должен предусматривать конкретные меры и механизмы, позволяющие обеспечивать биологическую безопасность на высоком уровне. На внешнеполитическом контуре необходимо инициировать мероприятия, целью которых станет обеспечение прозрачности деятельности в рамках реализации программы «Совместные биологические обязательства», выстраивание системы гражданского и международного контроля за реализацией, а также совместные с Россией проекты в этой критической области. Необходимо воздействовать на правительства соседних государств через инструменты, предусмотренные в рамках интеграционных объединений и союзов. Однако ключевой задачей является создание механизма контроля реализации КБТО. К сожалению, режим нераспространения и уничтожения биологического оружия по-прежнему остается самым слабым из международных режимов нераспространения оружия массового поражения.

Источники

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета [Официальный сайт]. – URL:

<http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (Дата обращения: 10.04.2016).

2. Попов Д. Биологические лаборатории США вокруг России // Электронный журнал «NewsBook». – URL: <http://newsbook.name/lenta/biologicheskie-laboratorii-ssha-vokrug-rossii/> (Дата обращения: 10.04.2016).

3. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении // ООН [Официальный сайт]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (Дата обращения: 10.04.2016).

4. Евстигнеев В. БиоПРО США: уровень биологических угроз вокруг России оценивает Пентагон // ИА «REGNUM» [Информационной агентство]. – URL: <http://regnum.ru/news/1540632.html> (Дата обращения: 10.04.2016).

5. Россия в кольце лабораторий // Сегодня.Ру [Информационно-аналитическое сетевое издание]. – URL: <http://www.segodnia.ru/content/130842> (Дата обращения: 01.04.2016).

6. Попов Д.С. Исторический опыт реализации американских программ ядерной демилитаризации Казахстана в контексте интересов России и ее союзников // Проблемы национальной стратегии. – 2015. № 4 (31). – С. 103.

7. Попов Д. Зачем Пентагону биологическая лаборатория в Казахстане? // Военное обозрение [Информационно-аналитический портал]. – URL: <http://topwar.ru/37787-zachem-pentagonu-biologicheskaya-laboratoriya-v-kazahstane.html> (Дата обращения: 01.04.2016).

8. Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 01.11.2013 г. № Пр-2573) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154162/ (Дата обращения: 08.04.2016).

Чугуевская Э.Ю.

РЕСУРСНЫЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МЯГКАЯ СИЛА»

Концепция «мягкой силы» вот уже почти четверть века является одним из наиболее часто употребляемых понятий во внешнеполитическом дискурсе. В современных условиях невозможно себе представить обеспечение международной безопасности, осуществление внешнеполитической деятельности любого государства без этого эффективного инструмента.

В отличие от научной концепции мягкой силы, само поведение, описываемое данной концепцией, имеет древние корни. Достаточно обратиться к древнейшей китайской философии, и мы обнаружим этому множество подтверждений. Китайский историк Сыма Цянь (145-86 гг. до н.э.) определил три основы правления, на которых строилась власть в Древнем Китае. Чжун – это присущее человеческой природе прямоту, сопереживание, приверженность общим идеям, идеология. Цзин – заложенный в человеке инстинкт почитания родителей и своих правителей, благоговейное отношение к богам и демонам, другими словами духовность. И вень – культура, культурное начало в человеке.

Интересным является тот факт, что Сыма Цянь увидел еще один принцип власти, так называемый «закон жестоких кар» – это принцип устрашения жестокими репрессиями, управление людьми посредством страха. Однако, например, Циньская империя, построенная только на «устрашении, оказалась непризнанной историей. Это было ошибкой, заявил Сыма Цянь» [1, с. 87]. Она продержалась всего 15 лет. В общем, система управления посредством устрашения (наказания) и приманивания (наград) достаточно хорошо освещена в древней китайской литературе.

Современник Сыма Цяня греческий историк Полибий (210-122 гг. до н.э.) воссоздал историю своего народа эллинов, а также историю завоевания эллинов римлянами. Он был свидетелем взлета римского могущества и непосредственно наблюдал, как Рим подчинил себе Македонию. Однако сам Полибий не воспротивился этому. Напротив, он

искренне восхищался могуществом Римской империи, ее политическим и экономическим устройством.

Известно, что Полибий сыграл большую роль в «умиротворении Греции». Он горячо убеждал своих соплеменников принять власть Рима. Задаваясь вопросом, каким образом римляне в течение каких-то 53 лет подчинили своему безраздельному владычеству почти всю обитаемую землю, Полибий пришел к выводу о том, что этому способствовало правильное устройство государства с точки зрения управления.

В Римском государстве было объединено три власти: аристократическая, монархическая и демократическая. Именно грамотное и равномерное распределение обязанностей между тремя видами власти явилось «мягкой силой» Римской империи. «Римляне покорили своей власти почти весь известный мир, а не какие-либо его части, и подняли свое могущество на такую высоту, какая немыслима была для предков и не будет превзойдена потомками», писал Полибий в его «Всеобщей истории» [1, с. 87].

Современный основоположник этой научной концепции американский политолог Джозеф Най в своей последней книге «Будущее власти» особо подчеркивает, что одна только мягкая сила не может давать эффективную внешнюю политику. Для того чтобы превратить ресурсы в силу и добиться каких-то результатов, необходимо использовать «умную силу».

Ученый критикует сложившееся мнение, что «умная сила» – это всего лишь удвоенная мягкая сила, то есть «мягкая сила 2.0». По мнению Най, «умная сила» включает в себя два понятия: мягкая и жесткая сила. Характеристиками жесткой силы являются: приказ, принуждение, угроза, подкуп, санкции и такие материальные ресурсы, как вооруженные силы и деньги. Мягкой же силе соответствуют понятия: сотрудничество, заигрывание, убеждение, привлечение, позитивность и привлекательность. Ресурсами мягкой силы являются нематериальные факторы. Это властные структуры, идеи, духовные ценности, культурные ценности и внешнеполитические принципы. Иными словами, жесткая сила – это толчок, мягкая сила – это притяжение.

Как сам Дж. Най определяет понятие мягкой силы? В своей книге «Будущее власти» он начинает с того, что дает определение понятия

собственно силы, «...сила – это способность делать вещи, а в общественных ситуациях – оказывать воздействие на других с целью получения желаемого для вас результата» [2, с. 33]. В этой связи выделяются два основных подхода к определению понятия силы в мире. Первое – это способность совершать какие-то действия или сопротивляться изменениям. Второе – это способность получать желаемое. Однако чтобы получить желаемый результат, недостаточно обладать силой или ресурсами силы. Например, Соединенные Штаты имели огромные ресурсы и были намного сильнее, чем Вьетнам. Но они потерпели поражение во вьетнамской войне.

С другой стороны, Джозеф Най критикует толкование концепции мягкой силы, как чего-то иного, кроме военной силы. Он называет мягкую силу скорее «образным обобщением» нежели нормативно выраженной концепцией. Поэтому допускает, что мягкая сила может обращаться как во благо, так и использоваться с плохими целями.

В связи с этим противоречием и нечетким определением понятия «мягкая сила» возникло множество ее трактовок. По мнению профессора РАНХиГС А.Н. Михайленко, ее называют понятием, концептом, доктриной, концепцией, феноменом, политикой и другими терминами [3, с. 39]. В ресурсном подходе А.Н. Михайленко к определению мягкой силы первостепенное значение имеет содержание образа страны, который транслируется за рубеж для формирования ее положительного восприятия, а также средства, с помощью которых осуществляется данная трансляция

По мнению О.Г. Леоновой, к определению понятия «мягкая сила» существует множество подходов [4, с. 89]. Например, силовой подход исходит из формулировки данного определения и является отражением смещения акцентов в силовую сторону. Влиятельный подход отражает саму суть понятия «мягкая сила» – способность мягко и без принуждения влиять на кого-либо с целью получить желаемые результаты. Коммуникативный – это способность с помощью коммуникации внушить определенный образ и модель поведения. Конструктивистский подход – создание искусственных конструкций, смыслов, идеологий и манипуляции с помощью этих конструкций массовым сознанием. Инструментальный подход подразумевает мягкую силу комплексным

инструментарием в решении внешнеполитических проблем. Есть даже романтический подход, подразумевающий, что мягкая сила – это не только не страшно, но и красиво, и привлекательно.

Однако, по мнению автора, все эти подходы являются лишь описательными характеристиками понятия мягкая сила. Основные же различия в трактовке понятия «мягкая сила» классифицируются двумя подходами к определению этого понятия. Это технологический и ресурсный подходы. Технологический подход выглядит как некоторые мягкие технологии, совокупность инструментов и практик, с помощью которых можно достичь своей цели, причинив как можно меньший ущерб, нежели при использовании других инструментов для достижения той же цели. Ресурсный подход оперирует такими категориями, как репутация в публичной дипломатии, бренд страны в международном экономическом поле, образ страны, транслируемый за рубеж. Эти ресурсы практически не применяются в качестве инструмента «мягкой силы». Хотя с ними можно совершать некоторые манипуляции, приобретать их или утрачивать.

Сама метафора «мягкая сила» содержит в себе два различных понимания «мягкой силы». Так называемый «парадокс Ная», который явно постулирует «мягкую силу» как притягательную, при этом все же называет ее «силой» и тем самым активизирует «жесткие» коннотации, связанные с этим словом [5, с. 14-21].

В Концепции внешней политики Российской Федерации также используются технологический и ресурсный подходы к определению понятия «мягкой силы». Так, в главе III «Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем» применен ресурсный подход к определению понятия «мягкая сила». В ней сказано о необходимости работы над созданием положительного образа России и формировании инструментов воздействия на ее восприятие в мире. А в главе II «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации» говорится о деструктивном и противоправном использовании «мягкой силы» в целях оказания политического давления на суверенные государства. Здесь мы видим использование определения «мягкой силы» с точки зрения технологического подхода.

Примером технологического подхода к определению понятия «мягкая сила» является мнение, что «мягкую силу» используют как фактор влияния, имея в виду особое положение США на мировой арене после окончания холодной войны, и исходящие от них концепции о международных отношениях [6, с. 22-29]. Понятие «мягкая сила» часто используется самими Соединенными Штатами с точки зрения технологического подхода. А также некоторыми другими государствами, например, Саудовской Аравией или Японией, которые снимают кальку с поведения Америки или используют американские концепции о международных отношениях.

Многочисленные неправительственные организации, гуманитарные фонды, некоммерческие и общественные организации, действующие в той или иной стране под вполне благовидным прикрытием, не провозглашая никаких политических целей, ведут мягкую планомерную работу по выработке необходимого для США общественного мнения в так называемых «странах-мишенях». Помимо всего прочего, эти организации занимаются сбором информации о государстве и общественной жизни внутри страны, активно вмешиваются в образовательный процесс, влияют и контролируют ход выборов, создают различные молодежные, культурные, религиозные объединения, выдают различные гранты на научно-исследовательскую деятельность, «охотятся» за молодыми и перспективными учеными.

Различные НПО и фонды находятся в тесном взаимодействии друг с другом и создают так называемые сети, объединенные общей идеологией глобализации и либерализации, имеющие четкую структуру, общее финансирование и управление. Не секрет, что в различных «цветных революциях» Соединенные Штаты использовали стратегию не прямых действий и реализовывали концепцию «сетевых войн», впервые озвученную в 1999 г. сотрудниками RAND Corporation Джоном Аквиллой и Дэвидом Ронфельтом [7, с. 102].

Китай же, напротив, предпочитает использовать ресурсный подход к определению понятия «мягкая сила». Китайская теория «мягкой силы» разрабатывалась еще в древности. В трактате «Искусство войны» Сунь Цзы пишет: «используй мягкие средства, чтобы побороть силу». В 2005 году председатель КНР Ху Цзиньтао озвучил идею «о совместном

построении гармоничного мира». Вообще, интерес к понятию «мягкой силы» в Китае огромен. За последние десятилетия там были опубликованы сотни статей и научных работ, посвященных этой научной концепции. Китай широко использует привлекательность своей культуры, умело интегрируя ее в глобальную. По этому поводу председатель КНР Ху Цзиньтао на очередном съезде Коммунистической партии Китая в 2007 году заявил, что его страна должна «укреплять культуру, как часть мягкой силы нашей страны...фактор растущего значения в соревновании по совокупной национальной мощи» [8]. Широко распространены в Китае также идеи о невмешательстве в чужие дела, ненавязчивость и уважение к чужому суверенитету, стремление к созданию гармоничного миропорядка, совместное существование в котором должно способствовать развитию каждого посредством общего равномерного развития.

Франция также является сторонником ресурсного подхода к определению «мягкой силы». Французы используют термин «мягкое могущество». Страна умело использует свою неповторимую национальную идентичность, свою богатейшую культуру, противопоставляя их глобализации, вдохновляемой США. Францию по праву можно считать изобретательницей культурной внешней политики. В 1952 году президент Шарль де Голль создает министерство культуры Франции. С тех пор стало уделяться большое внимание развитию концепции и институтов культурной политики страны. Поддерживались и развивались такие отрасли культурного влияния Франции, как философия и литература, архитектура, музыка и живопись, университеты, современные технологии, высокая мода, гастрономия, виноделие и т.д. С.И. Косенко обращает внимание на то, что для исследователей «мягкой силы» Франции особое значение имеет «латентный и открытый антиамериканизм государственной культурной политики Франции» [9, с. 123].

В России на сегодняшний день преобладает ресурсный подход к определению понятия «мягкая сила». В.В. Путин на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации в июле 2012 г. впервые обратил внимание на необходимость использования «мягкой силы». Он заявил о необходимости «продвижения своих интересов

и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной, и в интеллектуальной сфере» [10].

Наряду с этим, в стране существуют мнения о том, что стране необходим технологический подход к определению понятия «мягкая сила». Некоторые российские ученые, журналисты и политики говорят о «мягкой силе» в очень жестких, практически силовых интонациях, считая, что «мягкая сила» должна быть отражением «жесткой силы». Например, российский журналист М.В. Леонтьев считает, что ««мягкая сила» – реальная, эффективная – является проекцией жесткой силы» [11].

Однако могут существовать и другие точки зрения в отношении таких жестких формулировок. По мнению автора, в России необходимо развивать ресурсный подход к определению понятия «мягкая сила», другими словами, использовать мягкое влияние. Это создание привлекательного образа страны, основанного на ее культурных ценностях, богатой истории, научно-технических и экономических достижениях, используя публичную дипломатию, религиозные и общественные связи, молодежные и студенческие объединения и т.д. «Мягкая сила» – это то, что создает красивый, привлекательный образ, укрепляет репутацию государства на международной арене, формирует бренд страны в международном экономическом поле. «Мягкая сила» не противоборствует, у нее нет цели побороть кого-то. Она не выигрывает, потому что выигрыш одного – это почти всегда проигрыш другого.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Необходимо различать понятия «умная сила» и «мягкая сила». «Умная сила» сочетает в себе мягкую и жесткую силы. К определению понятия «мягкая сила» существует множество подходов. Для того, чтобы избежать путаницы и нечеткости в определении «мягкой силы», все подходы можно классифицировать как ресурсные либо как технологические. В России необходимо развивать и поддерживать ресурсный (самый мягкий и привлекательный) подход к определению «мягкой силы». Данное положение целесообразно учесть при разработке новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации.

Литература

1. Конрад Н.И. Запад и восток. – М.: Наука, 1966. – 513 с.
2. Най Джозеф. Будущее власти. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
3. Михайленко А.Н. Развитие российской «мягкой силы»: лидерский подход // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. № 11 (89).
4. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer. – 2015. № 2.
5. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО Университета. – 2015. № 3(42).
6. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО Университета. – 2014. № 2(35).
7. Смирнов А.И. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратегемы для России. – М.: ВНИИГеосистем, 2014. – 394 с.
8. Бавырин Д.А. «Сяокан» вместо «чучхэ» // Взгляд. – 2007. – 15 октября. – URL: <http://vz.ru/politics/2007/10/15/117534.html>
9. Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной демократии Франции // Знание. Понимание. Умение. – 2014. №1.
10. Выступление В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России 9 июля 2012 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>
11. Леонтьев М. В. «Мягкая сила» – реальная, эффективная – является проекцией жесткой силы // Однако. 24 февраля 2013 г. – URL: http://www.odnako.org/almanac/material/show_24069/

Шарко М.В.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР: ПОДДЕРЖАНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЯПОНИИ

Общий фон глобальной безопасности характеризуется высокой степенью динамичности, непредсказуемости. Как следствие, увеличивается конфликтный потенциал в отдельных частях планеты, в том числе подрывается стабильность в таком геополитически уязвимом регионе, как Азиатско-Тихоокеанский.

С точки зрения реализации стратегических приоритетов России, азиатско-тихоокеанское направление обретает первостепенное значение в обеспечении национальных интересов нашего государства. Поэтому для современной и особенно будущей России стратегическое управление процессами безопасности в АТР становится жизненно необходимым. Сохранение взаимовыгодных партнерских отношений России с Японией является важнейшим фактором, который в определенной мере может способствовать поддержанию стабильности в АТР и мире в целом.

Геополитический баланс сил в АТР

В настоящее время трудно поспорить с тем, что АТР является одним из самых перспективных в геоэкономическом отношении районов мира. Однако в геополитическом отношении АТР может оказаться и одним из самых динамичных регионов планеты. Уже сегодня под воздействием внешних вызовов, в том числе и провоцируемых Западом во главе с США, здесь формируются новые тренды для неоднозначных перспектив развития стратегической ситуации в Восточной Азии.

Сложившийся в настоящее время геополитический баланс сил в АТР определяют непростые отношения между четырьмя главными геополитическими акторами, образующими так называемый геостратегический параллелограмм: Япония – США – Китай – Россия. Особую опасность для американского глобального доминирования представляет процесс сближения тихоокеанских соседей – России, Китая, Японии, а также Индии и других восточноазиатских стран. На каждый из этих государств США используют экономические, политические, военно-политические рычаги влияния, разжигая между

ними взаимные страхи, недоверие или претензии. Например, в самый разгар американской истерии по поводу возвращения Крыма в состав России барак Обама посещает именно те восточноазиатские страны (Японию, Южную Корею, Малайзию и Филиппины), которые имеют территориальные претензии либо к России, либо к Китаю.

Каждое из этих государств усиливает свой военный потенциал и модернизирует вооруженные силы, что ведет к гонке вооружений и сказывается на стабильности международной безопасности. Например, на основе геостратегического анализа ситуации в регионе китайский политолог ЛюДакэ из Гонконга приходит к выводу, что ведущие страны, демонстрируя свои воинственные настроения и выставляя напоказ свои последние достижения военной техники, готовят новый раунд гонки вооружений в АТР. ЛюДакэ констатирует, что только за январь 2013 г. «Китай и США практически одновременно провели испытания ракеты-перехватчика системы противоракетной обороны, что заставило трепетать от страха весь мир. Ранее Индия успешно осуществила пробный подводный запуск ракеты среднего радиуса действия, способной нести боеголовку... Япония также владеет технологией двойного запуска, недавно она вывела в космос два разведывательных спутника. Кроме того, Северная Корея на днях заявила о намерении провести крупномасштабные ядерные испытания... Южная Корея также намерена в конце месяца осуществить долгое время откладывавшийся запуск ракеты «Наро-1». По мнению ЛюДакэ, «демонстрация мускул, которую, не сговариваясь, в столь короткий период одновременно провели Китай, США, Индия и Япония говорит о том, что гонка вооружений в АТР уже достигла высокой степени эскалации» [1].

Все участники регионального процесса стремятся пересмотреть свои стратегические ориентиры. С одной стороны, американская администрация с тем, чтобы помешать формированию в АТР нового геополитического расклада сил не в пользу США, объявляет о военной переориентации, декларируя смещение акцентов в своей оборонной стратегии с ирако-афганского направления на Северо-Восточную Азию с намерением сохранить мощную боеспособность в регионе на последующие несколько десятилетий. Эта линия прослеживается в ряде американских документов, таких как Четырехлетний прогноз

обороны [2], Стратегия национальной безопасности [3], Национальная военная стратегия [4] и других, содержание которых изучается японской стороной и пролонгируется в японской внешней политике.

Президент Б. Обама в своей программной речи в конгрессе США еще 25 января 2011 г. выразил не только озабоченность состоянием дел в своей стране, но и ситуацией в Северо-Восточной Азии, связанной с новой геостратегической расстановкой сил. Он сравнивает новую ситуацию в Северо-Восточной Азии с периодом «холодной войны», когда США уступали Советскому Союзу в космической сфере [5]. По всей видимости, во внешней политике и оборонной стратегии США [6] наметилась новая стратегическая игра со странами Северо-Восточной Азии, выступающих против мирового порядка, созданного Америкой после периода «холодной войны». Все эти и другие американские документы тщательно изучаются японской стороной и пролонгируются в японское внешней политике. Япония вслед за США формирует новую оборонную стратегию страны.

Несмотря на факторы, указывающие на изменения в глобальной расстановке сил, стратегическая цель США остается прежней – развязать тугую узел противоречий в АТР.

Ключевое геостратегическое значение Японии для США

Японские руководители один за одним подчеркивают, что японо-американский альянс – это «инфраструктура не только для Азиатско-Тихоокеанского региона, но и для глобального мира и стабильности» [7] и что «японо-американский союз представляет собой общий ресурс для стабильности и процветания не только АТР, но и мира» [8]. Нынешний премьер-министр С. Абэ идет дальше своих предшественников на посту премьер-министра (Наото Кана, Есихико Нода). В своей речи С. Абэ перед японскими парламентариями, называет двусторонний альянс «союзом надежды»: «Японо-американский союз, связанный универсальными ценностями и сформированный самой большой и третьей по величине экономической мощью в мире, является «союзом надежды», в котором мы представляем интересы всего мира и процветания» [9]. Однако подобные утверждения, в которых слышны глобальные оттенки, выглядят не настолько убедительными, чтобы забыть о том, что японо-американский альянс – это прежде всего

военный союз. Причем военный союз построен не на коллективной, а исключительно двусторонней основе, претендующий не только на региональное, но и глобальное лидерство. На самом деле, как свидетельствует министр иностранных дел России С.В. Лавров, в АТР «сохраняются и укрепляются военные альянсы, создается закрытая региональная система противоракетной обороны, что, конечно, не помогает укреплению доверия и преодолению разделительных линий» [10].

В самой Японии идет процесс пересмотра так называемой оборонной или точнее сказать военной политики. Принятая премьер-министром Синдзо Абэ Новая резолюция Японии по безопасности вызвала настороженную озабоченность не только соседних государств (КНДР, Китая), но и самих японцев.

Ужесточение международной конкуренции в военной сфере

Учитывая экспоненциальный характер развития достижений в военно-технологической области, в том числе связанных с использованием информационных технологий, киберпространства и космоса, можно предположить, что сфера международной безопасности в АТР, как это часто бывает, будет изменяться в контексте международной конкуренции, связанной с борьбой за сферы влияния и рынки. Международная конкуренция в военной области определяется как взаимодействием отдельных стратегических партнеров, так и их соперничеством в процессе модернизации вооруженных сил стран АТР.

Япония заинтересована в укреплении своих позиций в региональной системе отношений, что связано с решением проблемы конкурентоспособности страны в военно-технологической сфере. Соответственно, Япония хотела бы преуспеть на мировых и региональных рынках военных технологий и техники, расширяя рынок оборонной промышленности.

Однако в контексте возрастания конкуренции в военно-технологических сегментах международной сферы безопасности США реализуют свою стратегию влияния на национальную безопасность Японии и региональную безопасность Восточной Азии как своего рода ее защитного зонта.

Американская стратегия влияния в форме защитного зонта создала идеальные условия для монопольной конкуренции США в военно-технологической сфере. Ее отличительные черты – большая степень контроля, а вернее сказать, полный, единоличный контроль США за экономическими силами, действующими на мировом рынке военных технологий. Введен и жесткий закон конкуренции: неконкурентоспособное государство автоматически исключается из мирового процесса со всеми вытекающими из этого последствиями. Его глобальный характер проявляется в том, что входные барьеры на мировые рынки вооружений становятся непреодолимыми, что позволяет США следить за тенденциями модернизации в военной сфере практически всех государств мира. Контролируются все геостратегические точки планеты, все мировые океаны и моря, предусмотрены военные возможности для берегового контроля, осуществляемыми силами морского десанта.

Зависимые от США государства распространились по всему евразийскому континенту. США стремятся контролировать Центральную Азию, закрепиться на Кавказе и в других традиционных зонах геополитического влияния России. Япония в свою очередь предъявляет территориальные претензии к России, учитывая ослабление ее позиций как тихоокеанской державы [5]. Двусторонние военные союзы США с Японией, Республикой Корея, Таиландом, Филиппинами, Австралией составляют основу американской стратегии в Восточной Азии.

Квинтэссенцию всей американской стратегии в Восточной Азии красноречиво и откровенно цинично формулируют представители военных кругов США, рассуждая об их будущем в регионе: «Многостороннее региональное сотрудничество и создание потенциала Восточноазиатского сообщества поддерживаются США лишь в той степени, в какой они не мешают традиционным двусторонним союзам. Так было в последние несколько десятилетий, и это не изменится с администрацией Обамы, несмотря на его общую восприимчивость к многостороннему сотрудничеству» [6].

Схематично концепция так называемой «зонтичной» конкуренции и влияния США в отношении безопасности Японии может быть

представлена в виде двухуровневой структуры: США, находясь на более высоком военно-технологическом уровне развития, накрывают, как зонтиком, более низкий уровень безопасности Японии. Это проявляется как в содержании собственно американской военной помощи, предназначенной для Японии, так и в вопросах доступа к американским передовым военным технологиям и новым видам вооружений и техники. Создаются такие условия, при которых Япония будет всегда находиться в подчиненном состоянии по отношению к США. Это такие условия, когда, по сути дела, конкуренция в военно-технологической области между Японией и США формально возможна, а в практическом плане отсутствует, поскольку стратегические преимущества в двустороннем военном альянсе остаются у американской стороны.

США, объективно оставаясь на верхнем уровне, обеспечивают себе стратегические преимущества перед японской системой безопасности, какой бы сильной она не была. Создавая новые виды вооружений в сотрудничестве с Японией, США ужесточают условия конкуренции, по своему усмотрению ослабляя военный потенциал одних или, наоборот, увеличивая военно-технологическую конкурентоспособность других стран. Например, японские компании будут производить до 40% комплектующих для истребителя F-35, согласно заявлению С. Абэ. Используя опыт в производстве деталей для истребителя F-35, Япония рассчитывает приступить к разработке собственного перспективного истребителя, который можно будет отнести к шестому поколению. Япония содействует Америке в ее стремлении монополизировать мировой рынок военных технологий.

Схема «зонтичной» конкуренции и влияния США универсальна, поскольку она усиливает преимущества США в Восточной Азии за счет заключения подобных соглашений с другими государствами, рассчитывающих на доступ к американским военным технологиям. Двусторонние военные союзы используются в качестве эффективного рычага, с помощью которого сильная сторона обеспечивает себе более выгодные условия военного сотрудничества, по сравнению со слабым партнером, но не как фактор стабильности.

Америке выгодно, что конкуренция между странами, находящимися в структуре «зонтичного» влияния США на одном уровне (Япония и Южная Корея), имеет значительно менее острый характер, чем между государствами «внезонтичного» влияния (Япония и Китай, Япония и Россия). Самопроизвольный переход с низших уровней на высший принципиально невозможен. Цель США состоит в навязывании сотрудничества по безопасности младшим партнерам.

Международная конкуренция ужесточается в тех сферах, которые прямо или косвенно связаны с новым поколением военных технологий, такие как космическая или спутниковая навигация. Новое совместное Заявление США и Японии об укреплении сотрудничества в области гражданского использования космических систем позиционирования, навигации и синхронизации, подписанное на 9-м Пленарном заседании в Вашингтоне 18 января 2012 г. [7], обусловлено рядом причин, связанных, в том числе с гонкой космических вооружений. При этом высоко оценивается американской стороной роль Японии в проекте «Глобальная многоспутниковая навигационная система (GNSS) в Азии», что сможет обеспечить мониторинг сигналов от нескольких GNSS, обслуживая не только гражданских, но и, по всей видимости, военных пользователей.

Однако нельзя не отметить, что двусторонние договоры безопасности Японии и США для японской стороны создают эффект «парадокса участия». Действия США практически не отвечают интересам Японии, а Япония заведомо имеет более узкую сферу апробации своих военно-технологических достижений. В двустороннем сотрудничестве для Японии скорее создается иллюзия гарантии в обеспечении безопасности, чем сама безопасность. Ведь Япония не может быть уверена, что оказываемые ей американской стороной услуги совершеннее в военно-технологическом плане, чем аналогичные услуги, оказываемые США странам НАТО.

В условиях рынка борьба между союзниками идет за преференции и дополнительные выгоды. Чем больше Япония стремится к максимализации выгод для себя от сотрудничества в двустороннем

альянсе, тем больше, скорее всего, она попадает в состояние зависимости от своего более сильного партнера и тем более уязвимой она становится в сфере безопасности. Испытывая давление со стороны США в их союзе, Япония не может рассматривать Договор безопасности как договор равноправных партнеров. Вот почему в актуальной повестке дня японской внешнеполитической деятельности стоит проблема сотрудничества на равноправной основе.

Если при этом вспомнить историю периода Мэйдзи, то можно сказать, что проблема международных неравноправных договоров повторяется для Японии ввиду недальновидности ее стратегии. В 60-х годах XX века Япония не смогла отстоять свои национальные интересы в военно-политическом диалоге с США в вопросах национальной безопасности, сосредотачиваясь на проблемах экономической политики.

Международная практика показывает, что японо-американский договор безопасности [8] будет востребован скорее не как механизм защиты интересов союзников, а как главным образом политический инструмент формирования нового мирового порядка в русле неоимперских амбиций США, подкрепленных решениями НАТО. Основной тенденцией в политике двусторонних союзов стало укрепление стратегических позиций США не только в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, в последнее время – в Африке, и в Восточной Азии.

Политическая составляющая военного альянса направлена на такие процедуры, которые предназначены для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере влияния и власти. Для достижения успехов в рамках американской стратегии доминирования конформизм и политические уступки со стороны японского союзника в политике согласования являются совершенно необходимым элементом. Примечательно, что восточноазиатские союзники США, начиная с Японии, в отличие от западноевропейских, официально не осуждают использование Америкой военной силы в целях давления или устранения неугодных ей режимов.

Новое поколение японских руководителей настроены на результат и намеренны решительно отстаивать национальные интересы Японии.

Однако согласно теории международных отношений, категория «национальные интересы» является основой и исходным принципом выявления главных угроз суверенитету, территориальной целостности и безопасности, а также оборонительной стратегии государства. Когда речь заходит о национальных интересах, японские политики в ситуации стратегического выбора, как правило, не останавливаются перед ценой, но при этом и цена их политического риска оказывается весьма высокой.

Есть ли гарантии того, что при разворачивании нового витка стратегической игры в АТР, роль фактора силы останется вполне предсказуемой и поддающейся расчетам? Если рассуждать с точки зрения геополитической экстраполяции в контексте следствия вывода из Афганистана американского военного контингента и сил НАТО, то непредсказуемый сценарий возможен за счет более активного присутствия США в АТР, в том числе и в военном секторе международного сотрудничества. В случае если внешнеполитические расчеты ряда восточноазиатских государств, допустим, даже не по причине общеизвестных региональных противоречий, а просто из-за возрастания международной конкуренции в военно-технологических сегментах, будут переориентированы на изменение мотивации в сторону ускоренной гонки вооружений, то ответ по поводу гарантий восточноазиатской безопасности окажется не вполне однозначен. Японии нужны новые внешнеполитические инициативы – необходимое условие провозглашенной реализации активной внешней политики в аспекте открытия страны.

Источники

1. ЛюДакэ. В АТР обостряется гонка вооружений. «Тайянбао», Гонконг. 30 января 2013. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130130/205240331.html>

2. The Quadrennial Defense Review of the United States of America, February 2010. – URL: http://www.defense.gov/qdr/images/QDR_as_of_12Feb10_1000.pdf

3. The National Security Strategy of the United States of America, May 2010. – URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

4. The National Military Strategy of the United States of America, February 2011. – URL: http://www.jcs.mil//content/files/2011-02/020811084800_2011_NMS_-_08_FEB_2011.pdf

5. Тихвинский С. Послевоенная нормализация российско-японских отношений и ее противники в Японии и за океаном // *Международная жизнь*. №8. 2011. С.76–90; Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века) / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 688 с.; Павлятенко В.Н. Территориальные претензии Японии к России и Республике Корея и стратегическая стабильность в Северо-Восточной Азии // *Актуальные проблемы современной Японии*. – М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2007. Вып. XXIII. – С. 101-114; Казаков О.И., Кистанов В.О. Курильская парадигма Медведева // *Россия в АТР*. – 2011. №1(18) Апрель. – С. 34–37; Совастеев В.В. и др.

6. Cossa Ralph A. The Future of the U.S. Role in the Region and Northeast Asian Regional Integration // *Toward an Ideal Security State for Northeast Asia 2025*. Edited by L. Gordon Flake. – Washington, D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation, 2010. P. 181.

7. 第9回日米GPS全体会合（全世界的衛星測位システムの利用に関する日米協議）共同発表（仮訳）2012年1月18日 // 9-е японо-американское пленарное заседание по GPS. (Японо-американские консультации по использованию глобальной спутниковой навигационной системы). Совместное заявление. 18 января 2012. – URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/technology/nikoku/ju_gps09.html

8. 信田智人。日米同盟というリアリズム。東京：千倉書房。2007年。280ページ // Синода Томохито. Реализм японо-американского союза. Токио: Тикурасёбо. 2007. 280 с. См.: *カルダー・ケント・E. 米軍再編の政治学—駐留米軍と海外基地のゆくえ*. 東京：日本経済新聞出版社。2008年。452ページ // Колдер, Кент E. Реорганизация американских войск в политической науке. Перспективы размещения

военных баз США за рубежом. – Токио: Нихонкэйдзайсимбунсюппанся. 2008. 452 с.; シャラーマイケル。市川洋一 (翻訳) 「日米関係」とは何だったのか—占領期から冷戦終結後まで。東京：草思社。2004年。533ページ // Шеллер Майкл. «Японо-американские отношения»: что они из себя представляют? От оккупации до окончания «холодной войны» / Перевод с яп. яз. Ёити Итикава. – Токио: Сосися. 2004. 533 с.; Beyond Bilateralism: U.S.-Japan Relations in the New Asia-Pacific. Edited by Ellis S. Krauss; T.J. Pempel. – Stanford: Stanford University Press, 2004. – 448 p.; Campbell, Kurt M.; Patel Nirav; Singh, Vikram J. The Power of Balance: America in iAsia. Center for a New American Security. 2008. – 96 p.; Heinrich Jr., Akiho Shibata, Yoshihide Soeya. UN peace-keeping operation: a guide to Japanese policies. – Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press, 1999.; Japan's nuclear disarmament policy and the U.S. security umbrella. Edited by Anthony DiFilippo. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 281 p.; Green, Michael J. The Democratic Party of Japan and the Future of the U.S.-Japan Alliance // The Journal of Japanese Studies. Vol. 37. Number 1. Winter 2011. – P. 91-116.

9. Шарко М.В. Традиционные основы японской геополитики в условиях трансформации современного мира // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. № 2 (92). С.79-92.

10. Лавров С.В. Стенографический отчет о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. – Хабаровск. 2 июля 2010. – URL: <http://kremlin.ru/transcripts/8234>

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Существует объективный запрос на более широкое вовлечение институтов гражданского общества в процесс стратегического планирования в области национальной безопасности и гармонизации взаимодействия структур негосударственной сферы безопасности, взаимодействующих с государством в сфере реализации национальных интересов, с собственно государственной системой обеспечения национальной безопасности.

Рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы. Стратегия национальной безопасности России (2015 г.) предполагает консолидацию всех государственных и негосударственных внутренних резервов – экономического, политического, научного, культурного и духовного потенциала общества. Стратегия декларирует, что обеспечение национальной безопасности реализуется органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества, что создает объективные предпосылки для гармонизации взаимодействия государственной и негосударственной (общественной) систем обеспечения национальной безопасности в целях реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов государства.

Стратегия относит к числу национальных интересов на долгосрочную перспективу: укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышение конкурентоспособности национальной экономики.

Государственная и общественная безопасность, экономический рост, наука, технологии и образование рассматриваются комплексно в качестве взаимосвязанных стратегических национальных приоритетов, реализация которых объективно невозможна без участия институтов гражданского общества и негосударственных структур безопасности,

без системного взаимодействия образовательных учреждений, научного и предпринимательского сообществ. Это касается как направления совместного противодействия угрозам, связанным с предупреждением преступности, коррупции, терроризма и экстремизма внутри страны, так и вопросов экономической безопасности, включая повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан и корпораций за рубежом и внутри страны, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности [1].

Учитывая данные положения Стратегии, особенно те, что затрагивают вопросы государственно-частного партнерства, комплексное системное решение поставленных Стратегией целей и задач объективно предполагает и дальнейшее поэтапное совершенствование негосударственной системы обеспечения безопасности в качестве неотъемлемой составной части целостной системы обеспечения национальной безопасности России как демократического государства, при безусловном признании ведущей «роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности» (п. 44 Стратегии национальной безопасности РФ). Это соответствует мировой тенденции развития частных охранных структур, призванных усилить государственные силы обеспечения национальной безопасности, «разгрузить» их от решения непрофильных задач, в том числе в сфере экономики, и в то же время придающих общей системе обороны и безопасности более гибкий характер, отвечающий современным угрозам, носящим непрямой и асимметричный характер.

Важно отметить, что и Военная доктрина Российской Федерации относит, среди прочего, к основным задачам мобилизационной подготовки: «создание специальных формирований, предназначенных при объявлении мобилизации для передачи в Вооруженные Силы или использования в интересах экономики Российской Федерации» [2]. Речь идет о своего рода мобилизационном резерве, не входящем в мирное время в состав силовых структур, но в состав которого могут вполне включаться и частные охранные предприятия, при наличии соответствующего уровня профессиональной подготовки и опыта взаимодействия с государственными силами безопасности, особенно в сфере защиты экономических интересов, что важно в условиях современных военных конфликтов, обладающих чертами гибридных

войн, характеризующихся применением непрямых и асимметричных способов действий, активными участниками которых являются, в том числе, институты гражданского общества и хозяйствующие субъекты.

В Российской Федерации, к сожалению, в настоящее время ситуация в сфере негосударственной безопасности остается проблемной и явно не соответствует уровню поставленных руководством государства целей и задач развития страны и защиты ее от внешних и внутренних угроз. Как отмечалось А.А. Прохожевым, в идеале обе системы обеспечения национальной безопасности – государственная и негосударственная – должны работать в тесном взаимодействии, взаимно дополняя друг друга, особенно в форме обмена соответствующим опытом и информацией. Сказывается и отсутствие единого методического и организационного центра такого взаимодействия [3]. Учитывая данные обстоятельства, представляется важным в настоящее время обратить внимание на упорядочивание системы профессиональной подготовки и повышения квалификации в сфере управления руководящего звена частных охранных структур, особенно относящихся к сфере экономической безопасности, что актуально в условиях объективно начавшегося процесса создания профильных ассоциаций и саморегулируемых организаций и координации их работы с государственными и муниципальными органами, бизнесом, СМИ и НКО. Объективный запрос на повышение системной управляемости структур негосударственной сферы безопасности и системную координацию их действий с профильными государственными структурами потребует создания серьезного методического центра с участием всех заинтересованных сторон: государства, бизнеса, научных и образовательных учреждений. Это может стать важным шагом в направлении развития практики государственно-частного партнерства в масштабных проектах, реализующих национальные приоритеты, способствующих дальнейшему законодательному оформлению ГЧП, повышению привлекательности российской юрисдикции и совершенствованию условий для предпринимательской деятельности как внутренних, так и внешних инвесторов.

Существенное значение для упорядочивания сложившейся ситуации в сфере негосударственной безопасности имеет решение Президента России образовать Федеральную службу войск национальной гвардии

Российской Федерации (Росгвардию). На эту службу возложена функция осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также осуществление вневедомственной охраны [4]. Предусмотрено также привлечение Росгвардии по решению Президента к выполнению иных задач, круг которых неограничен.

В связи с этим возникает очевидная потребность координировать деятельность негосударственных структур обеспечения безопасности, бизнеса, особенно зарубежных корпораций, и НКО с национальной гвардией и иными силовыми структурами государства на принципиально новом профессиональном и системном уровне, особенно в обеспечении безопасности реализации стратегически важных экономических проектов, как это предусмотрено положениями Стратегии национальной безопасности, о которых говорилось выше.

Некоторые функции такого координационного и методического центра, как представляется, могли бы уже сегодня быть реализованы в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, в части образовательного, научного, методического, аналитического, информационного и экспертного обеспечения деятельности негосударственных структур безопасности, принимая во внимание тот факт, что академия обладает уникальным комплексным опытом подготовки управленческих кадров, в том числе в сфере народного хозяйства и национальной безопасности, имеет развитую региональную сеть филиалов и включает в свою структуру профильный Институт права и национальной безопасности.

Среди возможных направлений работы в этом направлении выделим следующие:

- подготовка, переподготовка и повышение квалификации граждан для работы в руководящем звене негосударственных структур обеспечения безопасности;
- экспертное, консалтинговое, информационное участие в реализации международных программ негосударственной безопасности;
- методическое и аналитическое обеспечение взаимодействия между негосударственными структурами безопасности и государством в целях реализации стратегических национальных приоритетов в сферах национальной безопасности и развития народного хозяйства;

– выявление дополнительных возможностей привлечения (по образцу ведущих стран мира) к стратегическому планированию информационно-аналитического обеспечения политики национальной безопасности негосударственных и общественных структур («мозговых центров») для организации научных исследований, в том числе в форме подготовки альтернативных стратегических докладов по вопросам, отнесенным к ведению Совета Безопасности РФ.

Представляется, что перечисленные направления работы будут способствовать осуществлению мер информационно-аналитической, ресурсной и кадровой поддержки стратегического планирования для достижения его главной цели, сформулированной в «Основах стратегического планирования в Российской Федерации», – устойчивого развития страны, укрепления обороны и безопасности государства за счет рационального использования национальных ресурсов и потенциала гражданского общества России [5].

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) (Электронный ресурс) // сайт Совета Безопасности РФ. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1/133.html>
2. Военная доктрина Российской Федерации. (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) (Электронный ресурс) // сайт Совета Безопасности РФ. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/18/129.html>.
3. Общая теория национальной безопасности (Электронный ресурс): Учебник / Под общ. ред. А.А. Прохожева // Учебники online. – URL: <http://uchebnik-online.com/129/1105.html>
4. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» (Электронный ресурс) // сайт Российской газеты. URL: <http://rg.ru/2016/04/06/nacgvardiya-site-dok.html>
5. Афиногенов Д.А., Грибин Н.П., Назаров В.П., Плетнев В.Я., Смутьский С.В. Основы стратегического планирования в Российской Федерации: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Назарова. – М., 2015. С. 112-115.

Приложение 1

АННОТАЦИЯ

**к научно-исследовательской работе по теме
«Разработка системы обеспечения комплексной безопасности
трансграничных транспортных коридоров на Дальнем Востоке
и в Арктической зоне Российской Федерации»**

**Abstract to the research work on the topic:
"Development of a complex security system of cross-border transport
corridors in the Far East and the Arctic zone
of the Russian Federation"**

Актуальность исследования

Развитие трансграничного сотрудничества в рамках реализации транспортного потенциала России входит в число приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в том числе за счет минимизации и ликвидации угроз и рисков различного происхождения на Дальнем Востоке и Арктической зоне. Реалии геополитической, финансово-экономической, международно-политической обстановки показывают, что для успешного решения задач создания базовой транспортной инфраструктуры Российской Арктики и Дальнего Востока, морской и континентальной составляющих их безопасности необходимо сформировать целостную систему обеспечения комплексной безопасности транспортных коммуникаций в этих регионах. Об этом свидетельствуют и выводы Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации (2015-2016 гг.). В ныне действующих программных документах не в полной мере учтены вызовы и угрозы, сопутствующие развитию Северного морского пути и российского сегмента трансграничного и трансконтинентального проекта «Великого шелкового пути», вследствие чего развитие комплексной системы национальной безопасности в сфере трансграничных транспортных коридоров на Дальнем Востоке и Арктической зоне России не может быть обеспечено.

Степень научной разработанности исследуемого вопроса

Наиболее активно проблема международных транспортных коммуникаций разрабатывалась российскими учеными и практиками в 90-х гг. XX в. – 10-х гг. XXI в., в период активного развития международных обменов, торгово-промышленных союзов, правительственных и неправительственных организаций, оживления международных транспортных коридоров №2 и №9. Российские ученые Балтийского государственного университета, Института пространственного планирования, развития и внешних связей (г. Калининград) А. Красовский, В. Касовский и др. разработали научную платформу международного сотрудничества посредством транспортных коридоров еврорегиона «Балтика», входящего в Ассоциацию Европейских приграничных регионов (АЕПР). Развитию Ассоциации Транспортного коридора «Восток-Запад» (АТКВЗ) способствовала исследовательская деятельность экономистов, входящих в Вольное экономическое общество России.

Методологический аспект исследований представлен рядом трудов ученых транспортных вузов России (*Володин А.В.* Международные транспортные коридоры и национальная безопасность России: статья // – URL: <http://www.rustrana.ru/searchautor.php?search>; Мультимодальные транспортные коридоры. Системный подход / *Галахов В.И.* [и др.]. – М.: Транспорт, 2001; *Лебедева Н.А.* Особенности решения проблемы изменения облика и мощности мультимодальных транспортных узлов на основе системного подхода // Проблемы техники ОНМУ. – 2005. №2; *Горбунов А.А.* Политика развития транспортных коммуникаций в современных условиях: зарубежный и российский опыт (на примере железнодорожного транспорта) / Дисс. ... доктора полит. наук. – М., 2008; *Гончарук С.М.* Методологические основы проектирования этапного развития облика и мощности мультимодальной транспортной сети. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012). Заметной работой остается двухтомник украинских ученых «Международные транспортные коридоры Украины: сети и моделирование» (2003 г.).

Научное обоснование решения проблем обеспечения безопасности международных транспортных коммуникаций в зоне Российской Арктики и Дальнем Востоке активизировалось в первом 10-лети XXI в. в связи с обострением международных вызовов и угроз национальной безопасности в этом макрорегионе и разносторонне (в основном по видам

безопасности) представлено трудами военных исследователей (Военная академия Генерального штаба ВС РФ, Академия МЧС, вузы системы ФСБ, Академии военных наук и др.). Однако результаты комплексных научных исследований в свободном доступе отсутствуют.

Основная цель исследования: создание системы обеспечения комплексной безопасности транспортных коридоров на Дальнем Востоке и в Арктической зоне Российской Федерации.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования:

- оценка реализации федерального законодательства в сфере развития Дальнего Востока и Арктической зоны и обеспечение комплексной безопасности транспортных коридоров России;
- разработка предложений по совершенствованию международных договоров, федерального, регионального и муниципального законодательства для обеспечения комплексной безопасности транспортной системы Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации;
- разработка методологии синтеза мультимодального и балансного методов создания системы обеспечения комплексной безопасности трансконтинентальных транспортных коммуникаций на Дальнем Востоке и в Арктической зоне России;
- оценка роли федеральных органов государственной власти в формировании системы комплексной безопасности международных транспортных коридоров на территории Российской Федерации;
- выработка мер обеспечения комплексной безопасности транспортных коридоров на Дальнем Востоке и Арктической зоны России;
- исследование практик международно-правового сотрудничества в создании и эксплуатации транспортных коридоров и применение полезного опыта в целях обеспечения комплексной безопасности Дальнего Востока и Российской Арктики.

Объект исследования: транспортные коридоры Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации.

Предмет исследования: состояние безопасности транспортных коридоров Дальнего Востока и Арктической зоны России.

Методы исследования: метод балансных систем, ситуационно-ситуативный анализ, мультимодальное проектирование, исторический, сравнительно-правовой, проектно-целевой анализ.

Основополагающие документы исследования

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».
3. Федеральный закон РФ «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 30 ноября 1995, № 187-ФЗ (ред. от 10.02.99) / Собрание законодательства РФ, 04.12.1995, № 49.
4. Федеральный закон РФ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (Принят ГД ФС РФ 20 декабря 2001 г.) // Российская газета. – 2002. № 6. 12 января.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 07 февраля 2011 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»
6. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Утв. Президентом России 3 июля 2014 г. // Российская газета. – 2014. №6418. 3 июля.
7. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
8. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации».
9. Указ Президента Российской Федерации от 20 февраля 2013 г. «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2020 года».
10. Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны

Российской Федерации на период до 2020 года» // Гарант.ру. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544266/#ixzz3kUUg8Oyq>

11. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Региональная политика и федеративные отношения”».

12. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08 августа 2009 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

13. Концепция развития сотрудничества в сфере культуры между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельными государствами на период до 2020 года (утверждена Приказом Минкультуры РФ от 20 июля 2011 г. № 807).

14. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969).

15. Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2020 года / Указ Президента РФ от 29 мая 2012 г. № 1459.

16. Стратегия развития Арктической зоны и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года // http://transarctica-forum.com/images/Analitika/Arctica/strategiya_razvitiya_arkticheskoy_zony_rossijskoj_federacii_do_2020.pdf

17. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

18. Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р.

19. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р.

20. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р.

21. Морская доктрина РФ на период до 2020 года / Указ Президента РФ от 27 июля 2001 г. № 1387.

22. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. № 17, ст. 2007.

23. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года» (утв. Пост. Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. N 366) // ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544266/#ixzz3kUUg8Oyq>

24. Нуукская Декларация об окружающей среде и развитии Арктики от 16 сентября 1993 г.

25. Илулиссатская Декларация от 28 мая 2008 г., подписана в Илулиссате, Гренландия.

26. Декларация министров окружающей среды Финляндии, Норвегии, Швеции и Российской Федерации от 09 ноября 2007 г. (Министры окружающей среды Совета Баренцева Евро-Арктического региона (СБЕР), представляющие Финляндию, Норвегию, Швецию и Российскую Федерацию).

Основные ожидаемые фундаментальные и прикладные результаты НИИР и их новизна:

- теоретико-методологическое обоснование методов создания системы комплексной безопасности трансграничной транспортной инфраструктуры Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации (разработка методологии синтеза мультимодального и балансного методов);

- разработка предложений по совершенствованию международных договоров, федерального, регионального и муниципального законодательства для обеспечения комплексной безопасности транспортной системы Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации;

- создание системы обеспечения комплексной безопасности трансграничных транспортных коммуникаций на Дальнем Востоке и в Арктической зоне России;

- методика оценки степени эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления по реализации заданий 2-го этапа Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. в области обеспечения безопасности международных транспортных коридоров;

- совокупность мер по совершенствованию деятельности органов государственного и муниципального управления, общественных организаций по развитию и совершенствованию локальной инфраструктуры жизнеобеспечения на Дальнем Востоке и в Арктике.

Предполагаемые результаты будут существенным образом отличаться от научно-методологических положений, фундирующих ныне применяемые методы комплексной безопасности в частности, за счет синтеза мультимодального и балансного методов исследования управленческой деятельности по обеспечению национальной безопасности.

Результаты данной НИР могут быть использованы в интересах:

Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, Министерства по развитию Дальнего Востока, Министерства экономического развития, Министерства транспорта, Министерства иностранных дел, Министерства обороны, МЧС, Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике, органов регионального и муниципального управления, некоммерческих организаций и др. для:

- научно-методологического и методического обеспечения деятельности в области планирования, прогнозирования и мониторинга процессов и состояний национальной безопасности на геостратегических направлениях развития и функционирования транспортных коридоров на Дальнем Востоке и в Арктической зоне Российской Федерации;

- разработки конкретных мер и механизмов обеспечения комплексной безопасности при развитии приоритетных секторов экономики на Дальнем Востоке и в Арктической зоне Российской Федерации и опорной инфраструктуры, включающей транспортные коридоры;

- качественного повышения критериев и показателей деятельности органов государственного и муниципального управления при реализации целей государственной политики в сфере социально-экономического развития Дальнего Востока и Арктической зоны РФ.

Имеющийся у авторов исследовательский опыт по соответствующей тематике (научные публикации, реализованные ранее научно-исследовательские и экспертно-консультационные проекты и др.):

Научно-исследовательские проекты:

1. Научно-исследовательская работа по теме «Система, механизмы и технологии стратегического управления в сфере национальной безопасности» (Государственное задание РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год).

2. Научно-исследовательская работа по теме «Исследование проблем обеспечения национальной безопасности России в Арктическом регионе и обоснование путей их решения» (Государственное задание РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2014 год).

3. Диссертация Д.А. Медведева на тему «Ситуационное прогнозирование и формирование внешнеполитической стратегии России (на примере внешней политики Российской Федерации в Арктике)» на соискание ученой степени кандидата полит. наук. – М., 2016.

4. Практика научно-методического сотрудничества ученых Факультета национальной безопасности с Ассоциацией Европейских приграничных регионов (АЕПР) в качестве консультативного члена Ассоциации.

Научные публикации:

Гриняев С.Н., Ходырев В.Я., Красников Л.С. Транспортные коридоры – будущее России // *Arctic review*. – 2015. №1.

Гордиенко Д.В. Уровень экономической безопасности регионов Дальнего Востока. Монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 178 с. ISBN 978-3-659-91318-1.

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка перспектив изменения уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов Российской Федерации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2016. № 5 (338).

Гордиенко Д.В. Оценка уровня региональной экономической безопасности Сахалинской области и динамика изменения

защищенности ее экономики (в период с 1990 по 2025 г.) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. № 29 (314); № 31 (316).

Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества и региональная безопасность Центральной Азии // Право и жизнь. – 2015. № 206 (8). – С. 76-120; № 207 (9) – 208 (10).

Гулина Е.В. Концептуальное обновление китайской политики по обеспечению безопасности // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. № 6.

Красовский А.М. Политический механизм обеспечения региональной и глобальной безопасности: Монография. – Калининград: Калининградский юридический институт, 2008.

Медведев Д.А. Арктический экономический совет: итоги первого года деятельности // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2016. №5 (604).

Медведев Д.А. Стратегические перспективы развития международных отношений в Арктике // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. №1.

Михайленко А.Н., Арсентьева И.И. Концептуальные основы развития приграничья в контексте национальной безопасности: Монография. – Саратов: Научная книга, 2014.

Рыжов Г.Б. Восстановление контроля за воздушной и надводной обстановкой в Арктике – важнейшая задача Российской Федерации / Статья // Морской сборник. № 7. – М.: Изд-во «Красная звезда», 2010.

Рыжов Г.Б. Определение опасностей и угроз национальной безопасности Российской Федерации в Арктическом регионе / Статья // Известия РАН № 2 (82). – М.: РАН, 2014.

Рыжов Г.Б. Развитие принципов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике / Статья // Морской сборник № 7. – М.: изд. «Красная звезда», 2014.

Шевченко А.В., Гриняев С.Н., Онищук С.М. Страны-наблюдатели в Арктическом совете: позиция и мотивы деятельности – М.: АНО ЦСОиП, 2014.

Структурное подразделение Академии:

Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Факультет национальной безопасности.

АННОТАЦИЯ
научно-исследовательской работы по теме
«Разработка системы совершенствования методов поддержания
устойчивости и безопасности международно-политических
интеграций в рамках СНГ, БРИКС, ШОС»

Abstract to the research work on the topic:
«Development of a system for improving the methods of maintaining
stability and security of international political integrations within
the CIS, BRICS, SCO»

Актуальность исследования

В Стратегии национальной безопасности (2015 г.) среди приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности с усилением потенциалов партнерства выделен вектор взаимодействия с государствами, входящими в организации СНГ, БРИКС, ШОС. В частности указывается на необходимость совершенствования методов поддержания стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира; сохранение устойчивости международно-правовой системы. Сложность решения задачи обусловлена слабо формализованными геополитическими, международно-правовыми, политико-экономическими и иными причинами, что существенно осложняет возможность реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на указанном направлении. Ныне действующие программные документы, в основу которых положены теоретико-методологические подходы классического стратегирования, не в полной мере учитывают хронотопологические характеристики современных мирополитических процессов, содержащих острые вызовы и угрозы, препятствующие развитию стратегического партнерства России в рамках СНГ, БРИКС, ШОС. Для решения такого рода задач требуются дополнительные исследования природы полицентричности, геополитической регионализации, форм и способов управления интеграционными процессами с соблюдением принципа баланса интересов стран-партнеров.

Степень научной разработанности исследуемого вопроса

Наиболее активно проблемы региональной интеграции в рамках СНГ, БРИКС, ШОС целях коллективной геополитической безопасности рассматривались в середине 2000-х гг. (см. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: Изд-во «МГИМО - Университет», 2007; *Чернов В.А.* Формирование системы коллективной безопасности постсоветских государств // *Власть.* – 2009. №8), с периодическими изменениями векторов научных интересов от исследования последствий бифуркационных процессов на постсоветском пространстве (напр.: *Эйвазов Д.* Некоторые вопросы применения теории региональных комплексов безопасности к изучению политической системы постсоветского пространства // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2011. №2. – Т.14.) к изучению поведения неустойчивых политических систем с двусторонними и многосторонними связями (*Кондратов А.И.* Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // *Вестник МГИМО Университета.* – 2011. №2; *Сирота Н.М.* Деполяризация и полицентрализация политической структуры мира // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2013. №5-11(31); *Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В. Торкунов.* – М.: Аспект Пресс, 2012).

Выделяется ряд научных трудов, посвященных проблемам реализации национальных интересов России в Северо-Восточной Азии, Центрально-азиатском регионе, на Дальнем Востоке, Южной Америке, Индии (*Клименко А.Ф.* Россия и Китай в системе безопасности Северо-Восточной Азии // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* – 2014. №19. – Т.19; *Клименко Е.* Центральная Азия как региональный комплекс безопасности // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2011. №4. – Т.14; *Искакова Г.К.* региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии России, США и Китая // *PolitBook.* – 2014. №14; *Алексеев О., Ильин И.* БРИКС – новая форма полицентричности мирового порядка // *Обозреватель-Observer.* – 2014.

№12). Несмотря на многообразие подходов, теоретико-методологические обоснования не удовлетворяют политическую практику (см.: Багаева А. Интеграционный скептицизм: аргументы критиков региональной интеграции // Обозреватель-Observer. – 2015. №6).

Основная цель исследования: разработка теоретико-методологической основы создания системы совершенствования методов поддержания устойчивости и безопасности международно-политической системы в рамках СНГ, БРИКС, ШОС.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования:

- оценить степень реализации международного и федерального законодательства в исследуемой сфере; выявить и сформировать совокупность специфических характеристик процессов и состояний безопасности международно-политической системы в границах СНГ, БРИКС, ШОС;

- разработать теоретико-методологический инструментарий для усовершенствования методов укрепления партнерских связей в правовой системе на основе синтеза интегративного и балансного методов);

- разработать алгоритм государственного мониторинга состояния безопасности международно-политической системы в границах СНГ, БРИКС, ШОС;

- сформировать предложения по совершенствованию международных договоров, национальных и федеральных политико-правовых актов для обеспечения безопасности международно-политической системы в границах СНГ, БРИКС, РИК, ШОС;

- разработать совокупность мер по совершенствованию деятельности органов государственного управления по информационно-аналитической, организационной и ресурсной поддержке стратегического планирования и прогнозирования государственной политики обеспечения национальной безопасности в сфере взаимодействия с государствами СНГ, БРИКС, РИК, ШОС.

Объект исследования: международно-политическая система в рамках СНГ, БРИКС, ШОС.

Предмет исследования: структура международно-политической системы, способы управления и регулирования связями и потенциалами компонентов системы.

Методы исследования: методы интегрирования, метод балансных систем, геополитическое проектирование и прогнозирование, исторический, сравнительно-правовой, проектно-целевой анализ.

Основополагающие документы исследования:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

2. Федеральный закон Российской Федерации № 178-ФЗ «Стратегическое планирование в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г.

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 07 февраля 2011 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму».

4. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

5. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения»».

7. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г.

9. Основы государственной политики в области обеспечения безопасности населения Российской Федерации и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов от угроз техногенного, природного характера и противоправных актов / Распоряжение Президента РФ от 28 сентября 2006 г. № ПР-1649.

10. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации: основные положения (одобрена Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608) // Совет безопасности Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/15/23.html>

11. Договор государств - участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма от 05.10.2007 (Душанбе).

12. Стратегия развития ШОС до 2025 г. (Уфа, 9-10 июля 2015 г.).

13. Совместное заявление Конференции высокого уровня «Безопасность и стабильность в регионе ШОС» (4 июня 2015 г.).

14. Заявление глав государств - членов Шанхайской организации сотрудничества по проблеме наркоугрозы (Уфа, 9-10 июля 2015 г.).

15. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19.11.2010 г. (Евразийское экономическое сообщество).

16. Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами - участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (20 июня 2000 г.); Протокол о взаимодействии государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере (23 декабря 2014 г.).

Основные ожидаемые фундаментальные и прикладные результаты НИР и их новизна:

- совокупность специфических характеристик процессов и состояний безопасности международно-политической системы в границах СНГ, БРИКС, ШОС;

- теоретико-методологический инструментарий качественного изменения методов укрепления партнерских (порождающих, рекурсивных и пр.) связей в политико-правовой, системе на основе синтеза интегративного и балансного методов);

- разработка алгоритма государственного мониторинга состояния безопасности международно-политической системы в границах СНГ, БРИКС, РИК, ШОС;

- разработка предложений по совершенствованию международных договоров, национальных и федеральных политико-правовых актов для обеспечения безопасности международно-политической системы в границах СНГ, БРИКС, РИК, ШОС;

- совокупность мер по совершенствованию деятельности органов государственного управления по информационно-аналитической, организационной и ресурсной поддержке стратегического планирования и прогнозирования государственной политики обеспечения национальной безопасности в сфере взаимодействия с государствами СНГ, БРИКС, РИК, ШОС.

Предполагаемые результаты будут существенным образом отличаться от научно-методологических положений, фундирующих ныне применяемые методы комплексной безопасности в частности, за счет синтеза интегративного и балансного методов исследования стратегического планирования и управления интеграционными системами в рамках СНГ, БРИКС, ШОС.

Результаты данной НИР могут быть использованы в интересах:

Реализации Стратегии национальной безопасности в целях совершенствования методов поддержания устойчивости и безопасности международно-политических интеграций в рамках СНГ, БРИКС, ШОС для:

- научно-методологического и методического обеспечения деятельности органов государственного управления в области планирования, прогнозирования и мониторинга процессов и состояний национальной безопасности на приоритетных направлениях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации во взаимодействии с государствами СНГ, БРИКС, ШОС;

- качественного повышения критериев и показателей деятельности органов государственного и муниципального управления при реализации приоритетных направлений безопасности РФ в периметре СНГ, БРИКС, ШОС.

Имеющийся у авторов исследовательский опыт по соответствующей тематике (научные публикации, реализованные ранее научно-исследовательские и экспертно-консультационные проекты и др.):

1. Сборники научных статей по результатам всероссийских научно-практических конференций по проблемам стратегического управления в сфере национальной безопасности, проведенных Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2013, 2014, 2016 гг.

2. Научные статьи:

Афиногенов Д.А. Глобальные тенденции и глобальные угрозы безопасности Российской Федерации // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2011. №1. – С. 3-12.

Афиногенов Д.А. Некоторые аспекты защиты национальных интересов Российской Федерации: методологические проблемы теории и практики // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2013. №2. – С. 6-18.

Афиногенов Д.А. Роль документов стратегического планирования: правовые аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. №2. – С. 13-17.

Афиногенов Д.А., Полякова Т.А. Роль мониторинга состояния национальной безопасности Российской Федерации в повышении эффективности государственного управления // Административное право и процесс. – М.: Юрист, 2014, № 4. – С. 19-23.

Афиногенов Д.А. Векторы стратегического планирования // Государственная служба. – 2012. № 2. – С. 60-64.

Афиногенов Д.А. Методологические вопросы совершенствования системы мониторинга состояния национальной безопасности Российской Федерации // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2013. № 6. – С. 21-28.

Гордиенко Д.В. Перспективы изменения уровня экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXI: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2016.

Гордиенко Д.В. Тенденции развития ситуации в Центральной Азии / Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. – М.: ИДВ РАН, 2016.

Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности / Материалы Международной конференции «Сотрудничество Китая, Монголии и России». – Далянь (КНР): МИД КНР, Дипломатическая академия КНР, Даляньский университет иностранных языков, 2015. Материалы Даляньского форума 2015 «“Один пояс, один путь” и культурная дипломатия». – Далянь (КНР): Даляньский технологический университет, 2015. – С. 14-40 (на англ. яз.), 90-125 (на русск. яз.); // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. № 37 (322).

Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка уровней технологической безопасности Китая, Японии, США, стран Евросоюза и Российской Федерации в современных условиях / Проблемы обеспечения безопасности Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество / отв. ред. Д.В. Гордиенко, сост. Д.В. Гордиенко, А.С. Степанов. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С.8-57. ISBN 978-5-8381-0289-8. – URL: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/ProblemsSVA-2015.pdf

Михайленко А.Н. Потенциал российско-китайского экономического сотрудничества // Обозреватель-Observer. – 2015. № 11 (310). С. 74-87. // Обозреватель-Observer. – 2015. № 11 (310).

Михайленко А.Н. Полицентричный мир: каким ему быть? // Вопросы политологии. – 2015. №4 (20).

Михайленко А.Н. Евразийская интеграция и приграничное сотрудничество постсоветских стран // Этносоциум. – 2014. №1.

Михайленко А.Н. Приграничное сотрудничество России, Белоруссии и Казахстана в контексте евразийской интеграции / Михайленко А.Н.,

Арсентьева И.И. // Актуальные проблемы современных международных отношений: вестник ИИиМО СГУ. – 2014. №4.

Михайленко А.Н. Российско-казахстанские отношения в контексте евразийской интеграции // Актуальные проблемы международной, региональной и национальной безопасности: Сборник научных трудов / под ред. проф. А.С. Балапановой. – Алматы: Казак университети, 2014.

Харитонова Н.И. Интеграционные объединения в Центрально-Азиатском регионе: проблема эффективности // Труд и социальные отношения. – 2012. №7 (67).

Харитонова Н.И. Индикатор устойчивости политических режимов // Независимый обозреватель стран Содружества. – 2010. №1.

Харитонова Н.И. Новые вызовы региональной безопасности и национальной безопасности ПМР в контексте кризиса на Украине 2014 г. / – Москва. 2014.

Харитонова Н.И. Страны Центральной Азии: новое место на дуге кризисов // Индекс безопасности. – 2015. №1 (112).

Научно-исследовательские проекты:

Научно-исследовательская работа по теме «Разработка Стратегии внешнеполитической деятельности по обеспечению национальных интересов России в региональных экономических объединениях»» (Государственное задание РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год).

Научно-исследовательская работа по теме «Система, механизмы и технологии стратегического управления в сфере национальной безопасности» (Государственное задание РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год).

Научно-исследовательская работа по теме «Разработка типовой модели оценки региональной безопасности субъекта Российской Федерации» (Государственное задание РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2014 год)

Структурное подразделение Академии:

Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Факультет национальной безопасности.

АННОТАЦИИ / ABSTRACTS

АХУНЗЯНОВ Руслан Салимович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Перспективы развития сил обеспечения психологических операций: организационная модель

Аннотация: В статье анализируется современное развитие системы обеспечения психологических операций. Выделяются недостатки и причины неэффективности деятельности российских сил психологических операций, в частности недостаточности обеспечения гуманитарной составляющей сил информационно-психологического противоборства в когнитивной и социальной средах. При этом автор указывает на наличие условий и опыта для создания в стране межведомственных сил специальных операций. Предлагается создание информационно-аналитического центра, на который будут возлагаться задачи обеспечения информационно-психологического противоборства, а также закрепление существования сил психологических операций в базовых документах российского законодательства по национальной безопасности.

Ключевые слова: силы обеспечения психологических операций, информационно-психологическое противоборство, силы специальных операций, национальная безопасность.

Ruslan AKHUNZYANOV,

doctoral student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Prospects for developing psychological operations forces: an organizational model

Abstract: The article analyzes the current development of the psychological operations system. It highlights shortcomings and reasons for ineffectiveness of Russian psychological operations forces' activities, in particular the failure to ensure the humanitarian component of the forces of information-psychological warfare in the cognitive and social environments. The author points to the existence of conditions and experience to create the country's inter-agency special operations forces. It is proposed to create an information-analytical center, which will be tasked with providing information-psychological warfare, as well as consolidating the existence of psychological operations forces in the basic documents of Russian national security legislation.

Keywords: psychological operations forces, information-psychological warfare, special operations forces, national security.

ГУЛИНА Елена Владимировна,
аспирант, РАНХиГС

**Гомеостатический подход к реализации китайского проекта
«Один пояс – один путь» на пространстве Центрально-Азиатского региона**

Аннотация: В статье проанализирован китайский проект Экономического пояса Шелкового пути с точки зрения поддержания устойчивости Центрально-азиатской системы и достижения национальных интересов России через применение принципов балансной гомеостатики.

Ключевые слова: Китай, Россия, ЕАЭС, Шелковый путь, Центральная Азия, динамический гомеостат, устойчивость системы.

Elena GULINA,
doctoral student, RANEPA

Homeostatic approach to the realization of the Chinese project “One Belt, One Road” in the space of the Central Asian region

Abstract: In the article the Chinese project “Economic Belt of Silk Road” is considered in terms of Central Asian system resistance and Russian national interests defending through implementation of balance homeostatic principles.

Keywords: China, Russia, EAEU, Silk Road, Central Asia, dynamic homeostatics, system resistance.

ДОЛГОВ Константин Константинович,
Уполномоченный МИД России по вопросам
прав человека, демократии и верховенства права

**Приоритетные направления деятельности Института Уполномоченного
МИД России на современном этапе**

Аннотация: В статье выделены и раскрыты основные проблемы, определяющие приоритетность направлений деятельности Института Уполномоченного МИД России на современном этапе. Приведены фактические и статистические данные по нарушениям прав человека в различных регионах, особое внимание уделяется нарушениям прав соотечественников и русскоязычного населения за рубежом. Выявлены основные негативные тенденции и грубейшие нарушения в правозащитной сфере.

Ключевые слова: права человека, Уполномоченный МИД России, правозащитные НПО, права соотечественников, обеспечение прав человека в зарубежье.

Konstantin DOLGOV,

The Russian Ministry of Foreign Affairs Commissioner for human rights,
democracy and the rule of law

**Priority activities of the Institute of the Russian Ministry of Foreign Affairs
Commissioner at the present stage**

Abstract: The article highlights and reveals the main problems that determine the priority of the activities of the Institute of the Russian Ministry of Foreign Affairs Commissioner at the present stage. It gives actual and statistical data on human rights violations in various regions, special attention is paid to violations of rights of compatriots and the Russian-speaking population abroad. The main negative trends and gross violations in the human rights sphere are also revealed.

Keywords: human rights, the Russian Ministry of Foreign Affairs Commissioner, human rights NGOs, rights of compatriots, promotion of human rights abroad.

ЕМЦОВА Анастасия Александровна,
аспирант, РАНХиГС

**Неформальное политическое влияние на СМИ: вызов или угроза
общественной безопасности?**

Аннотация: Эффективность политического влияния СМИ на массы общепризнанна и достаточно хорошо исследована политологической наукой. Меньше изучено политическое влияние на сами СМИ, при том, что от их позиций в обеспечении общественной безопасности зависит качество государственного и муниципального управления. В статье анализируются причины, истоки, содержание неформального политического влияния властных структур на средства массовой информации.

Ключевые слова: общественная безопасность; государственная информационная политика; неформальное политическое влияние; массмедиа; средства массовой информации.

Anastasia EMTSOVA,
doctoral student, RANEPА

**Informal political influence on the media:
a challenge or a threat to public security?**

Abstract: The effectiveness of the media political influence on masses is generally recognized and well researched by political science. But the political influence on the media themselves is less studied, while the quality of state and municipal administration depends on the media positions in providing public security. The article analyzes the causes, origins and the content of authorities' informal political influence on the mass media.

Keywords: public security, state information policy, informal political influence, the mass media.

ИВАНОВА Ксения Михайловна,
магистрант, РАНХиГС

**Проблемы совершенствования механизмов охраны окружающей среды
и обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне
Российской Федерации**

Аннотация: Автором выделены основные проблемы охраны природы Арктической зоны России. Отмечена важность учета специфики природно-климатических условий российской Арктики. Особое внимание в статье уделяется проблемам отсутствия полноценной организационно-правовой базы, способной обеспечить решение экологических проблем АЗРФ, и неполной реализации стратегических документов в конкретных нормативно-правовых актах. Вносятся ряд рекомендаций по совершенствованию действующего и разработке нового законодательства РФ в области охраны природы и обеспечения экологической безопасности в АЗРФ.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, охрана природы, обеспечения экологической безопасности, природно-климатические условия Арктики.

Ksenia IVANOVA,
master's degree student, RANEPА

**Problems of improving mechanisms of environmental protection and security
ensuring in the Arctic zone of the Russian Federation**

Abstract: The author outlines the main problems of nature protection in the Arctic zone of Russia. The article highlights the importance of taking into account the specifics of natural and climatic conditions of the Russian Arctic. It pays a special attention to the problems of the lack of a full organizational and legal framework capable to ensure the solution of environmental problems of the Russian Arctic, as well as to the incomplete implementation of strategic documents in specific legal acts. A number of recommendations are being made to improve the existing laws and draft new legislation in the field of environmental protection and security ensuring in the Russian Arctic region.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, environmental protection, environmental security, natural and climatic conditions of the Arctic.

КОНОНОВ Леонид Алексеевич,
доктор политических наук, профессор

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна
доктор социологических наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС

**Модернизация патентной системы для трудовых мигрантов как фактор
стабилизации региональных рынков труда**

Аннотация: С 1 января 2015 г. в Российской Федерации законодательно введена новая патентная система для трудовых мигрантов, прибывших в страну в безвизовом порядке. В статье предложен авторский подход к модернизации патентной системы в сфере трудовой миграции, позволяющий сбалансировать региональные рынки труда Российской Федерации, и согласовать интересы государства, бизнеса, мигрантов и местного населения.

Ключевые слова: трудовая миграция, патент в сфере трудовой миграции, госпошлина за патент, патентование трудовых мигрантов.

Leonid KONONOV,
Grand PhD in Political Sciences, professor

Victoria LEDENEVA,
Grand PhD in Sociological Sciences,
Institute of Law and National Security, RANEPА

**Modernization of the patent system for labour migrants as a factor
of stabilization of regional labour markets**

Abstract: On January 1, 2015, a new patent system was legislated for labour migrants arrived in the country on a visa-free basis. The author suggests an approach to modernization of the patent system in the sphere of labour migration which allows to balance regional labour markets of the Russian Federation, and to coordinate the interests of the state, business, migrants and local population.

Keywords: labour migration, patent in the sphere of labour migration, state patent fee, patenting of labour migrants.

ЛУТОВИНОВ Владимир Ильич,
доктор философских наук, профессор,
Институт права и национальной безопасности РАНХиГС;
эксперт Председателя ДОСААФ России,
лауреат Государственной премии

Создание эффективной системы патриотического воспитания – основа стратегии развития России и укрепления национальной безопасности

Аннотация: В статье обозначены основные проблемы и причины неэффективности патриотического воспитания в современной России. Предлагается применять к их решению и созданию качественно новых основ патриотической деятельности научно-обоснованные, соответствующие современным реалиям концептуальные подходы, приоритетные направления и механизмы их реализации. Автором определены главная цель, задачи, основы содержания обновленной системы ценностей патриотического воспитания, а также результаты реорганизации системы патриотического воспитания при реализации предлагаемых мер.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, концептуальный подход, ценности, система патриотического воспитания.

Vladimir LUTOVINOV,
Grand PhD in Philosophical Sciences, professor,
Institute of Law and National Security, RANEPa;
Expert of the Chairman of the Voluntary Society
for Assistance to the Army, Aviation and Fleet,
State Prize Winner

Creation of an effective system of patriotic education – the basis of Russia's development strategy and strengthening national security

Abstract: The article outlines the main problems and reasons for the ineffectiveness of patriotic education in modern Russia. It proposes to apply scientific-based conceptual approaches, priority directions and implementation mechanisms in order to solve and create qualitatively new bases of patriotic activity. The author defines the main goal, tasks, the foundations of the content of the updated system of patriotic education values, as well as the results of the reorganization of the patriotic education system when implementing the proposed measures.

Keywords: patriotic education, conceptual approach, values, patriotic education system.

ЛЫЖИН Дмитрий Николаевич,

начальник сектора биоэкономики и устойчивого развития,
Центр экономических исследований, Российский институт
стратегических исследований (РИСИ);
аспирант, РАНХиГС

**Перспективы реализации согласованной
агропромышленной политики ЕАЭС**

Аннотация: Показаны отдельные аспекты реализации согласованной (скоординированной) агропромышленной политики Евразийского экономического союза, на примере опыта согласованной агропромышленной политики ЕС. Проанализированы основы функционирования АПК государств при их интеграции, даны рекомендации по совершенствованию согласованной агропромышленной политики ЕАЭС.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, ЕАЭС, ЕС, агропромышленная политика, сельскохозяйственное производство.

Dmitry LYZHIN,

Chief of Sector of Bioeconomics and Sustainable Development,
Russian Institute for Strategic Studies (RISS);
doctoral student, RANEPA

**Prospects for implementation of coherent agricultural policy
of the Eurasian Economic Union**

Abstract: The article highlights different aspects of implementation of coherent (coordinated) agricultural policy of the Eurasian Economic Union through the experience of EU common agricultural policy. It analyses the framework of the states' agricultural sector upon their integration, provides recommendations regarding improvement of coherent agricultural policy of the Eurasian Economic Union.

Keywords: food security, Eurasian Economic Union, European Union, agricultural policy, agriculture.

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Андреевич,

кандидат политических наук,
Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС

**Стратегические перспективы Арктического региона в системе
международных отношений**

Аннотация: В статье рассматриваются долгосрочные тренды развития международного взаимодействия в Арктике, выявлены ключевые факторы и условия, влияющие на усиление деструктивных тенденций в регионе. В частности, описывается роль Арктического совета – крупнейшей организации в Арктике – и формы ее трансформации. Автором выявлено, что наряду с развитием международной кооперации в некоторых аспектах, в регионе усиливается напряжение из-за намерений крупных геополитических держав «закрепиться» в новой трансформирующей системе миропорядка, которая вырабатывается и апробируется в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, Россия, международные отношения, внешнеполитическая стратегия зарубежных стран.

Dmitry MEDVEDEV,
PhD in Political Sciences,
Institute of Law and National Security, RANEPА

Strategic prospects of the Arctic region in the system of international relations

Abstract: The article describes the long-term trends in the international interactions in the Arctic, the key factors and conditions to strengthen deconstructive tendencies in the region. In particular, the role of the Arctic Council – the largest organization in the Arctic – and forms of her transformation is described. The author reveals that along with development of multifaceted international cooperation in the region there is an antagonism between great geopolitical powers to order to find a place in the new transforming system of a world order which is developed, including, in the Arctic.

Keywords: Arctic, Russia, international relations, foreign policy strategy of foreign states.

НАЗАРОВ Владимир Павлович,
кандидат политических наук,
заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: преемственность государственной политики, системы национальных интересов и стратегических национальных приоритетов

Аннотация: Дана характеристика основных изменений, внесенных в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации в соответствии с положениями Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и решениями Президента Российской Федерации. Представлена система стратегических национальных приоритетов, цели, задачи, инструменты и меры укрепления национальной безопасности Российской Федерации и обеспечения устойчивого развития страны по главным направлениям внутренней и внешней политики на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; национальные приоритеты; стратегическое планирование; государственный мониторинг.

Vladimir NAZAROV,

candidate of political science,

Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation

The National security strategy of the Russian Federation: continuity of state policy, system of national interests and strategic national priorities

Abstract: The article gives characteristics of the main changes in the National Security Strategy of the Russian Federation in accordance with the provisions of the Federal Law "On strategic planning in the Russian Federation" and decisions of the President of the Russian Federation. It presents the system of strategic national priorities, goals, tasks, instruments and measures to strengthen the national security of the Russian Federation and ensure sustainable development of the country in the main areas of domestic and foreign policy for the long-term perspective.

Keywords: National Security Strategy of the Russian Federation; national priorities, strategic planning, state monitoring.

ПОКРОВСКИЙ Борис Борисович,

магистрант, РАНХиГС

Развитие технологий «двойного назначения» в военно-экономической политике современной России

Аннотация: В статье анализируются перспективы развития технологий «двойного назначения» в военно-промышленном комплексе и гражданском секторе. Подчеркивается необходимость разработки механизмов передачи технологий «двойного назначения» из военной области в гражданские. Автором выделены ряд задач, направленных на расширение функций подразделений Министерства обороны в области развития технологий «двойного назначения».

Ключевые слова: технологии «двойного назначения», военно-промышленный комплекс, гражданский сектор, Министерство обороны РФ.

Boris POKROVSKY,

master's degree student, RANEPА

Development of "dual-use" technologies in the military-economic policy of modern Russia

Abstract: The article analyzes the prospects for development of "dual-use" technologies in the military industry and the civil sector. It emphasizes the need to develop "dual-use" technology transfer mechanisms from military to civilian. The author singles out a number of tasks aimed at enhancing the functions of the Ministry of Defense' units in development of "dual-use" technologies.

Keywords: "dual-use" technologies, military industry, civil sector, the Ministry of Defense of the Russian Federation.

ПУШКИНА Оксана Викторовна,
магистрант, РАНХиГС,
Депутат Государственной думы России

**Демографическая политика в России:
современные тренды и перспективы совершенствования**

Аннотация: В статье рассмотрена динамика численности современной России, проанализированы демографические данные, установлены причины роста и падения численности в различные исторические периоды. Приведены позиции ряда ученых относительно причин сокращения населения России. Автором вносятся рекомендации по улучшению демографической ситуации и созданию эффективной системы демографической политики в России.

Ключевые слова: демографическая политика, численность населения, демографические показатели, рождаемость, смертность, демографическая динамика.

Oksana PUSHKINA,
master's degree student, RANEPa,
Deputy of the State Duma of Russia

**Demographic policy in Russia:
current trends and prospects for improvement**

Abstract: The article examines the population dynamics of modern Russia, analyzes demographic data, and establishes the causes of growth and decline in the population number in different historical periods. It gives positions of a number of scientists about the reasons for the reduction of the Russian population. The author makes recommendations on improving the demographic situation and creating an effective system of demographic policy in Russia.

Keywords: demographic policy, population number, demographic indicators, birth rate, death rate, demographic dynamics.

РУМЯНЦЕВ Сергей Олегович,
магистрант, РАНХиГС

**Модель системы контроля противодействия финансированию
терроризма при операциях с недвижимостью**

Аннотация: В работе рассматривается основная модель системы контроля финансирования терроризма при операциях с недвижимостью. Исследуются вопросы противодействия финансированию терроризма при операциях с недвижимостью.

Ключевые слова: терроризм, финансирование, противодействие финансированию терроризма, операции с недвижимостью, национальная безопасность.

Sergey RUMYANTSEV,
master's degree student, RANEPА

**Model of the system of control over the counteraction to the terrorism
financing in real estate transactions**

Abstract: The paper considers the main model of the system for monitoring the financing of terrorism in real estate transactions. The issues of counteracting the financing of terrorism in real estate transactions are investigated.

Keywords: terrorism, financing, object, crime, anti-terrorism, real estate, threat, national security.

СМИРНОВ Анатолий Иванович

президент Национального института
исследований глобальной безопасности,
доктор исторических наук, профессор МГИМО(У)

**Национальная безопасность России и кибер-НАТО:
угрозы и прогнозы**

Аннотация: В соответствии с направлениями реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации проведен анализ доктринальных стратегий ряда государств, использующих информационные технологии в противоборстве за глобальное информационное доминирование. Сделан вывод о том, что России необходимо совместно с партнерами по ОДКБ, СНГ, ШОС и БРИКС легитимными способами добиваться укрепления международной информационной безопасности, в том числе в формате группы правительственных экспертов ООН.

Ключевые слова: кибервойна, информационное доминирование, информационные угрозы, международная информационная безопасность.

Anatoly SMIRNOV,

President of the National Institute for Research of Global Security,
PhD in Historical Sciences, professor at MGIMO

Russia's national security and cyber-NATO: threats and forecasts

Abstract: In accordance with the directions of implementation of the National Security Strategy of the Russian Federation, the article analyses doctrinal stratagems of a number of states which use information technologies in the confrontation for global information dominance. It concludes that Russia should seek to strengthen international information security through legitimate ways in cooperation with its partners in the CSTO, CIS, SCO and BRICS, including the format of the UN group of governmental experts.

Keywords: cyber war, information dominance, information threats, international information security.

ТАМАРЧИНА Наталья Александровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России,
Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС

Европейский союз и Россия: что дальше?

Аннотация: В статье описана динамика отношений Европейского Союза и России до 2014 года и после введения санкций. Раскрыты базовые принципы европейской политики в отношении России, проанализирован характер взаимоотношений сторон в кризисных условиях, подчеркивается необходимость обновления институциональной базы российско-европейского взаимодействия.

Ключевые слова: Европейский Союз, Россия, санкционная политика, нормализация отношений, долгосрочная стратегия взаимодействия, стратегическое партнерство.

Natalya TAMARCHINA,

PhD in Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Security and Russian Foreign Policy, Institute of Law and National Security, RANEPA

The European Union and Russia: what's next?

Abstract: The article describes the dynamics of the relations between the European Union and Russia until 2014 and after the introduction of sanctions. The author reveals basic principles of the European policy towards Russia, analyzes the nature of the relationships between the parties in crisis conditions, and underlines the need to update the institutional base of Russian-European interaction.

Keywords: the European Union, Russia, sanctions policy, normalization of relations, long-term strategy of interaction, strategic partnership.

ТИТОВ Роман Валерьевич,

аспирант, РАНХиГС

Международные военно-гражданские отношения: информационно-коммуникативный аспект

Аннотация: Необходимость публичной легитимации военной политики обуславливает возникновение взаимосвязей между субъектами применения военной силы и мировым сообществом, что образует специфическую область международных отношений – международные военно-гражданские отношения. В статье раскрыта их информационно-коммуникативная структура и обосновано понятие военно-гражданского дискурса международных отношений.

Ключевые слова: военная политика, международные отношения, военно-гражданские отношения, военно-политический дискурс.

Roman TITOV,

doctoral student, RANEPA

International civil-military relations: information and communication aspect

Abstract: The need for public legitimization of military policy stipulates the emergence of interrelations between the subjects using military force and the world community, which forms a specific area of international relations – international civil-military relations. The article discloses their information and communication structure and substantiates the concept of civil-military discourse of international relations.

Keywords: military policy, international relations, civil-military relations, military-political discourse.

ТОКАРЕВ Иван Андреевич,
магистрант, РАНХиГС

**Военно-патриотические клубы и центры:
опыт субъектов Российской Федерации**

Аннотация: Одним из оплотов российской военной традиции являются военно-патриотические центры и клубы. Необходимо создать единый координационный центр работы таких организаций, что позволит аккумулировать лучшие практики и распространять опыт по различным субъектам Российской Федерации.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, военно-патриотические клубы, военно-патриотические центры, национальная безопасность.

Ivan TOKAREV,
master's degree student, RANEPa

**Military-patriotic clubs and centres: the experience of the subjects
of the Russian Federation**

Abstract: One of the strongholds of the Russian military tradition is military-patriotic centres and clubs. It is necessary to create a single coordinating centre for such organizations, which will accumulate best practices and disseminate experience across various subjects of the Russian Federation.

Keywords: patriotism, patriotic education, military-patriotic clubs, military-patriotic centres, national security.

ХАРИТОНОВА Наталья Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой международной безопасности
и внешнеполитической деятельности России,
Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС

**Американская «биоПРО» как угроза региональной безопасности
в Евразии**

Аннотация: Статья посвящена проблеме размещения правительством США биологических лабораторий двойного назначения в рамках программы «Совместные биологические обязательства» на территории бывших советских республик по периметру границ Российской Федерации. Опыт деятельности подобных лабораторий в Евразии и других регионах мира позволяет оценивать активность правительства США в этой области как угрозу региональной безопасности в Евразии и национальной безопасности России.

Ключевые слова: биологическое оружие, биологическая безопасность, угроза национальной безопасности, биологические лаборатории, Россия.

Natalya KHARITONOVA,

PhD in Historical sciences, Associate Professor,

Head of the Department of International Security

and Russian Foreign Policy, Institute of Law and National Security, RANEPА

American "BIOPRO" as a threat to regional security in Eurasia

Abstract: The article deals with the US government placing the dual-use biological laboratories under "Joint Biological liabilities" framework on the territory of the ex-Soviet republics on the perimeter of Russia's borders. The experience of placing such novagovernment activity in this area as a threat to regional security of Eurasia and national security of Russia.

Keywords: biological weapons, biological security, threat to national security, biological laboratories, Russia.

ЧУГУЕВСКАЯ Элина Юрьевна,

магистрант, РАНХиГС

Ресурсный и технологический подходы к определению понятия «мягкая сила»

Аннотация: В статье проанализированы ресурсный и технологический подходы к определению понятия «мягкая сила». Проведена сравнительная характеристика данных подходов, рассмотрены их преимущества и недостатки, приводятся позиции России, США, Китая и Франции в понимании концепции «мягкой силы». Автор делает вывод о том, что в определении «мягкой силы» все подходы можно классифицировать как ресурсные или технологические, а в России необходимо развивать и поддерживать ресурсный подход.

Ключевые слова: «мягкая сила», «умная сила», ресурсный подход, технологический подход, «сетцентричные войны», репутация государства, страновой бренд.

Elina CHUGUEVSKAYA,

master's degree student, RANEPА

Resource-based and technological approaches to define the concept of soft power

Abstract: The article analyzes the resource-based and technological approaches to the definition of "soft power." It provides the comparative characteristic of these approaches, their advantages and disadvantages, and gives the positions of Russia, the USA, China and France on the concept of "soft power". The author concludes that when defining "soft power" all approaches can be classified as resource-based or technological, and in Russia it is necessary to develop and maintain the resource-based approach.

Keywords: «hard power», «soft power», «smart power», resource-based approach, technological approach, «Network-centric warfare (NCW)», «China dream», reputation of the state, country brand.

ШАРКО Марина Владимировна,

кандидат политических наук, доцент,

Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС

Государственный советник Российской Федерации третьего класса

**Стратегическое управление процессами безопасности в АТР:
поддержание стабильности и партнерских отношений России и Японии**

Аннотация: Статья посвящена проблеме стратегического управления процессами международной безопасности в АТР. Особое внимание уделено вопросам сохранения взаимовыгодных партнерских отношений России с Японией как ключевому фактору поддержания стабильности в АТР.

Ключевые слова: международная безопасность, стратегическое управление, Россия, Япония, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Marina SHARKO,

PhD in Political Sciences, Associate Professor at the Department

of International Security and Russian Foreign Policy,

Institute of Law and National Security, RANEPa;

Third Rank State Counsellor of the Russian Federation

**Strategic management of security processes in the AP region: maintaining
stability and partnership relations between Russia and Japan**

Abstract: The article is devoted to the problem of strategic management of international security processes in the Asia-Pacific region. Particular attention is paid to the issues of maintaining mutually beneficial partnerships between Russia and Japan as a key factor for ensuring stability in the AP region.

Keywords: international security, strategic management, Russia, Japan, Asia-Pacific region.

ШАШКИН Павел Александрович,
кандидат философских наук, доцент,
Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС

**Перспективы государственно-частного партнерства в сфере безопасности
в целях реализации стратегических национальных приоритетов**

Аннотация: Поставленная Стратегией национальной безопасности Российской Федерации задача расширения использования инструментов государственно-частного партнерства для решения стратегических задач развития экономики анализируется в контексте упорядочивания системы профессиональной подготовки и повышения квалификации в сфере управления руководящего звена частных охранных структур. Выдвигается предложение создания в РАНХиГС координационного и методического центра в целях образовательного, научного, аналитического, информационного и экспертного обеспечения государственно-частного партнерства в сфере экономической безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, частные охранные структуры, государственно-частное партнерство, стратегическое планирование.

Pavel SHASHKIN,
PhD in Philosophical sciences, associate professor,
Institute of Law and National Security, RANEPА

**Prospects for public-private partnership in the sphere of security
in order to implement strategic national priorities**

Abstract: The task stated by the Strategy of national security of the Russian Federation to expand the use of tools of public-private partnership in order to address the strategic objectives of economic development is analyzed in the context of ordering the system of training and enhancing professional skills in the management of private security structures. It puts forward a proposal to create a coordination and methodical centre in RANEPА for educational, scientific, analytical, informational and expert support of public-private partnership in the sphere of economic security.

Keywords: National security, economic security, private security structures, public-private partnership, strategic planning.

ШЕВЧЕНКО Алевтина Владимировна,

доктор политических наук, профессор,
заместитель директора Института права
и национальной безопасности по научной работе, РАНХиГС

**Выработка новых методов реализации стратегических приоритетов
и национальных интересов: корректировка по практике (Предисловие)**

Аннотация: В обзоре программы Четвертой научно-практической конференции, посвященной выработке подходов и методов реализации обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, выделены основные направления научных обсуждений, отмечены наиболее значимые результаты состоявшихся дискуссий.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты.

Alevtina SHEVCHENKO,

Grand PhD in Political Sciences, professor,
Deputy Director for Research,
Institute of Law and National Security, RANEPА

**Development of new methods for implementing strategic priorities and
national interests: adjusting practice (Foreword)**

Abstract: In the programme review of the Fourth Scientific and Practical Conference devoted to the development of approaches and methods for implementing the updated National Security Strategy of the Russian Federation, the author highlights the main areas and the most significant results of the scientific discussions.

Keywords: National Security Strategy of the Russian Federation, national interests, strategic national priorities.

Научное издание

Под редакцией
Шевченко Алевтины Владимировны

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И РЕАЛИЗАЦИЯ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

Сборник докладов и выступлений

Технический редактор – Н.В. Мочалова
Редактор текстов на английском языке – А.А. Тарчокова

Подписано в печать 19.05.2017. Бум. офсетная. Формат 60/90 1/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5
Тираж 500 экз. Заказ 235П

ООО «Издательство Проспект»
119606, г. Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 2

